

О слышании и делании митрополит Сурожский Антоний (Блум)

От издательства

От издательства

Митрополит Антоний родился в 1914 г. Раннее детство провел в Персии, где его отец был российским консулом. После революции семья несколько лет скиталась по Европе и в 1923 году осела в Париже. Будущий митрополит окончил здесь среднюю школу, затем биологический и медицинский факультеты университета. В 1939 г., перед уходом на фронт хирургом французской армии, тайно принес монашеские обеты; в мантию с именем Антония был пострижен в 1943 г. В годы немецкой оккупации – врач в антифашистском движении Сопротивления. После войны продолжал медицинскую практику до 1948 года, когда был призван к священству, рукоположен и направлен на пастырское служение в Великобританию. Епископ (1957), митрополит и Патриарший Экзарх в Западной Европе (1966); освобожден от этой должности по собственному прошению в 1974 г.; с тех пор полностью посвятил себя пастырскому окормлению все увеличивающейся паствы своей епархии и всех, кто обращается к нему за советом и помощью. Митрополит Антоний – почетный доктор богословия Абердинского университета «за проповедь слова Божия и обновление духовной жизни в стране», Московской Духовной Академии – за совокупность научно-богословских, пастырских и проповеднических трудов, и Кембриджского университета. Первые его книги о молитве, о духовной жизни вышли на английском языке в 1960-е годы и переведены на многие языки мира. В последнее десятилетие тексты владыки Антония издаются в России как отдельными книгами, так и на страницах периодической печати, церковной и светской; прежде они имели широкое хождение в самиздате. С первого номера «Альфы и Омеги» тексты митрополита Антония неизменно присутствуют на страницах журнала. За пять лет из них составилась сборник, который и предлагается читателю (одно исключение: сборник

дополнен публикацией из журнала «Человек» 1996 № 6 и 1997 № 1, «Оживший из мертвых»). Напомним слова, которые редакция предпослала первой публикации проповедей митрополита Антония на библейские тексты: «Мы понимаем православность библейской экзегезы прежде всего как ее принципиальную укорененность в проповеди. Проповедь обращена и к религиозному чувству, и к опыту, и к разуму человека, – а только всей полнотой своей личности мы и можем воспринять всю полноту Писания». В этом отношении сборник, как нам кажется, органично сочетает размышление над словом Писания и тексты, где так явственно видно конкретное воплощение в жизни того, чему учит нас слово Божие. Напомним и то, что Владыка никогда не пишет, не готовит заранее свои беседы и выступления. Всё издаваемое первоначально родилось как слово, обращенное непосредственно к слушателю. Издатели стремились максимально сохранить это звучание живого слова Владыки и в печатном тексте.

I. ПРОПОВЕДИ

О СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Евангелие читается в церкви почти на каждом богослужении; на каждой службе мы предстоим слову Божию и думаем, что этим мы становимся народом Божиим. Но от нас требуется гораздо большее, если мы хотим быть таким народом Божиим, – тем народом, который может сказать, что Божественное слово принадлежит ему.

Библия родилась в человеческой общине; Евангелие родилось в Церкви; и израильская община, и Церковь Божия существовали раньше, чем возникло Священное Писание. Именно **изнутри** этой общины родилось познание Бога, любовь к Богу, видение Его невыразимой красоты, а также состояния и судьбы, становления и призвания человека. Народ Божий – это такая община, которая свидетельствует о чем-то, что ей достоверно известно, что является ее жизнью, предметом ее любви, ее радостью. Библейский народ – это не народ, который **читает** Библию, верно хранит ее и возвещает ее; подлинный народ Божий, подлинный народ библейский, подлинный народ евангельский должен быть такой общиной, которая могла бы сама написать Священное Писание, проповедовать его из собственного **опыта**, дать ему начало, родить его. Если мы не такая община – мы не принадлежим поистине ни Евангелию, ни народу Божию.

Часто мы себя утешаем тем, что мы – молитвенная община, где слово Божие возвещается, где оно проповедуется; община, которая так или иначе стремится жить словом. И однако, если мы взглянем вокруг, то все, что мы видим, свидетельствует как раз об обратном; если бы мы были общиной, изнутри которой, из глубины опыта которой родилось Божественное слово, то для тех, кто слышит, как мы повторяем его, возвещаем и проповедуем, оно было бы двояким откровением: откровением того, что возвещается, и откровением о том, что возвещаемое стало плотью и кровью, стало реальностью человеческой жизни;

община, которая проповедует Божественное слово, была бы доказательством истинности этого Божественного слова.

Это ли мы видим? Можем ли мы сказать, что община, которой мы являемся, большая она или малая, есть воплощенное подтверждение вести, которую мы несем, Благой Вести, принесенной Христом в мир? Не продолжает ли оставаться верным – и теперь, может быть, больше, чем в ранние времена, – что слово Божие хулится и подвергается насмешкам из-за нас?

Вот возрождение, к которому мы призваны: у нас есть книга, родившаяся из самых глубин человеческого опыта Бога, книга, где Бог действительно говорит через общину, которая **была способна** свидетельствовать об истинности слова. Мы должны снова стать такой общиной, мы должны научиться жить согласно слову Самого Бога, откровению Его воли; мы должны научиться быть таким народом, жизнь которого **со-гласна** со словом Евангелия.

Пока Евангелие остается для нас внешним законом, пока Евангелие остается Божественной волей, отличной от нашей воли или противной ей, мы **не** евангельская община; может быть, мы, в лучшем случае, стремимся быть ею, но мы еще **не** община, способная дать миру откровение Благой вести. Христос сказал, что слово, которое Он проповедал, – не просто произвольное веление Бога, а откровение о подлинном человеке, откровение, данное нам и другим, о том, как настоящий человек чувствует, думает, желает и живет. Пока наши чувства не таковы, пока наши мысли не таковы и наша жизнь не такова, мы не то что «не послушны» Божиему закону, мы не то что изменяем самим себе, – мы просто не «человечны» в подлинном смысле, в смысле призвания, заключенного в этом слове.

Так, обновление Церкви начинается с каждого из нас; преобразования в Церкви, когда они касаются форм молитвы, когда они касаются внешних структур, – это еще не возврат к истокам, к первоисточникам. Есть один источник света, из которого бьет вода вечной жизни: само Евангелие, которое

является откровением (для каждого из нас и для всех нас) того, **что** есть Человек и человеческие отношения.

Поспешим же принять это свидетельство Евангелия, осознав, что когда придет на нас суд, то судить нас будут не Бог и закон, отличный от нас и чуждый нам. Но мы увидим, чем мы должны были стать, чем мы могли быть и чем мы не захотели стать. Тогда будет горе, тогда действительно будет плач, не потому, что Бог проклянет нас и отвергнет, а потому, что, видя красоту нашего призвания, мы увидим, как далеко мы от него отпали.

Давайте же сейчас, пока еще есть время – и на это не нужны годы, – на то, чтобы преобразить жизнь, нужно одно мгновение, – давайте обратимся к самому Евангелию, давайте научимся от Самого Христа, **что** мы собой представляем, **чем** мы можем быть; и если мы сомневаемся, действительно ли это возможно, вспомним слова Христа, когда Петр сказал: «Кто же может спастись?» и Христос ему ответил: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19:25–26). Давайте же идти вперед, в этой надежде, в этой радости и в этой уверенности. Аминь.

26 ноября 1967 г. Пер. с англ.

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Каждую неделю мы слышим в церкви чтение Евангелия, – и так из года в год, в течение всей нашей жизни; и кроме того, люди верующие вчитываются в Евангелие изо дня в день.

И как страшно, как грустно думать, что мы так привыкаем к чтению Евангельскому и к святым, возрождающим словам, которые Бог произносит для нас, как страшно и грустно, что мы так привыкаем – и слово **Евангелие** означает для нас только название книги, но не возбуждает в нас того восторга, того умиления, которые это слово, произносимое Иоанном Крестителем, повторяемое учениками Спасителя Христа, возбуждало в душах людей.

Ибо слово «Евангелие» на русском языке действительно означает только книгу, в которой содержится рассказ о жизни, о чудесах Спасителя и Его учение. Но на греческом языке слово **euaggelion** значит «благая весть», нечто совершенно заново провозглашаемое, новизна чего настолько дивна, что можно сказать об этой вести, что она **благая**. А слово «благой» употребляется в Евангелии так трепетно! Ведь вы помните, как человек подошел ко Христу и Ему сказал: "Учитель **благий**, что сотворю, чтобы иметь вечную жизнь?" И Спаситель ему ответил: «Почему ты называешь Меня благим? Благ только Бог» (Мф. 19:16–17; Мк. 10:17–18; Лк. 18:18–19).

И если мы говорим об этой вести Евангельской, что она действительно **благая** весть, то она должна обозначать для нас совершенную новизну жизни, ту новизну, которую только Бог может нам сообщить.

О чем же эта весть, что в ней такое не только новое, но дивное? – Весть о том, что Бог, Который для всех народов земли и даже для еврейского народа был Тем, Кого Пророк называет «Бог вдали», то есть Бог страшный, Бог такой великий, что к Нему подойти нельзя, Бог, о Котором пророки и подвижники говорили: «Горе мне! Я видел Бога, мне остается только умереть», – что этот Бог перестал быть Богом издалека и

стал нам так неопиcуемо, так неизмеримо близок: Он стал человеком. Во всем Он уподобился нам; Он носил плоть нашу; Его душа была подобна всякой человеческой душе, Он имел человеческий ум, и человеческое сердце, и волю человеческую. Но сверх того, Он был Живой Бог, ставший человеком.

И этим Он открыл перед нами две тайны, такие, о которых никто подумать не мог бы. Никто не посмел бы подумать, что Бог непостижимый, святой, Бог, Который является Самой Тайной бытия, может стать человеком, подобным нам. Этот Бог, Который вызывал трепет в людях, теперь вызывает в нас ласковую благодарность: Он сын **человеческий**, не переставая быть Сыном Божиим.

И второе, что открывается нам в воплощении Слова Божия, это то, что человек настолько велик, настолько глубок, что способен соединиться с Богом и не быть уничтожен сам Божественным огнем, – соединиться с Богом без того, чтобы Божество было в чем бы то ни было умалено.

Образ этого соединения мы находим в Ветхом Завете в образе **неопалимой купины**, того куста, который горел Божественным огнем – но не сгорал, потому что Божественный огонь превращает всё, к чему касается, в пламя, но не испепеляет. Божественный огонь уничтожает только зло, грех, то, чего на самом деле нет: а всё, что только может иметь бытие, он возводит в такое величие, которое описывает нам апостол Петр, когда говорит, что мы призваны стать «причастниками Божественной природы» (2Пет. 1:4).

И еще одно нам раскрывается в Евангелии, еще одна благая, непостижимо благая, непостижимо великая весть: то, что Бог так нас возлюбил, что Он стал Одним из нас для того, чтобы с нами вместе понести всю человеческую тварную судьбу и все страшные последствия человеческого греха, происшедшие через отпадение от Него, Творца нашего. Это Бог, Которого мы можем не только любить, не только трепетать перед Ним, но Бог, Которого мы можем почитать и, говоря человеческим языком, «уважать», потому что Он на Себя взял всю ответственность за Свой первичный акт сотворения

человека и за страшный, поистине страшный, но тоже дивный дар свободы.

Без свободы была бы невозможна любовь, потому что любовь – это совершенство свободы, без любви мы были бы только предметами, но не могли бы ответить на Божию любовь любовью, которую мы можем Ему дать или в которой можем отказать.

Как дивно думать, что таков Бог; что Он всё на Себя берет, что произошло от Его решения нас создать, что все последствия нашего греха Он берет на Себя и в Себе всё побеждает и нам дает свободу быть чадами Божиими, приобщиться Его Божественной природе, стать Его детьми. Как говорит Ириней Лионский, «в Единородном Сыне Божиим, силой Святого Духа, стать единородным сыном Небесного Отца».

Вот в чем **благовестие**, вот что новое, никогда не слыханное, никогда не грезившееся, и что является не мировоззрением, не мечтой, а дивной, спасительной, преображающей реальностью. Когда будем читать Евангелие, вспомним слова Христа Спасителя: «Я делаю всё новым», – и действительно, весь мир стал новым, потому что нет ничего созданного, что в Нем не может узнать себя преображенным и обоженным. Аминь.

18 ноября 1990

О ЕВАНГЕЛИИ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Многим Евангелие почти что кощунственно представляется как книга грозного Божиего суда, требований Господних; но как далек этот образ от живого чувства, которое Евангелие вызывает в том, кто читает его впервые!

Когда из глубины растерянности, греха или горя приступаешь к Евангелию, оно раскрывается как книга радости и надежды: радости о том, что среди нас Господь, не далекий, не грозный, а родной, свой, облеченный в человеческую плоть, знающий из личного Своего опыта, что значит быть человеком; а надежда в том, что на каждой странице Господь требует от нас, чтобы мы были достойны величия своей человечности, требует, чтобы мы не смели быть ниже своего достоинства и уровня, не дает нам стать меньше, чем человек – хотя мы и грешим так часто, и недостойны бываем и себя, и Его. Какая надежда звучит в том, что Христос пришел грешных спасти и призвать к покаянию, что Он для грешных жил и умер, что к ним обращена Его проповедь; и какое откровение о Боге в этом образе Христа, воплотившегося Сына Божия!

Бог Ветхого Завета, Бог древних религий был Богом непостижимым, Богом страшным и, в Его святости, Богом недоступным. И вот в Евангелии раскрывается Бог доступный и простой – но какой ценой! Он стал человеком и через это отдал Себя во власть всей злобы и неправды земной. Он дал Себя на растерзание и на погубление; по любви к нам Он захотел быть таким же уязвимым, как мы, таким же беспомощно-беззащитным, как мы, таким же презренным, как мы бываем в глазах тех, кто верит только в силу и успех.

Вот каким раскрылся перед нами Бог. И Он нам открыл, что нет такой глубины падения, растерянности и страха, и ужаса, в которую Он до нас не сошел, с тем, чтобы если и мы в нее падём, мы не оказались бы одни. В Гефсиманском саду Он, в борении и ужасе, встречал не Свою, а нашу смерть. И в течение всей Своей жизни Он был именно с теми людьми, которые

нуждались, чтобы к ним пришел Бог, потому что они потеряли к Нему дорогу. Вот Бог, в Которого мы верим, вот Бог, Который крестной любовью и ликующей, торжественной любовью Воскресения нас возлюбил, искупил и открыл нам величие человека и нашего призвания. Поэтому станем жить достойно того звания, к которому мы призваны, радуясь о том, что с нами Бог! Аминь.

Ноябрь 1975 г. Пер. с англ.

КАК ЧИТАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Меня часто спрашивают: как нам читать Евангелие, чтобы оно достигало не только до ума, но и до сердца, и так, чтобы оно не стояло всегда перед нашим умственным взором как осуждение, когда каждое действие Христово, каждое слово Христово, каждая Его заповедь осуждают нас в том, что мы не такие люди, которые поступают, как Он, думают и чувствуют, как Он, или выполняют то, что Он заповедал нам?

Из страха, из обескураженности мы ничего не достигнем; мы должны читать Евангелие так, как если бы Господь Иисус Христос пришел к нам как самый близкий друг, то есть как кто-то, кто заботится о нас больше всех других, кто не только вообще желает нам добра, но готов сделать **все**, именно все для нас, что возможно не только по-человечески, но и по-Божьи.

По человечеству мы знаем, что Христос отдал за нас Свою жизнь и Свою смерть; как Бог – Он открывает нам врата вечности: «Я есмь дверь; кто войдет Мною, войдет в жизнь вечную» (Ин. 10:9).

Первое, что мы должны сделать, когда приближаемся к Евангелию, – это взять его с благоговением, с чувством, что мы держим не только книгу и что мы будем читать не просто слова, но что эта книга и эти слова, которые мы читаем – это СЛОВО, Бог говорящий; говорящий через действие, говорящий человеческими словами. И очень важно, что человеческие слова являются для этого средством, потому что мы не можем проникнуть в таинственный ум Божий. Не сказал ли Бог через Исаию пророка: «Мысли Мои выше мыслей ваших, и пути Мои выше путей ваших»? (Ис. 55:9). Но во Христе Он обращается к нам на человеческом языке.

И затем мы должны прислушиваться к тому, что Он говорит, и вглядываться в то, что Он творит, всматриваясь во все ситуации, которые описаны в том или другом евангельском отрывке, с благоговением, с интересом, с трепетом, потому что это **Он** говорит нам, **Его** мы видим движущимся, действующим,

спасающим. И мы должны постараться и найти свое место в толпе, Его окружающей, слушать, как если бы мы присутствовали действительно, когда Он произносил эти слова, слушать, как если бы мы стояли в толпе, когда Он целил, спасал, звал к покаянию людей, пришедших к Нему. И слушать, будто слова, которые Он произносил, как говорит в Евангелии апостол Петр, – «слова жизни» (Ин. 6:68), не слова смерти; слова, способные пробудить в нас все, что есть живого и по-человечески, и по вечности, по-Божиему; слова жизни, а не слова смерти в том смысле, что они должны привести нас к жизни, а не осудить нас даже прежде нашей смерти.

И это очень важно, потому что из страха, из чувства осужденности мы никогда ничего не достигнем. Итак, будем читать Евангелие, выбирая все те отрывки, которые **доходят** до нас, – не те отрывки, которые проходят мимо; отрывки, которые бьют нас в сердце, или, словами Эммаусских путников, заставляют "гореть" наши сердца, когда Он говорит нам (Лк. 24:32). Будем читать эти отрывки, которые, воспламенив наши сердца, могут также привести – или приводят – к жизни наш ум, подвигают нашу волю, побуждают нас к новой жизни.

И вспомните – или поймите впервые – что эти отрывки показывают нам, что **в этом** (и это может быть что-то очень малое) Бог и мы едины умом, едины сердцем, что мы коснулись чего-то, в чем мы уже, пусть потенциально, подобны Богу. Это – откровение Божие нам, когда мы обнаруживаем, что Он подобен нам, а мы – Ему. Это и откровение о нас самих: в этой точке Бог и я – сродни, мы подобны; это уже отблеск Божественного образа, который я могу уловить в себе. И обнаружив это, мы можем прибавить: Дай мне быть верным этому, потому что сохранив верность этому, я буду также верен себе и верен Богу.

И если мы храним как сокровище, как священное сокровище эти отблески нашего самого дивного божественного «я» и дивного человеческого «Я» Бога, тогда мы можем идти вперед с радостью, с вдохновением; мы можем идти вперед к тому, чтобы стать тем, что мы на самом деле есть. Конечно, на этом пути мы будем чувствовать внутреннее сопротивление, мы не всегда будем хотеть быть тем лучшим, чем мы можем быть; и

на это нам ответят другие евангельские отрывки: берегись, если ты согласишься на то или другое искушение, если ты последуешь иному течению жизни, мысли – ты разрушаешь себя... Потому что заповеди Христовы – не приказы, которые Он нам дает, не муштровка; это – да, действительно, в форме заповедей – описание того, что мы должны чувствовать, чего желать и чем быть, если мы подлинно становимся людьми, достойными человеческой природы и нашего человеческого призвания, которое состоит в том, чтобы стать подобными Христу и «участниками Его Божественной природы».

И если мы это сделаем, если мы начнем вглядываться и искать всего, что в нас есть красота, – уже образ Божий в нас, раскрывающийся, как солнечный свет всходит на заре (это может еще не быть яркий полуденный свет, но это всегда свет, может быть, за горизонтом – но свет!); тогда мы найдем вдохновение и мужество встать лицом к лицу с потемками и тьмой в нас. Но встать творчески, с тем, чтобы строить, а не с тем, чтобы разрушать. Зло не разрушают, не уничтожают – но строят добро; так же как мрак рассеивается не иначе, как внесением в него света.

Попробуем поэтому в будущем читать Евангелие, слушать его с благоговением, с радостью: Бог пришел ко мне, Он говорит мне лично; Он открывает мне красоту, которая есть во мне, и предостерегает меня о том, что может убить эту красоту. Но Он на моей стороне, Он мой Друг, мой Брат по человечеству, и также мой Бог и мой Спаситель. Аминь.

12 мая 1991 г. Пер. с англ.

О СЛЫШАНИИ И ПРОПОВЕДИ СЛОВА БОЖИЯ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я хотел бы сегодня обратить ваше внимание на два отрывка из апостола Павла. В одном месте (Рим 10:17, 14) он говорит, что вера приходит от слышания, а слышание – от проповеди слова Божия. И кто мог бы услышать без проповедующего?

А в другом месте он говорит, что вера, которую мы провозглашаем, не от людей, а от Бога, и что сам он, Павел, принял ее и научился ей не от людей, но через откровение Самого Бога (Гал 1:12).

Каким же образом эти слова относятся к нам? Не противоречат ли эти изречения одно другому? Может быть, первое – слышание – **случается** в жизни каждого из нас, а второе – откровение Божие – **должно** бы осуществиться в жизни всех нас?

Мы не находим Спасителя и не обнаруживаем Евангелия, если оно не возвещается, не проповедуется, если весть о нем не дойдет до нас. Но провозглашения как такового недостаточно; недостаточно нам услышать слово, в котором больше смысла и мудрости, чем в прежнем нашем неверии или неведении. Слово дошло до нас тогда, когда оно проникло в наши тайники, когда оно стало светом для нашего ума, когда сердце загорелось этим словом, и мы вдохновились жить согласно с этим словом, от кого-то услышанным.

И в этом смысле наша вера во Христа, в Евангелие – не мировоззрение; это жизнь, открывшаяся перед нами, это новая интенсивность, новая глубина жизни. И если это не так, то мы не ученики, мы только слышатели; потому что быть учеником значит услышать весть, воспринять ее и жить согласно этому благовестию; не как по указке и по приказу извне, а как если бы нам открылось новое понимание; и вот исходя из этого понимания, ставшего теперь личным, опытным убеждением, мы должны жить.

И тогда сказанное Павлом о вере – что он научился ей не от людей, а от Бога – можно отнести и к нам, потому что слово, прозвучавшее и достигшее до нас через посредство людей, стало для нас полнотой жизни, которая только в Боге и от Бога.

И Павел говорил о своей проповеди и проповеди других Апостолов именно в этом смысле: что они благовествуют Евангелие не от человеческого разума, не от философских мудрствований, но откровением силы Божией, могущей обновить человека.

Прямое отношение к нам этих отрывков кажется мне очевидным. Прежде всего, если мы собрались здесь – значит, мы слышали это слово, прочитали его, и оно достигло нас в какую-то меру; но вот – в какую меру? Сделало ли оно нас такими людьми, которых можно назвать христовыми? Можем ли мы сказать, что мы – ученики, т. е. люди, которые всей энергией, всем умом и сердцем, всей волей стараются подражать своему Наставнику? Он сказал нам: «Образ, пример Я даю вам, чтобы вы ему следовали»... Пример Он дал, – следуем ли мы за Ним? Или же, идя, останавливаемся, когда находим следование Христу слишком требовательным, когда оно становится проблемой, когда жизнь Христа, личность Христа, учение Христа ставят под вопрос, осуждают наш образ жизни?

И вот, только если мы сами превратились в благую весть, мы можем сказать, что слово дошло до нас. Оно дошло до нас, если мы стали такими учениками Христа, что, глядя на нас, люди бывают озадачены, встрепены и начнут ставить под вопрос самих себя, обнаружив: тут какие-то люди, мужчины и женщины, которые ни на кого другого не похожи, – не потому, что они мыслят по-иному, а потому, что они **стали** иными.

Нам надо задуматься: где мы стоим по отношению к этим двум изречениям? Может, слово, возвещенное нашему слуху, не достигло нас даже умственно, и мы отмахнулись от него как от бессмыслицы, или же нашли, что оно слишком жестоко или перечит нашим желаниям? Но даже если мы можем сказать: Да, я **хочу** быть учеником, – как далеко мы пошли в стремлении сообразовать свою жизнь с жизнью Христа, отбросить то, что с

Ним несовместимо, стать людьми, в которых наш ближний может узнать икону Христову?

Сегодня мы вспоминаем Седьмой Вселенский Собор, который провозгласил почитание икон. Но недостаточно почитать рукописный образ; недостаточно даже перенести почитание и поклонение на Того, на Ту, на тех, кто изображен на иконе. Мы сами должны стать живыми образами Воплощенного Бога, со всей непостижимой глубиной и широтой того, что это означает.

Будем же молиться изо дня в день, чтобы Бог нам дал мужество **стать** тем, чем мы призваны быть: христианами, народом Христовым! И да будет благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь!

22 ноября 1987 г. Пер. с англ.

О СЛЫШАНИИ И ДЕЛАНИИ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Есть два изречения в Священном Писании, на которые я хотел бы обратить ваше внимание; одно относится к говорящему, другое – к слушающему. Первое – это слово Христа: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф 12:37). Оно относится не только к тому человеку, который проповедует слово Божие и будет отвечать сугубо за то, что знал и говорил – и часто сам остался бесплодным; но это относится к каждому из наших слов. Бывает, что произносимые нами слова приносят жизнь человеку, его сердце вновь делается от них живым, ум озаряется, воля подвигается к добру, все естество его делается новым, – это слова жизни. Дай Бог нам говорить их друг другу. А есть мертвые, жесткие, бесчувственные слова, в которых нет гнева, а есть только тусклость и мертвость. За эти слова мы дадим ответ перед Богом. И поэтому так значительна молитва, которую постоянно повторял святитель Тихон Задонский: «Господи, дай мне молчаливость, рассуждающую словеса»; то есть: дай мне такую молчаливость, благодаря которой я бы мог из глубины молчания выбрать слова животворные, чистые, глубокие, за которые мне не будет стыдно перед судом Божиим... Дай мне, Господи, молчаливость, рассуждающую словеса!

Но не только тот, кто говорит, но и тот, кто слышит, ответственен за произносимое слово: «Блюдайте убо, како слышите», – говорится в Евангелии (Лк 8:18). Можно слушать сердцем глубоко открытым, можно слушать закрытым, замкнутым сердцем и душой. Можно слушать для того, чтобы от слышанного, даже глубокого, Божественного, получить мгновенное наслаждение, но без всякого намерения жить по слову, которое тронет душу. Можно слушать насмешливым, горьким умом; можно пройти мимо Самого Христа говорящего и остаться бесплодным. В течение всей нашей жизни мы слышим Божественные, Христовы евангельские слова – и как мало они

меняют нашу жизнь... И когда-нибудь мы услышим от Христа слово, сказанное еще в Евангелии: «Я вас не сужу; судить вас будет слово, которое Я говорил» (Ин 12:47–48). Потому что это слово живое; от этих слов Христовых хоть на мгновение содрогается, оживает у нас сердце, но эти слова не уходят в глубины нашего естества, не делаются вдохновением нашей жизни, и мы проходим мимо, изумившись и оставшись бесплодными. Почему? Потому что у нас нет глубины и потому что у нас нет смелости, нет той решимости, которая нас заставила бы сказать: если это правда, то я буду жить **так**, уже без пощады к себе, без всякой жалости к себе; ради жизни я буду поступать наперекор всем стремлениям, всей лжи, и неправде, и мертвости, которые во мне есть...

Подумаем над этими двумя изречениями; научимся молчать так, чтобы наше слово было избранное, чистое, животворящее, и научимся так слышать, чтобы ни одно слово жизни не прозвучало напрасно и не стало бы в день судный нашим осуждением. Аминь.

1971 г.

НАБЛЮДАЙТЕ, КАК ВЫ СЛУШАЕТЕ...

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодняшнее Евангелие содержит очень строгое предупреждение нам. Христос несколько раз повторяет: «У кого есть слух, пусть слушает!» Берегитесь, «внимайте тому, как вы слушаете»... И в другом месте Евангелия Он напоминает, что мы дадим ответ за то, что слышали, как мы слушали, что мы восприняли и что мы из этого сделали в жизни... Миллионы людей сегодня, миллионы людей в течение истории много бы дали, чтобы услышать малую крошку того, что **мы** слышим так постоянно, что все время повторяется в церкви. За каждой службой мы слышим Евангелие, слово Самого Христа, слова Его учеников; и перед нами встает вопрос: как мы слушаем и как мы слышим? Мы можем слушать со вниманием, даже дрогнув сердцем, можем вдохновиться на мгновение, а потом, полюбовавшись красотой, мудростью слов Христовых, уйти из храма и не принести никакого плода. Мы можем, наоборот, удержать эти слова в памяти и повторять их другим, и любоваться их смыслом, но одновременно оставаться бесплодными. Наши слова, вернее, слова Христовы через нас, может быть, и достигнут своей цели, коснутся чужого сердца, но нашего сердца они могут не коснуться, нашей воли они могут не привести в движение, нашей жизни они могут не изменить... А бывает так, что слово ударит в сердце, и возгорится там огонь, и горит, и светит не только нам самим, но и другим. Христос говорит: «Зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф 5:15). Умеем ли мы так слышать Христовы слова? Способны ли мы услышать слухом, осознать умом, воспринять сердцем, подвигнуться волей, сделать слышанное жизнью – или нет?

И вот Христос нам говорит: «Наблюдайте, как вы слушаете» и как вы слышите... Потому что придет время, когда слово, нами слышанное, будет нас судить; не потому что мы слышали, и не потому только, что это слово правды, слово Божие; а потому что это слово отозвалось в нас истиной, красотой,

вдохновением, а мы, полюбовавшись, отложили его в сторону с тем, чтобы когда-нибудь на досуге вспомнить. Такие слова делаются именно теми пустыми, бездейственными словами, которыми полна наша жизнь, и мы дадим за них ответ.

Будем же слушать евангельские слова, даже слова проповеди, так, чтобы они доходили не только до ума и сердца, но до всей жизни, чтобы все слышанное стало жизнью, чтобы кому-нибудь стало светло от света Христова, тепло от Христовой любви, чтобы жизнь стала новой вокруг нас, потому что до нас дошла новизна этой жизни Христовой. Аминь.

1972 г.

КАК Я СЛЫШУ?

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Из года в год в определенные воскресные дни, в праздники мы слышим те же самые отрывки из святого Евангелия – и из года в год священник усиленно обращается к слушающим его, а в первую очередь к самому себе с вопросом: что говорит мне этот отрывок? К чему он меня обязывает, если я заявляю себя верующим? Как я слышу? И если я слышу – что скажу?..

Глубины Евангельские бездонны, и из года в год в течение лет священник находит в них новые, разверзающиеся перед ним смыслы. Но **его** глубина ограничена, хотя Евангельская глубина бездонна. И приходит момент, когда нового он сказать ничего не может. И тогда – как делается больно и грустно, что вновь говорит Христос слова, которые зажигают душу, но слова, на которые я не умею отозваться.

И с другой стороны, охватывает сознание, что и слушающий слышит эти слова и говорит, как мне часто говорили: “Зачем повторять всё одно и то же?..” Нам не нужна вся глубина Евангельская для того, чтобы спастись, но нам нужно до глубины своей души довести то, что нам стало понятно...

Вспоминается один из пустынников Фиваиды, который от Антония Великого услышал первые слова первого псалма: “Блажен человек, который никогда не идет на совет нечестивых» (Пс. 1:1). Он другого не захотел даже слышать; ушел. И когда через много лет Антоний его встретил в пустыне и спросил – неужели он не захотел большего услышать? – тот со слезами ему ответил: «Вот уже сорок лет я стараюсь стать таким человеком, который никогда не ходит на совет нечестивых...» Одно слово Священного Писания определило всю его жизнь, потому что это слово он воспринял всем своим существом; поскольку мысль могла постичь, поскольку сердце могло отозваться, поскольку воля могла осуществить эти слова, он этими словами жил.

И поэтому когда мы слышим вновь те же самые отрывки, хуже того – когда мы услышим вновь и вновь те же самые слова

священника по поводу прочитанного, поставим перед собой вопрос: Да, Христос много раз это говорил; много раз мне разъясняли в церкви то, что было сказано; но что **я сам** сделал? Неужели эти слова запали в мою душу так, что они переменили мою жизнь, мой образ мыслей, мои чувства, мою волю, всё мое существо?.. И если нет, то будем вновь и вновь слушать эти слова, – жалкие слова проповедника, бездонно-мудрые слова Христа, будем их слушать и ставить перед собой вопрос: живу ли я этим?..

А если нет – то будем к этим словам вновь и вновь возвращаться оттого, что пока они не станут жизнью, они напрасны; и больше того – ведь апостол Павел в своем послании говорит: Берегитесь, как вы слышите: неужели это только звук, который проходит мимо вас? Или же это слово – как зерно, которое падает на добрую почву с тем, чтобы принести плод?

Будем задумываться вновь и вновь над каждым из этих обычных, привычных нам слов Христовых. Будем слушать и слова проповедника, даже если они повторны, потому что пока мы не исполним того, что слышали, мы должны это слышать вновь и вновь, и каяться в том, что, слышав столько раз, принесли так мало плода.

И это я говорю не вам, а себе, потому что говорящий большую ответственность несет, нежели тот, который слышит. «От слов своих оправдаешься, от слов своих осудишься», – говорит Господь (Мф. 12:37). Будем молиться друг о друге, чтобы каждое Евангельское слово ожило в наших душах: и когда мы слышим его, выберем одну крупицу, которой мы умеем или способны уже жить, и станем ею жить, то есть действительно, творчески ее выполнять. Аминь.

22 сентября 1991

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ

Евр 11:9–10, 17–23, 32–40; Мф 1:1–25

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодняшние чтения из Апостола и Евангелия раскрывают перед нами две стороны веры древнего Израиля, Народа Божия, и его верности, и являют нам также необычайность путей Божиих.

В Послании мы видим ряд людей, мужчин и женщин исполинской веры, которые так поверили Божиему слову и Богу, давшему это слово, что готовы были жизнь свою и свою смерть отдать ради этого обещания, однажды данного их предкам и остававшегося неисполненным на протяжении тысячелетий.

И нам надо научиться этой верности потомков Авраама, которому Бог это обетование дал. Около двух тысяч лет целый народ жил всей верностью, на которую был способен каждый отдельный человек этого народа. Потому что слово Божие – правда, и как бы долго ни ждать его исполнения, оно остается правдой, и пути Божии остаются выше путей наших, и мысли Его – выше мыслей наших; непонятные, таинственные пути, но всегда верные. И в ответ на Божию верность целый народ явил способность быть верным обетованию, которое продолжало оставаться неисполненным до дня, когда Сам Господь пришел стать человеком, когда Сын Марии родился, подлинный "Эммануил", «с нами Бог», Которого человечество ждало на протяжении всей истории.

А дальше – чтение начала Евангелия от Матфея. Иногда мы слушаем это чтение как-то нетерпеливо: **причем** все эти имена?.. Даже ученые, изучавшие Ветхий Завет, не всегда могут сказать, кто именно скрывается под тем или другим именем; зачем этот длинный перечень? Но вот, неужели не вздрогнет наше сердце о том, что Господь Иисус Христос, Сын Божий, становясь человеком, приобретает длинную человеческую линию предков; что Он принимает на Себя человеческую наследственность; что каждое столетие, иногда – каждое

десятилетие приносило еще одно свойство, вплетая его в историю человеческой семьи, увенчанием которой был воплотившийся Сын Божий?

И когда мы читаем эти имена, – многие из них нам известны тем, что это имена святых, великих людей духа, которые поражают нас своей святостью. Но сколько среди них и людей сложной судьбы: Раав блудница, Вирсавия, бывшая жена Урии, силой взятая Давидом; Руфь чужестранка... В этой родословной святость и человеческая хрупкость, грех так переплетаются, что это должно бы поражать нас: как может Сын Божий принять на Себя человеческую природу, которую сплело столько рук; одни руки чистые, другие – запятнанные? Так – и руки, и души, и тела, и умы, и сердца?.. Все они, эти люди, перечисленные здесь, такие хрупкие и так порой отличающиеся от подвижников духа, описанных в сегодняшнем Послании, также были частью народа, возлюбившего обетование и жившего надеждой на него, каждый по своей силе или по своей хрупкости.

И дивно, что одно из имен, которыми Ветхий Завет называет Бога, это «Огонь Поядающий» (Втор.4:24); но этот всепожирающий огонь – не разрушительный огонь, а огонь, способный принять в себя все и все обратить в пламя: чистое, сверкающее, за пределом осквернения. Огонь питается и драгоценным деревом, и отбросами; когда пища огню в него брошена, она им принята и им изменена. И это – наша надежда, и это диво наше, что мы **можем** прийти к Богу, как Раав, как Вирсавия, как Давид, как Соломон, как Фамарь, как Манассия, как все эти люди, которые вспоминаются здесь за их хрупкость, но также и за их покаяние и за их верность: они поверили, что Бог Своего обещания не нарушает, и поэтому можно жить ради этого обещания, ожидая его исполнения в нашей ли жизни или через много поколений.

И однажды исполнилось это обетование: Бог пришел, Он – "Эммануил", «Бог среди нас», «с нами Бог». Бог пришел, и Его имя, человеческое имя "Иисус" означает «Господь есть спасение»: обещание исполнено. Но не следует ли нам задуматься на мгновение о тех столетиях, когда люди жили ожиданием, так никогда и не увидев исполнения своей

надежды; с такой верностью, с таким мужеством перед лицом опасности, готовые, если нужно, умереть, но не изменить своей вере, своей уверенности, что Бог верен?..

Мы живем в мире обещания исполнившегося; это исполнение – **Христос**. Пришла для нас жизнь вечная, как зерно, которое несет нас в себе. И вот – где мы? Какова наша вера в другие обещания, какова наша верность Живому Богу, давшему их нам? Неужели мы не можем уподобиться самому хрупкому из людей Ветхого Завета и не можем постараться вырасти в меру самого великого из них? Они жили чаянием, – мы живем в пределах уверенности вещей уже случившихся и в ожидании их исполнения, – их полноты, в ожидании славного пришествия Господа, победы Божией, которая есть наша вечная жизнь и наше спасение. Сколько в этом вдохновения! Сколько мужества и надежды! Сколько радости мы могли бы, должны бы внести в жизнь: мы – народ Божий, но народ такого Бога, Который уже среди нас. Он – Один из нас, если только мы – Его. Какое это диво! Какая это радость и вдохновение! Аминь!

1 января 1984 г. Пер. с англ.

ПРОПОВЕДЬ В НЕДЕЛЮ ПЕРЕД БОГОЯВЛЕНИЕМ

2Тим 4:5–8; Мк 1:1–8

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В одном из своих Посланий апостол Павел говорит, что все, содержащееся в Священном Писании, полезно и написано для нашего научения и просвещения (2Тим 3:16). И вот, сегодняшнее Евангелие в соединении с посланием Апостола к Тимофею дает нам образ того, как можно вчитываться в Священное Писание, как можно его осуществить и жить им. Образ великого Иоанна здесь переплетается с образом ученика павлова. И тот и другой услышали Божие слово не ухом, а сердцем, не слухом только, а всей способностью восприятия, и оба вышли на проповедь, и каждый из них это слово принес людям в его чистоте, не опороченным недостойной жизнью, а в сиянии красоты собственной жизни, в которой это слово было осуществлено; в чистоте еще и потому, что слово было передано так, как было получено – что и заповедует Павел своему ученику. При этой проповеди и в лице Крестителя (о котором мы сейчас вспоминаем, потому что грядет на нас день Крещения Господня), и в лице Тимофея, и в лице самого Павла осуществилось то же самое. Слово, которое они проповедовали, было так значительно, проповедь их была так велика, что сами они как бы исчезли в ее сиянии; слово заслонило говорящего; жизнь, которая была получаемая через него, заставила жить и как бы забыть того, кто ее принес, пока не оказалось возможным с благодарным благоговением вернуться душой к нему.

Образ Иоанна велик тем, что слово, которое ему когда-то сказал Господь, он воспринял в душу, в жизнь; так воспринял, что стал только гласом, только голосом, через который это слово прозвучало и достигло до слуха всех. Павел тоже услышал слово и увидел видение, и весь ушел в это слово и в это видение. У него уже не осталось никакой жизни, кроме проповеди, кроме радости давать другим то, что он получил, благодаря чему сам ожил к вечной жизни; и к тому же он зовет

Тимофея. «Я, – говорит он, – сейчас умираю, а ты живешь; иди и проповедуй слово, чтобы другие тоже жили...»

И всё, что случилось тогда, некогда, что повторялось в течение всей христианской истории, относится непосредственно и к нам. Мы тоже слышали это слово проповеди, слово Евангельское, слово апостольское, слово молитвенное; и мы все когда-то от этого слова дрогнули, ожили, затрепетали радостью, надеждой. И все мы призваны это слово провести в жизнь, через всю нашу жизнь: сначала самой жизнью, живя достойно того, что открылось в нашей душе, живя достойно той глубины нашей души, в которой может говорить Господь; затем пронести это слово так, чтобы его услышали другие люди и тоже возрадовались, тоже вострепетали.

Но на этом пути, как на пути Павла и Тимофея, как на пути великого Иоанна и всех, стоит нечто, пугающее многих. По мере того, как растет Христос, по мере того, как слово делается жизнью, мы, говорящие это слово, должны отойти в сторону. Мы должны умаляться, должны стать прозрачными до такой степени, чтобы через нас лился Божественный свет – и никто не заметил бы нас, через кого этот свет проходит. Но, увы! мы слишком заметны. Мы собой заслоняем свет, мы его потемняем: ему придаем свои оттенки – бледные, серые, тусклые, – которых нет в этом лучезарном сиянии. Мы всегда заметны в этой проповеди слова и жизни; нам – каждому из нас – прежде всего надо учиться так жить, чтобы наша жизнь не отрицала правдивости Божиего слова, жить так, чтобы стать прозрачными, чтобы слово это ударяло человеческие души одной **своей** силой и сияло в человеческие жизни только **своим** сиянием. И тогда эти большие, дивные образы, которые мы находим в Новом и Ветхом Завете, станут для нас примером и станут для нас мерой, по которой мы можем жить.

Дай Бог, чтобы мы своей жизнью хоть для кого-нибудь – а сколько таких нуждающихся! – оказались предвозвестниками Христа, грядущего к ним встретить лично душу живую, жаждущую вечной жизни. Будем отходить, не будем заслонять собой идущего Христа.

Вот чему нас учит вся проповедь древности и великий образ Иоанна Крестителя, которого мы сейчас вспоминаем на грани приходящего праздника. Аминь.

16 января 1966 г.

В НЕДЕЛЮ О БЛУДНОМ СЫНЕ

Лк. 15:11–32

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Раз за разом мне случается проповедовать на притчи о блудном сыне и о мытаре и фарисее, и каждый раз я замечая, как легко мне – о, не на практике, не в действительности, а воображением – отождествиться с грешником, нашедшим свой путь обратно к Богу; с мытарем, который в сердечном сокрушении стоял у врат церкви, не в состоянии вступить в святое Божие место, или с блудным сыном, который, несмотря на свою невероятную бесчувственность, жестокость, все же нашел свой путь домой. И как редко меня задевала за живое судьба фарисея, судьба старшего сына: да, Бог не осудил ни того, ни другого. О мытаре Он сказал: этот человек ушел **более** прощенным, более освященным, чем тот... Бог не сказал, что фарисей отошел без сопровождающей его любви Божией, что Бог не помнит его верности, его исполнительности.

Мы стоим сегодня и перед образом старшего сына тоже. Всю свою жизнь он прожил бок о бок с отцом, вся его жизнь была попечением о том, что составляло интерес его отца: он работал усердно, преданно, самозабвенно, не обращая внимания на усталость, не требуя вознаграждения, потому что чувствовал, что, поступая так, он ведет себя правильно; одного ему не хватало: тепла, ласки, радости о своем отце. Но было что-то, что так поражает в нем: его преданность. Несмотря на то, что сердце его не горело, он оставался верным; несмотря на то, что он не получал видимого вознаграждения или признания, он оставался верным, он работал; как он говорит, "был рабом". И как мы бываем жестоки, думая, что он не заслуживает нашего сочувствия; и как редко кто из нас способен быть настолько преданным, настолько же совершенно и неуклонно послушным зову долга, как был он, когда не встречаем признания, не слышим одобрения, не получаем ни малейшего вознаграждения. Потому что подобно тому, как отец поступил по отношению к старшему сыну, те, кто окружает нас, те, кому мы

служим, на кого мы, может быть, работаем, трудимся, те, чьи интересы составляют сердцевину нашей жизни, принимают это как должное: разве это не естественно? Ведь он мне сын! Ведь он мне отец! Ведь он мне брат! Ведь он мне муж, жена! Не друг ли он мой? Не предполагает ли это полную, безграничную преданность, которая и есть свое собственное вознаграждение?..

Как часто мы бываем жестоки к людям вокруг нас, которых ставим в положение никогда не признанного старшего сына, всегда ожидая, что они неуклонно и совершенно сделают то, что следует. Да, у блудного сына было тепло, блудный сын вернулся с сокрушенным сердцем, он был готов стать новым; тогда как тот мог только продолжать работать в своем суровом постоянстве. Разве что перед лицом отцовского сострадания он понял бы, что означает, что его младший брат действительно был мертвым и вернулся к жизни, действительно был потерян и найден.

Задумаемся о себе. Рядом с каждым из нас есть кто-то, к кому мы относимся с той же холодностью, с которой мы думаем о старшем брате; но рядом с каждым из нас есть также кто-то, с кем мы обращаемся так же надменно и сурово, как старший брат отнесся к своему младшему брату, когда тот вернулся домой. Он его сбросил со счетов, тот больше не был ему братом. Младший изменил их отцу, – он не заслуживал прощения. И однако – тут же отец, жертва сыновнего отвержения, легкомыслия, жестокости, который прощает всем сердцем, со всей нежностью.

Давайте найдем свое место в этой трагической и красивой притче, потому что тогда мы, может быть, найдем свой путь стать старшим братом, хотя, может быть, и гораздо менее усердным, менее преданным интересам нашего отца, нашего друга, нашего родственника. Или, может быть, мы сможем найти в своем сердце творческое расположение младшего сына и научимся от него сначала, что **нет** такого положения, из которого не может вывести искреннее раскаяние, решительный поворот; и что есть Кто-то Один по крайней мере – Бог, а вероятно, есть и человек, а то и несколько, кто готов принять

нас, восстановить нас и помочь нам начать новую жизнь вместе:
отец, младший сын и старший сын. Аминь.

19 февраля 1984 г.

О ВЕЛИКОПОСТНЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЧТЕНИЯХ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Евангельские чтения в течение Великого поста меньше, чем когда-либо, являются случайностью. Евангелие читается за литургией в субботу и в воскресный день, и все чтения этих дней имеют общие черты.

Субботние Евангелия рассказывают нам о чудесах Христовых, совершенных в этот священный день и вызвавших негодование законников и ликующую благодарность и поклонение тех, которые душой и телом оказались помилованы Богом. Христос не совершал этих чудес ради вызова; в этом Его чудотворении заложен глубокий, радостный для нас смысл. Бог сотворил мир; создав его, Он почил от дел Своих. Всё, что надлежало Ему сделать, было сделано и совершено; остающееся Он предал человеку. И человек обманул Его ожидания, отпал от единства замысла с Богом и превратил мир, который должен был быть гармонией, красотой, сиянием славы Божией – в тот холодный, тусклый и жестокий мир, который мы знаем. И вот, из Своего Божественного покоя восстает Господь, становится человеком, входит в историю мира и воссоздает то, что надлежало создать человеку. Суббота говорит нам о том, что время Божие в каком-то отношении приостановлено, что теперь ответственность и творческий труд переданы нам, и именно **как человек** творит это дело спасения Христос...

Но в воскресный день, в день, когда мы вспоминаем, как Христос восстал из мертвых после Своего распятия, нам постоянно не только напоминает, но явлено в евангельских чтениях Его Божество. Как человек, Он вошел в труд человеческий; как Бог, Он его завершил этим восьмым днем, когда все ново, когда действительно уже теперь начинается вечность. Поэтому, вчитываясь в эти евангельские рассказы, войдем вместе со Христом в творческий труд преображения мира, в который Он вошел по человечеству Своему, и последуем за Ним в ту славу Отчую, в которую Он нас зовет как Бог, зовет приобщиться не только Его человечеству, но вырасти

в «меру полного возраста Христова» (Еф 4:13), приобщиться Его Божеству так, чтобы исполнилось древнее обетование о том, что мы призваны быть богами по приобщению, и чтобы слово Иринейя Лионского о том, что слава Божия – это человек, достигший полной своей меры, просияло радостью и торжеством.

Да совершится это, сколько возможно, подвигом, верностью, вдохновением в нас, и да будет для этого на нас благословение Господне. Аминь.

Великий пост, 1972 г.

ПАСХАЛЬНЫЕ ПРОПОВЕДИ

Проповедь I

Христос воскрес!

Мы празднуем сегодня день Воскресения Христова, день победы Божией не только над смертью, но и над злом. Но эта победа была одержана не Одним только Богом. Сын Божий, ставший Сыном Человеческим, одолел зло как Человек Своей Божественной силой. Через воплощение Бог Свое человечество, наше человечество употребил и удостоил участия в этой борьбе. Каждый из нас является частицей тела Христова, каждый из нас призван, подобно Христу, участвовать в спасении мира и в победе над злом. Поэтому станем ликовать не только о любви Божией, о Его милости, о величии Бога, о Его щедрых дарах, – станем ликовать и о том, что мы, в своем человечестве, способны так соединиться с Богом, что в нас и через нас зло может быть сокрушено, – не только наш личный грех, не только наша немощь, но и «лукавый», искуститель, тот, который в пустыне пытался одолеть Божество человечеством. Станем благодарить Бога за Его победу, но станем также ликовать о глубинах, о просторах, о **бесконечных** возможностях нашей человеческой природы.

Но если это правда, то мы должны помнить, что победа, одержанная Христом в нашем человечестве, является призывом для нас. Он призывает нас войти в Его труд. Он призывает **нас**, подобно Ему, выйти на единоборство со злом. Зло, которое в нас, мы должны победить; но мы должны также любовью бороться со злом, которое вокруг нас есть – и коллективным, и личным злом. Потому что Христос воскрес, но воскресший Христос все еще носит в Своем теле следы страстей. На руках Его – раны от гвоздей, Его ноги прободены, в Его боку рана от копья, Его чело несет раны от тернового венца, и раны эти не исцеляют, пока есть **хоть один** грешник на земле. А этот грешник может быть – я, может быть – **каждый** из нас. Поэтому воспримем победу Божию и то, какой ценой она Христу досталась, со всей глубиной. Мы должны понять: это значит, что

в моей власти отдать Христа на распятие; хуже того: я могу оказаться среди тех, кто **распинал** Его, кто **распинает** Его, если я присоединяюсь к толпе тех, кто злой волей грешит против Бога. Или я могу понести, разделить крест, к которому Он был пригвожден, потому что в крещении, через крещение все мы стали живыми членами тела Христова. И когда мы отдаем это тело, эту душу, этот ум, это сердце, эту волю во власть сатаны, Христос снова и снова страдает на земле по нашей вине.

И это не все. Наше призвание – потому что мы Христовы, быть на земле тем, чем был Он в дни Своего воплощения. Мы посланы в мир одержать победу Его силой, вместе с Ним, – победу, уже Им одержанную, но которая должна побеждать изо дня в день нас самих и побеждать всякое зло, властвующее над теми людьми, которых Он пришел спасти. Мы посланы, как овцы среди волков, мы посланы жить и – если нужно – **умирать**: чтобы другие могли ожить и войти в жизнь вечную. Поэтому будем воспринимать этот праздник Воскресения как знак **уже** одержанной победы, но и как призыв нам войти в подвиг Христа и вместе с Ним победить зло в себе и власть зла над всяким человеком рядом с нами. Будем очищать себя, освящать себя, с тем чтобы победа Христова, одержанная **раз и навсегда**, распространялась, как пожар, как свет, как радость, как жизнь во всем мире! Амины!

Лондон, Пасха Христова, 1 мая 1994 г.

Проповедь II

Христос воскрес!

Праздник Воскресения Христова говорит нам о том, что последнее слово не за смертью, а за жизнью. Христос умер на кресте страшной смертью, не только брошенный, оставленный людьми, не только преданный учеником, не только окруженный ненавистью, но и познав в Своем человечестве весь **ужас** потери Бога и этим приобщившись нам в самом страшном, самом ужасном, что есть в судьбе человека. «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?!» (Мф. 27:46) – воскликнул Он, умирая на кресте, разделив с нами (причем в такой мере, в какой мы сами не переживаем) ужас последней нашей измены

Богу, которая влечет за собой потерю Его и смерть. Последнее слово не за этим, последнее слово за воскресением, за победой жизни над смертью, Бога над злом; и это – основание нашего ликования.

Но путь, ведущий к воскресению, **не иной**, чем был путь Христов, и для каждого человека, и для всей совокупности церковной, и для всякого народа. Это путь крестный, путь, на котором человек шаг за шагом отказывается от всего, что его отвлекает, от всего, что его порабощает, что его делает рабом, а не свободным человеком, отказывается от себя ради того, чтобы быть способным всем сердцем, всем умом, всей крепостью – да даже и всей немощью своей – и, если нужно, жизнью и смертью служить Богу и ближнему своему. Это – наше призвание.

Христос нам обещал соединиться с нами в таинстве Причащения. Он нам говорит в Евангелии: Примите сей Хлеб, пейте все от этой Чаши... Но до этого Он Своим ученикам другую чашу предлагал, вернее, иное условие ставил: если вы не будете пить Моей чаши, если вы не погрузитесь **в ужас**, который Мне предстоит, то вы не можете быть Моими учениками (Мф. 20:22). И это говорится нам, теперь – не только нам, не только нам, здесь собравшимся, не только верующим, находящимся на просторах нашей Родины, **но всем**, потому что это закон **человеческой**, а не только христианской жизни. Надо отказаться от себя, надо **умереть** так, чтобы ничто нас не привлекало, кроме того, что являет достоинство человека, чистоту, правду, истину его жизни.

И теперь перед Россией стоит этот вопрос: вопрос о том, чтобы **каждый** отказался от всего того, что его делает рабом предрассудков своих, рабом ненависти своей, рабом прошлого своего, рабом всего, что разделяет людей и восстанавливает одного человека против другого. Верующий ты или неверующий, христианин или не христианин, – если ты ЧЕЛОВЕК, ты должен отказаться от ненависти, увидеть в другом человеке брата (пусть и заблуждающегося; хотя, может, заблуждаешься ты, а не он) и искать общего языка для того, чтобы **возродилась** Родина наша, чтобы возродился на Родине нашей мир, взаимная

любовь; чтобы созидательная работа началась общими силами верующих и неверующих: и тех, кто вчера был гонителем и врагом, и тех, которые вчера были мучениками и жертвами. Соединимся же **все**: здесь – молитвой, там – страшным подвигом самоотречения и принятия Христовой жизни вместо своей. Соединимся все для того, чтобы возродилась наша Родина, чтобы возродилась Церковь наша, которая порой так низко падала в лице отдельных своих членов – и оставалась непорочной, чистой, как Тело Христово. Потому что Церковь – это место встречи между Богом и человеком, и ничто не может ее осквернить; она – Тело Христово, она – дом Святого Духа.

Каждый человек в темноте, во мраке своем несет **искру** вечной жизни, присутствие Самого Бога. Положим же все – молитвой, подвигом – начало доброе, и да воскреснет каждая душа, да воскреснет Родина наша, да воскреснет Церковь наша!

Христос воскрес!

Лондон, Пасха Христова, 26 апреля 1992.

Проповедь III

Христос воскрес!

Впервые после долгой жизни я читал слова Иоанна Златоуста, которые вы только что слышали, с трепетом, – с новым трепетом, потому что в контексте современной жизни они звучат таким вызовом веры! Как можем мы говорить, что «жизнь жительствоует», что жизнь победоносно течет, что побеждено все зло, когда мы видим вокруг себя – и вблизи и вдали – столько ужаса?! Когда мы думаем о том, что происходило более семидесяти лет на нашей многострадальной земле?! Когда мы видим теперь, что не все решено, что не одержана победа, что и сейчас колеблются самые основания не только государства, но народной жизни?! Когда восстает человек на человека?! Как можем мы просто ликовать?

Мы можем ликовать, только если наша вера непоколебима. Но такова ли она?

Если мы посмотрим вокруг себя, мы видим и здесь, в этой стране, бездомных и голодных. Мы слышим об ужасах, которые

совершаются по всей земле: в Югославии, в Боснии... Везде человек сражается с другим, хочет отнять то, что другой приобрел порой многолетним трудом, и прежде всего – свободу, самостоятельность, жизнь, согласную его идеалу... Как можем мы говорить о победе над злом перед лицом этого ужаса? Да, мы **можем** это делать, но только если наша вера настолько крепка, что, стоя у гроба самого любимого человека, мы можем начать службу словами: «Благословен Бог наш!»: Благословен Он за все: Благословен Он за радость и за горе, благословен Он за крест и за воскресение! Мы можем ликовать, если только мы способны сказать перед лицом смерти, которая поражает самых близких нам людей: «Блажен путь, воньже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения». Можем ли мы, может ли каждый из нас сказать подобные слова?..

Но почему же земля наша такая печальная? почему так темно вокруг нас? почему так страшно жить?.. Потому что мы, христиане, не исполнили завета Христова. Христос нас послал в мир, заповедав быть светом в этом мире. Являемся ли мы таким светом? Было мне сказано когда-то, что никто не может отвернуться от земли и обратиться к небу, если не увидит в глазах или на лице хоть одного человека свет вечной жизни. Могут ли люди, встречающие нас, православных христиан, сказать, что они увидели в наших глазах, на нашем лице сияние вечной жизни? А если они не могут этого сказать, значит, мы не исполнили своего призвания, мы изменили Христу, мы изменили себе, своему призванию...

И еще: нас послал Христос, «как овец среди волков» (Мф. 10:16). Так ли мы относимся к окружающей среде? Разве мы стоим за правду, не словами только, а примером нашей жизни? Потому что Евангелие не проповедуется словом, оно проповедуется делом, примером. Люди, глядя на нас, должны быть в состоянии, как современники ранних христиан, сказать: «Как они любят друг друга!» – и подумать: это люди другого рода; они насельники нового Царства, их единственный Господь – Бог, они только Ему послушны... Могут ли люди, глядя на нас, сказать подобные слова?

Подумаем о себе: как мы избегаем всякой опасности, всего страшного, всякого вызова нашей вере, нашей личности! Не так проповедовали ранние христиане, не так выходили на проповедь первые Апостолы. Они шли на смерть, они были готовы, подобно Христу, положить свою жизнь для того, чтобы хотя бы один человек мог поверить в их любовь и через нее – в любовь **Божию**, чтобы люди могли поверить, что каждый из них так любим Богом, что Бог нашел Себе посланников, готовых засвидетельствовать эту любовь своей жизнью и своей смертью. Вот наше призвание, где бы мы ни были.

Здесь, на Западе такое призвание могло бы быть исполнено легко – и вместе с тем мы не достойны своего призвания, мы страшливы, мы нерешительны. А на нашей родине и в странах, где происходят смертоубийственные бои между людьми, разделяющими одну веру во Христа, людьми, которые могли бы быть братьями – разве там христиане показывают, что они посланцы Христовы, приносящие свет – туда, где тьма, мир – туда, где рознь, любовь – туда, где ненависть?! Боже, разве мы не опомнимся?!

Вот мы поем Воскресение Христово. Но ведь Воскресение Христово пришло после Его крестной смерти. Готовы ли мы уподобиться Христу? Ведь Он сказал: Я вам даю пример, которому вы должны последовать... Готовы ли мы по Его примеру жизнь свою положить для того, чтобы восторжествовала правда, и истина, и любовь, и свет, и радость?

Вот над чем надо задуматься в этот день Воскресения Христова. Да, **Он** воскрес, но воскресли ли мы? Находимся ли мы в этом мире, как люди, которые прошли через смерть вместе со Христом и ожили Его вечной жизнью? Если не так, то мы поем Воскресение Христово – и сами остаемся чужды тому, к чему мы призваны: жить и умирать и воскресать для того, чтобы другие воскресли.

Опомнимся все, все: и здесь живущие, и те, которые на просторах нашей Родины прошли через горнило искушений, которые испытали крестную смерть. Теперь пришло время исповедничества иного: исповедничества **жизнью**, такой

жизнью, которая была бы светом, сиянием Божественной жизни. Положим начало этому, и тогда не только мы, но и неверующие, все люди, которые не могут верить, потому что в нас они не видят учеников Христовых, вместе с нами воскликнут: Христос воскрес! – Воистину воскрес!

Лондон, Пасха Христова, 18 апреля 1993 г.

Проповедь IV

Христос воскрес!

Я хочу еще и еще вместе с вами возрадоваться, что воскрес Господь!

Из всех событий жизни Господней нашему **опыту** доступно именно Воскресение Христово. На нем стоит вся наша вера, потому что, как говорит апостол Павел, если не воскрес Христос, то наша вера тщетна (1Кор. 15:14, 17), и мы – самые несчастные из людей. Ибо если не воскрес Христос, значит, **Он не Тот**, Кем мы Его называем, **Он не Тот**, Кем Себя заявлял; значит, мы верим в ложь, и та жизнь, которой мы ожидаем, та жизнь, которую мы опытно **знаем** в своей душе, в своем теле, в нашем церковном мире – призрак и неправда!

Однако мы знаем именно **опытно**, что это **так** – потому что мы знаем воскресшего Христа. Мы не знаем Его так, как знали Апостолы – по плоти. Мы Его не знаем в деревнях Галилеи, на дорогах Святой земли. Но духом мы знаем Его воскресшим, и, зная Его таковым, мы с уверенностью можем сказать, что Тот, Кто ныне жив – **воскрес!**

Сейчас мы еще осиянны этой пасхальной радостью, но дни проходят: как ее не потерять? Мы ее можем сохранить, только если не будем смотреть назад, возвращаться мыслью к этой светозарной ночи, которая перед нами открыла славу Воскресения, а идти дальше, вперед; но уже не одиноко, а с воскресшим Господом.

Вы слышали сегодня, как Христос призвал учеников вернуться в ту Галилею, где началась весна их духовной жизни, где они нашли и узнали Христа, где родилась в них жизнь. Однако мы Его находим не только в Галилее – этих глубинах нашей души, где сохраняется вся свежесть первой встречи и

первой любви нашей к Господу, но и на других путях. Христос шел дневной путь с двумя учениками в Эммаус, и там Он им открылся иначе: не простым явлением Своим, но им, не узнающим Его, Он открылся в преломлении хлеба, в тайне Божественной Евхаристии и вместе – в тайне того братства, которое составляет между людьми преломление хлеба у одного стола. Он открыл им в одно мгновение, что Он, Бог и человек, сделал людей равными Себе, став человеком и вознеся их к престолу Господню плотью Своей воскресшей.

И на других путях мы встречаем Христа – не только на путях недоумений, как эти ученики, не только на путях надежды и ожидания, как одиннадцать ушедших в Галилею, но и на путях противления, на путях борения, на путях восстания нашего, как Павел нашел Христа на пути в Дамаск, когда он шел, гонитель, принести смерть и разрушения Христовым общинам рассеяния... Поэтому куда бы мы ни пошли – мы можем встретить Христа. Куда бы ни вел нас путь – будем смотреть зорко и внимательно на того, кто идет рядом с нами: это может быть Христос в тайном образе, готовый нам в братстве и простоте любви открыть величие нашего человеческого призвания. И потому не будем озира́ться к этой светозарной, торжественной, ликующей ночи, когда перед нами открылась правда Воскресения, – эта правда и теперь живет среди нас. Не потух тот свет, не померк, но вместо светящей ночи Пасхи сияет он теперь как Свет тихий, как тот Свет, который озаряет всякого человека, грядущего в мир. Станем идти в этом свете, станем жить этим светом, останемся детьми света, пока еще сияет свет над нашей землей, и тогда Христос никогда не удалится от нас, и Пасха будет жить в наших душах, и ликование вечной жизни будет и в плоти, и в сердце, и в уме нашем. Тогда действительно будем мы уже здесь участниками того Царства вечной жизни, к которому мы устремлены и которое мы вдруг во всей славе видим в Страстные дни и в Светлое Христово Воскресение. Аминь.

Лондон, 1966 г.

ИСЦЕЛЕНИЕ СЛЕПОРОЖДЕННОГО

Неделя 6-я по Пасхе

Ин. 9:1–38

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

До встречи с Христом слепорожденный никогда ничего не видел. Все было темно, обо всем он должен был догадываться ощупью, воображением; реального, ясного видения у него не было. И вот он встретил Христа, и Спаситель открыл ему очи. Что же первое увидел этот человек? Лик Христов, взор Христов; лик Бога, ставшего человеком, взор Божественной, вдумчивой, сострадательной любви, остановившийся на нем, **на нем одном** из всей толпы. Он сразу встретился лицом к лицу с Живым Богом и с тем чудом, которое так нас изумляет: что Бог может остановиться вниманием на каждом из нас, как на потерянной овце, и видит не толпу, а **единственного** человека. А затем слепорожденный, вероятно, окинул взором и все вокруг; и то, что он знал по рассказам, понаслышке, стало реальностью: «Я вижу!».

Так бывает и теперь; с каждым из нас это может случиться. Почти всю жизнь мы живем, как этот слепорожденный, подачками. Мы сидим, как нищие у дороги, протягивая руку в надежде, что какой-нибудь прохожий человек заметит если не нас, то нашу руку, и что-то нам даст, чем мы могли бы прожить хоть несколько часов. Такие подачки мы получаем от взора человеческого, остановившегося на нас, от слова, обращенного к нам, от доброго дела, совершенного по отношению к нам. Но все это нас оставляет при дороге, при пути – слепыми, нищими, просящими о милостыне.

Когда Христос проходил мимо другого слепого, Вартимея, тот не стал ждать, чтобы Спаситель к нему подошел, чтобы Он ему поставил вопрос: Хочешь ли ты спастись, хочешь ли прозреть? Как только в шумной толпе он учуял что-то необычайное и, спросивши, узнал, Кто проходит, он стал кричать о помощи. Правда, люди его останавливали, правда, вероятно, вкрадывался помысл: стоит ли кричать, стоит ли

звать на помощь, услышит ли Господь, отзовется ли Он на такую ничтожную нужду, как моя?.. Но он продолжал кричать о помощи, потому что страдание его было так велико, нужда его была такая отчаянная, и он был готов пробиться через людей, чтобы быть услышанным Богом.

Если бы только мы могли почувствовать, осознать, до чего мы слепы! Если бы только мы могли осознать, что не только вечную, божественную жизнь мы знаем больше понаслышке, но что даже земная жизнь вокруг нас тускла и призрачна, потому что мы слепы или потому что, как другой евангельский слепец, не сразу исцеленный Христом, мы видим вещи как бы в тумане! Если бы только мы помнили, что нам говорит Спаситель о красоте, о славе и вечной, и земной жизни, и не удовлетворялись бы нашей слепотой – как бы мы старались остановить Христа, чтобы Он Свой взор внедрил в нас и обратил к нам Свое державное, исцеляющее, животворящее слово!.. Тогда мы могли бы воочию увидеть изумительную красоту лица Божия, бездонную красоту Божественного взора, остановившегося милосердием, состраданием, лаской – на нас.

Нам так легко видеть, но мы видим так мало и неглубоко... Будем искать того зрения, которое может открыться, только когда наше сердце станет светлым и чистым. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8). А в сиянии Божия присутствия мы могли бы увидеть друг друга, каждого из нас, сияющего Божией любовью, блистающего славой вечной жизни, или, может быть, раненного, омраченного, ждущего от нас не подачки, не милости, а отдачи всей нашей жизни – по любви к нему, ради того, чтобы он прозрел, чтобы для него открылось, уже на земле, Царство Божие. Аминь.

Перевод с англ.

ОБ ИСЦЕЛЕНИЯХ

Неделя 7-я по Пятидесятнице

Мф. 9:27–35

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Евангелие нам говорит, что, исцеляя больных, Спаситель одних спрашивает: «Веруете ли, что Я могу это сотворить?» И когда болящие заявляют о своей вере, они тем самым свидетельствуют, что познали, узнали в Господе Иисусе Христе Сына Божия, имеющего всякую власть на небеси и на земли. Вера эта может быть зачаточной, может быть полной, но в любом случае эта вера присутствовала в каждом из приходивших ко Христу за исцелением. Они не верили просто в чудо, потому что многие в то время предлагали исцеление и колдовством, и молитвой, и возложением рук, или разными обрядами синагоги; они свидетельствовали о том, **Кто** есть Христос...

В других случаях Спаситель спрашивает: «Хочешь ли ты быть исцелен?» Казалось бы, этот вопрос не только неожиданный, но просто непонятный: кто же не хочет быть исцелен? Но слово «исцеление» не значит просто телесное выздоровление; быть исцеленным – это значит быть как бы вновь сотворенным, снова стать цельным, без изъяна, в полной гармонии между Богом и собой, гармонии между совестью, внутренней правдой – и жизнью. И вот эти два вопроса Спаситель Христос ставит так или иначе каждому. Всякий из нас готов ответить: Да! Я хочу цельности! – но так ли это? Хотим ли мы цельности всей нашей природы и ума, исцеленного от всякого помрачения, и сердца, очищенного от всякой нечистоты, и воли, направленной только на гармонию с волей Божией, и плоти, свободной от всех нечистых влечений, – хотим ли мы этого? Хотим ли **так** быть исцеленными, чтобы ничего в нас не осталось, что не было бы Божиим, и что не было бы достойно нашего человеческого величия и чести, достоинства?

Будь оно так, мы должны были бы всей жизнью и внутренним нашим устремлением, и всеми нашими поступками

и словами быть как бы подобием Христа. В Послании к Римлянам ясно сказано об этом: мы должны принимать друг друга так, как Христос нас принял (Рим. 15:7). И в другом месте Апостол говорит о том, что Бог во Христе пришел к нам примирять нас с Собой тогда, когда мы были еще Его врагами (Рим. 5:8, 10), когда в нас качественная злоба, отчужденность друг от друга, отчужденность от Бога, внутренняя разделенность, порабощение души плотью, помрачение ума, нечистота сердца: **тогда**, именно тогда к нам пришел Господь, предлагая нам исцеление, предлагая вернуть нас к той цельности, которая изначально нам была предложена – только с одной оговоркой: в то время, когда нас сотворил Господь, мы были свободны выбрать; в том мире, в котором мы живем, эта свобода не полностью нам принадлежит. Мы окружены напором зла, мы окружены полутьмой, а иногда глубокой тьмой; на нас находят искушения и изнутри, и извне. Говоря об исцелении, прося о нем – готовы ли мы взять на себя этот крест, крест беспощадной борьбы с самими собой для того, чтобы удостоиться стать учениками Христа, для того, чтобы стать, сколько нам возможно на этой земле, явлением во плоти, явлением в слове, в сердце, в жизни, в воле – явлением Спасителя Христа, Который всего Себя отдал для спасения других. И об этом тоже говорит Послание к Римлянам.

Подумаем об этом: имеем ли мы такую веру в Господа, что Он действительно – Сын Божий, пришедший "спасти" нас, что в Нем Едином та цельность человеческого естества, к которой мы стремимся; что если мы просим о том, чтобы нам стать цельными, исцелиться, нам следует знать, помнить, **действительно** помнить, что и сами мы должны быть наподобие Господа и Бога нашего Иисуса Христа... Мы можем поставить вопрос: неужели в том мире, в котором мы живем, нет правды, справедливости, неужели нет возмездия за зло?.. – и вспомним то, что Апостол говорит: «Гнев человека не творит правды Божией» (Иак. 1:20). Не нам гневаться; нам – отдавать нашу жизнь наподобие Спасителя: «Прости им, Отче, они не знают, что творят!» (Лк. 23:34). Это – предел исцеленности, это предел подражания, уподобления Христу. Если мы просим об

исцелении, нам нужно помнить, какой ценой мы должны за него заплатить, какой ценой мы должны возблагодарить Бога за этот дар цельности по подобию Его. Аминь.

22 июля 1990 г.

«ВЫ, СИЛЬНЫЕ, НОСИТЕ НЕМОЩИ СЛАБЫХ...»

Неделя 7-я по Пятидесятнице

Мф. 9:27–35

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем послании апостол Павел призывает всех христиан быть силой и опорой для тех, кто слаб. Каждому из нас и всей христианской общине он говорит: «Вы, сильные, носите немощи слабых» (Рим. 15:1).

И это должно заставить нас задуматься. Можно ли действительно назвать нас «сильными» по сравнению с другими людьми? Разве мы не видим, каждый из нас, как мы хрупки и как мы слабы? Разве мы не чувствуем, что как бы мы ни стремились быть собственными Божиими людьми, у нас нет ни сил, ни крепости осуществить наше человеческое и наше христианское призвание? Но тут мы должны вспомнить другое слово апостола Павла. Павел тоже чувствовал, что он слаб, что нет у него той силы, которая сделала бы его способным на апостольство, и молил Господа дать ему силы. И Господь ответил ему и сказал: «Моя сила совершается в немощи». И Павел, поняв, что это означает, восклицает: «Поэтому я буду хвалиться только немощами моими, дабы всё было действием благодати Господней» (2Кор. 12:9).

Но эта немощь – не трусость, не робость, не безволие, не лень, – всё то, что можно назвать инертностью, расслабленностью и что не дает нам совершить то, что мы сами считаем правдой, то, по чему тоскует наша душа, о чем мы умом понимаем, что это – самое прекрасное, самое святое, и что воля наша неспособна, однако, привести в исполнение. Речь идет о другой немощи: о сознании, что мы не можем достичь того величия, к которому призваны, если только Бог не поможет нам: ибо мы призваны быть сынами и дочерьми Всевышнего, собственными Божиими детьми. Да – по приобщенности; но, приобщившись, быть так же всецело и совершенно Божиими детьми, как был Божиим Сыном Единородный Сын Божий.

Но что означает, что мы должны поддерживать, помогать, бодрить тех, кто слаб? Начало ответа, может быть, мы можем уловить в сегодняшнем Евангелии. Христос встретил слепого; Он дал ему зрение. Мы окружены людьми, которые слепы – не физически, но во многих других отношениях; людьми, которым нужно найти такое зрение и такое прозрение, которое позволило бы им вырасти в полную меру их роста и стать подлинно счастливыми, – счастливыми не в поверхностном смысле удовлетворения жизненной удачей, которая всё равно оставляет нас голодными и тоскующими, – но иного рода счастьем.

На что же мы можем раскрыть глаза другим людям? Прежде всего, дать им увидеть, как они велики, как они значительны для Бога. Каждый из нас вызван к бытию не только волей Божией, но и Его любовью. Каждый из нас значит для Бога так много, что ради нашего спасения Он дал Своего Единородного Сына: всю Его жизнь, всё Его страдание, всю Его смерть. Вот что каждый из нас, каждая человеческая личность во всем мире значит для Бога. И так немногие из нас понимают, как безгранично мы драгоценны для Бога: так же, как Сам Бог безграничен.

Можно раскрыть их глаза и на то, что в них живет, чувствует этот голод, и что он слишком велик, чтобы его могли утолить вещи тварного мира. Один только Бог может его утолить. Но как увидеть Бога? Из воскресенья в воскресенье и раз за разом слышим мы слова Христовы: «Блаженны чистые сердцем, потому что они узрят Бога» (Мф. 5:8). И вот каждого человека вокруг нас мы должны побуждать относиться бережно и благоговейно к собственной чистоте, бороться за чистоту ума, за чистоту сердца, за чистоту жизни с тем, чтобы, став сначала менее тусклым, затем более просветленным, а потом и совершенно прозрачным, человек умом и сердцем увидел бы Бога.

Здесь каждый может обернуться к нам и сказать: «Врачу, исцелися сам!» И воистину, мы можем помочь другим, только если сами боремся и стремимся вырасти в меру величия Божия, величия Единородного Сына Божия, ставшего сыном

человеческим, в меру чистоты, которая позволит нам видеть Бога.

И многое другое мы можем обнаружить в нас самих и в других людях – разные формы слепоты. Обнаружив их, мы должны обратить на них внимание других, потому что если **мы** неспособны быть до конца тем, чем должны бы быть, то, может, по нашему слову другие сумеют достигнуть того, что мы, по нерадению, по слабости, не умеем осуществить.

Подобно тому и немота человека из сегодняшнего евангельского отрывка: сколько среди нас немых – по ущербности, по болезни, но – увы! – не потому что нас охватило созерцательное безмолвие перед лицом величия Божия и нашей собственной красоты. И нет пути обнаружить, **Кто** есть Бог, и **что** есть Бог, если мы не обнаружим святость и красоту в себе самих. Один русский проповедник сказал раз: Когда Бог смотрит на нас, Он не видит ни добродетелей, ни успехов, которых нет, но Он видит извечную красоту, которой Он нас одарил...

Вот наша весть каждому человеку и весть каждого нам самим: благоговей перед этой красотой, возлюби ее, восполни ее, стань великим! И тогда окажется, что мы выполним то, к чему нас призывает апостол Павел в своем послании: мы поддерживали и понесли того, кто хрупок и слаб, но **не** своей силой, а силой Божией, потому что **всё** возможно в укрепляющем нас Духе Божиим. Аминь.

14 августа 1983

О БОГАТОМ ЮНОШЕ

Неделя 12-я по Пятидесятнице

Мф. 19:16–26

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

На каждой литургии, когда мы приближаемся к той части ее, которую совершить может один только Бог: приношение не только нашего тела и души, но смерти и воскресения Христа во спасение мира, в начале ее звучат слова: «Всякое ныне житейское отложим попечение...» И в этом контексте так ясно, так убедительно ясно, что мы не призваны отказаться от заботы о мире, который Бог так возлюбил, что дал Своего Единородного Сына, чтобы мир был спасен; но мы призваны отложить все, что является нашей мелкой человеческой озабоченностью, для того чтобы вступить в заботу **Божью**, в любовь и сострадание **Божии**, на путь осуществления и воплощения любви и сострадания, которые были и навсегда остаются Христовыми.

Сегодня мы читали два евангельских отрывка (Мф 19:16–26 и Лк 4:16–22).

Юноша стремился к вечной жизни, тосковал по ней, как все мы тоскуем; что он мог дать взамен? И что было такого, что могло закрыть ему вход в нее? Он думал, что ключом, который откроет для него двери небес, являются его добродетели, его верность заповедям. И действительно, тот, кто настолько верен, тот уже положил руку на плуг. Но препятствием на его пути стояло богатство: он был богат вещами земными, у него было имущество и была забота об этом имуществе. И в той мере, в какой он был глубоко укоренен в земле, он не был свободен отправиться в путь, который ведет с земли на небо, от земной тварности к тому, чтобы разделить самую природу Божию, став учеником Христа и приобщившись ко всему, чем Христос был и есть вовеки и как человек, и как Бог.

И в другом отрывке, который сегодня читался, нам говорится, что Христос пришел провозгласить Царство тем, которые были лишены всего, пришел исцелить больных, дать

зрение слепым, проповедать новизну жизни измученным и тем, в жизни которых не осталось надежды.

И вот из обоих отрывков мы должны научиться прежде всего быть верными тому пути, который Бог нам указал для того, чтобы очиститься, чтобы стать свободными и не превратиться в рабов этих заповедей, но сделать их подготовкой к полной отдаче себя Богу в сознании, что мы тоже слепы, что мы тоже лишены вещей вечных, что мы тоже нуждаемся в Божием чуде, потому что никто не может вырасти в полноту роста Христова иначе как силой Божией.

Вот почему в заключение первого отрывка, который мы слышали, когда Апостолы говорят: «Но кто же тогда может спастись?» – ответ Христа: «Это невозможно человеку, но возможно Богу».

Будем поэтому не только прислушиваться к словам Литургии «Отложим теперь всякое житейское попечение», не только на мгновение сосредоточиваться на том, что здесь происходит, для того, чтобы забыть, что происходит вне этого храма, но будем учиться изо дня в день освобождаться от всего, что препятствует нам быть способными так соединиться с умом, и сердцем, и волей Божиими, чтобы наша забота о мире стала выражением Божественной заботы, чтобы, разделяя эту заботу с Ним, мы встретили Живого Бога в любви и самоотдаче. Аминь.

14 сентября 1986 г.

О БОГАТСТВЕ

Неделя 12-я по Пятидесятнице

(Мф 19:16–26)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня Господь предостерегает нас о том, как трудно богатому войти в Царство Божие. Означает ли это, что Царство Божие открыто только обездоленному, тому, кто в материальной нужде, кто на земле лишен всего? Нет. Царство Божие открыто всякому, кто не поработен тем, что имеет. В первой заповеди блаженства – «Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное» (Мф. 5:3) – нам дается ключ к сегодняшней притче: нищие духом это те, которые поняли, что они не имеют ничего, что было бы их собственностью. Мы созданы действием Божиим, Его любовью вызваны в бытие, в жизнь; Бог нам дает общение с Собой, на которое мы не имеем «прав»; Он открыл нам Себя Своей собственной вольной волей, когда мы были голодными и отчаявшимися. Всё, что мы есть, всё, чем мы пользуемся – не наше, в том смысле, что мы не сотворили, не создали того, что по видимости наше, – всё, **всё**, что мы имеем и чем являемся – есть любовь: любовь Божия и любовь людей. И мы не можем ничем завладеть, потому что всё – дар, который тотчас ускользает от нас, если только мы стараемся им овладеть и сказать: «Это мое!».

С другой стороны, Царство Божие – поистине царство тех, которые поняли, что они бесконечно богаты: ведь мы можем **всего** ожидать от любви Божией и от человеческой любви. Мы богаты, **потому что** ничем не обладаем, мы богаты, потому что всё нам **дано**. И вот тому, кто считает, что он по **праву** богат, трудно принадлежать Царству, где всякая вещь – знак любви и где **ничем** нельзя завладеть, потому что тогда оно отнимается у других: в тот момент, когда мы говорим, что обладаем чем-то, что дано нам либо Богом, либо человеческой заботой, мы как бы вычитаем, вырываем это из тайны любви.

И кроме того, как только мы цепляемся за что бы то ни было, мы становимся рабами. Мне вспоминается, что когда я

был молодым, один человек сказал мне: «Разве ты не понимаешь, что в момент, когда ты зажал в руке медяк и не готов раскрыть руку и отпустить этот медяк, ты потерял свою зажатую ладонь, ты потерял руку и потерял тело, потому что всё твоё внимание сосредоточено только на том, как бы не потерять этот медяк; о всем остальном будет забыто...»

И зажимаем ли мы в руке медяк или чувствуем себя владельцами многого – умственного, эмоционального или материального – это не важно; суть в том, что мы не можем больше пользоваться ни рукой, ни умом, ни сердцем, – мы не можем больше быть свободными, а Царство Божие есть Царство свободы.

И еще: как трудно тому, кто никогда ни в чем не нуждался, кто всегда имел больше, чем ему нужно, понять нужду другого: материальную ли, эмоциональную или любую другую нужду. Требуется очень много понимания, сочувствия, требуется научиться быть очень внимательными к движениям человеческого сердца, к материальным нуждам людей, чтобы на эти нужды отозваться. Есть русская пословица: «Сытый голодного не разумеет». Кто из нас может сказать, что он голоден хоть в чем-то? И вот поэтому мы не понимаем нужд людей: нужд друг друга, или нужд людей за пределами нашей общины.

Задумаемся же над этим! Бедность не равнозначна лишенности; бедность означают свободу от порабощения иллюзии, будто мы самобытны, будто мы творцы того, чем являемся и чем обладаем. И это значит быть свободными от порабощения тому, что нам **дано**, чтобы стать соработниками Божиими, быть как бы только управляющими над тем имуществом, которое Бог нам поручил.

Задумаемся поэтому: если мы научимся этому, то мы одновременно научимся тому, что апостол Павел говорит: что беден он или богат – он всё равно богат, потому что его богатство заключается в любви Божией и в любви человеческой к Нему. И тогда мы сможем, обладаем ли мы земными благами или нет, быть от них свободными и принадлежать Божию Царству, которое есть Царство взаимной любви, взаимной

солидарности, сострадания друг другу, Царство свободы давать друг другу то, что мы получили сами даром: как дар. Аминь.

18 августа 1991

ПРИТЧА О СЕЯТЕЛЕ

Неделя 21-я по Пятидесятнице

Лк. 8:5–15

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Есть в Евангелии место, где Христос нам говорит: «Блюдитесь убо, како слышите» (Лк 8:18), то есть: обратите внимание на то, **как** вы слышите слово, которое до вас доходит...

Нам всегда кажется, что мы слушаем, понимаем; но вот сегодня перед нами вновь, может быть, в сотый раз, читалась притча о сеятеле – и что? Она такая ясная, такая привычная; казалось бы, нам даже и не нужно ее вновь слышать, мы могли бы ее повторить, рассказать, объяснить. Но кто из нас может сказать, что он ею сколько-то живет? И вот тут слова Христовы: «Наблюдайте, как вы слушаете слово Божие» – не напрасны. Мы слышим и помним; слышим слухом и помним головной памятью. Но доходит ли это слово до нашего сердца? А вместе с этим, если не коснется до сердца живое слово, оно только прозвучит в нашей мысли и никакого плода не принесет.

Задумаемся над этим. Есть бесконечное количество Евангельских отрывков, которые мы так любим, которые так прекрасны, которые мы так хорошо знаем, которые мы могли бы всякому рассказать и объяснить. Но не встанут ли они в какой-нибудь день – в день Судный – упреком перед нами, не потому что мы их не понимали, а потому именно, что понимали и все-таки нисколько не жили ими?

Сегодняшняя притча говорит именно об этом. Есть люди, у кого сердце глубокое, которое было глубоко **вспахано** – страданием и со-страданием, любовью и горем, до которого дошло сознание страшного одиночества человека, когда нет Бога в его жизни. И в такое сердце Божие слово падает, как семя, и принято бывает, словно доброй землей; глубоко оно заходит, пускает корни, оживает всем опытом жизни этого человека, питается всем – и страданием и радостью; и прорастает, и приносит плод. Но как мало таких слов принесло

плод в жизни каждого из нас, в **моей** жизни и, вероятно, в вашей жизни. Сколько раз мы слышали живое слово Божие, которое нас всколыхнуло, взволновало; и через мгновение, еще до выхода из храма, нас уносит поток пустых мыслей, сплетен, болтовни – и мы опустошены, ничего не осталось. От ростка, который мог бы подняться и принести плод, не осталось ничего, потому что самое семя унесено ветром, как бурей, унесено чужим пустым словом – и нашим пустословием... А иногда удержалось это слово, как будто упало в трещину того камня, который мы несем в себе, который мы называем своим сердцем, своим сознанием. Оно удержалось и начинает всходить; но и тут недолго ему прожить, потому что корня ему не пустить в каменное, жестокое, холодное сердце. И умирает это слово. Как будто поднялось, и была надежда, что принесет плод – и **ничего** не осталось... А бывает и сердце глубокое, которое может семя принять. И у **каждого** из нас **есть** такое глубокое сердце – только мы даем ему зачерстветь, охладеть. И приходится жизни, людям, Богу это сердце как бы молотом дробить, чтобы хоть трещина образовалась, чтобы под корой замерзлости, окаменелости проглянула земля, та плодородная земля, которая может принести плод...

Подумайте о словах Христовых: «Блюдитесь убо»... – задумайтесь над тем, **как** мы слышим: напрасно? себе в суд и в осуждение? или – в жизнь вечную?..

И как милосерд Христос! Он нам говорит, что некоторым – дано понять; некоторым – непонимаемое ими разъясняют, чтобы они поняли; а некоторым – **не надо** разъяснять, потому что если они поймут головой и отвергнут сердцем – какова будет их ответственность?! Иисус Христос поясняет: для таких говорится притчами, чтобы они слушали и не слышали – как бы от этого холодного, мертвого понимания ума, от такой мертвой головной веры человек не был осужден... Притча раскрывается перед нами в меру нашей открытости и понятливости. А понятливость – в сердце, не в голове; опытом жизни, кровью добывается понимание слов Божиих...

Вот подумаем, в течение всей этой недели станем думать о том – кто мы в этой притче? куда падает зерно? куда падает

слово Христово? В терние, которое его заглушит, **убьет**, задушит? на камень, где оно взрастет и **умрет** от зноя и сухости? или при дороге, откуда унесет его ветер и где оно будет разнесено всеми хищниками жизни? или в сердце доброе?.. А если сердце наше не таково – поставим перед собой вопрос, как же этот камень раздробить, как к жизни вернуть охладевшее сердце... Аминь.

22 октября 1972 г.

ПРИТЧА О БОГАТОМ И ЛАЗАРЕ

Неделя 22-я по Пятидесятнице

(Лк 16:19–31)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу обратить ваше внимание на последние слова сегодняшнего Евангелия: Если они Моисея и пророков не послушают, то и явление из мертвых воскресшего Лазаря их не спасет... Здесь как бы упоминается заранее о том, что будет, когда Сам Спаситель Христос, распятый на кресте, восстанет из мертвых: те, которые уже Его знали, уже познали Его внутренним опытом своим Богом и наставником, те **ожили** Его воскресением, вступили в жизнь вечную вместе с Ним. Но те, кто до Его распятия и во время Его крестной смерти не узнал в Нем Того, о Котором говорили пророки, Которым преисполнено всё Священное Писание – те и когда Он восстал, не поверили Его воскресению.

И так бывает и с нами. Мы часто просим чуда, такого чуда, которое выходило бы вон из ряда всех событий жизни, такого чуда, которое **заставило** бы нас, даже против нашей воли, поверить Богу. И это чудо или нам не дается, или, когда случается, нашей души не колеблет. Чудо нас потрясает на одно мгновение – но жизни нашей не меняет; чудо нас потрясает, а потом начинается в нас сомнение: было ли оно на самом деле? Услышал ли я внутри себя голос Божий, звучавший как бы извне, **видел** ли я на самом деле то, что мне привиделось? Случилось ли то, что в тот момент мне показалось достоверным доказательством и существования Бога, и Его любви, Его милости к нам?.. Начинаются сомнения – потому что чудо всегда явление внешнее. Но тогда – что сказать о Моисее, о пророках, о всем Священном Писании, о Евангелии и Посланиях? Они до нас доходят по-иному; они не говорят нам, в основе своей, о чудесах, которые они описывают; они говорят нам об ожидаемом Мессии в Ветхом Завете и о Мессии пришедшем, о Спасителе Христе, о Сыне Божием: они нам говорят, и мы должны слушать. И если то, что они нам

повествуют, не доходит до нашего сердца, не озаряет наш ум, не имеет в себе той достоверности, после которой мы **уверены** в том, что каждое это слово было истина, потому что оно отозвалось в нас, в уме, в сердце, в воле нашей, во всем нашем телесном существе новой жизнью – если это не так, то эти слова напрасны.

Но **если** так, то они имеют силу большую, чем встреча лицом к лицу с чудом, даже с чудом, которое нас касается непосредственно: с исцелением нашей болезни, спасением от несчастья... Слова Священного Писания только тогда делаются действенными, когда доходят до нас и когда мы можем на них ответить: "Аминь!" ДА, Господи – это **правда!** ДА, Господи – это истина! ДА, Господи – это красота, это жизнь, это радость, это свет, который всё делает новым...

Вот почему сегодняшнее Евангелие косвенно предупреждает нас о том, что не надо нам искать чуда извне – оно нас ни в чем не убедит, если с нами не случится то чудо обновления, которое совершается через глубокое восприятие Божиего слова в Священном Писании, слова, на которое мы отвечаем, как я только что сказал: «Аминь! Это правда! Это истина, это красота, это радость, это новая жизнь!». Аминь.

4 ноября 1990 г.

О БЛАГОДАРНОСТИ

Неделя 28-я по Пятидесятнице

Лк. 14:16–24

Слово *благодарность* или чувство благодарности красной нитью пробегает через всё Евангелие и все Послания. И когда мы думаем о тех, кто эти послания, письма написал, и о святых, которые вслед за ними вновь и вновь вторят этому крику благодарности Богу, нам надо задуматься о том, как это бывает возможно.

Каждый из Апостолов претерпел мучения за привилегию, за призвание провозглашать Евангелие. В двух отрывках своего Послания к жителям Коринфа апостол Павел описывает то, что лично ему пришлось перенести. Не было в жизни Апостолов такого мгновения, которое не было бы чревато опасностью, чревато болью и страданием. И однако ни одного мгновения они не колебались воспевать и провозглашать свою благодарность Богу. Почему, как они могли это делать?

Если мы подумаем о себе самих – как часто мы жалуемся на свою жизнь! А тем не менее можно ли вообще поставить ее в сравнение с той трагичностью, которая была в жизни Апостолов? Или первых поколений христиан? А также и тех, которые стали исповедниками своей веры в наши дни? Нет, нельзя! А мы виним Бога во всем, что в нашей жизни случается болезненного, во всем, что в ней есть горького, во всем, чего в ней недостает. Мне однажды случилось, выслушав одну исповедь, сказать человеку: «Я не могу дать вам разрешения грехов именем Божиим, потому что, принимая отпущение, вы примиряетесь с Богом; и вот, вся ваша исповедь была обвинительной речью: во всех грехах, во всех слабостях, во всем, что в вашей жизни случилось неладного, виноват Бог. Поэтому прежде чем получить **от Него** прощение, вы должны заявить раз и навсегда, что прощаете **Его** за ту жизнь, которую Он вам послал...».

Мне кажется, что мы должны над этим задуматься, потому что если бы мы только знали, что Бог сделал для нас – **и еще**

делает, изо дня в день, если бы мы только знали наше призвание, мы не относились бы к жизни и к Богу так, как мы это делаем. Много лет назад я встретил в России священника, который двадцать шесть лет провел в тюрьмах и концентрационных лагерях. Он сидел напротив меня с ясными, сияющими глазами, полный изумления и благодарности, и говорил: «Понимаете ли Вы, как дивно Господь со мной поступил? В те трагические дни, когда священников не допускали ни в тюрьмы, ни в лагеря, Он избрал меня, недостойного, неопытного священника, и на двадцать шесть лет послал меня в тюрьму и в лагерь, чтобы там быть Его свидетелем среди тех, кто в этом больше всего нуждался». И это всё, что он вынес из лагеря: бесконечную благодарность Богу, Который избрал **его** свидетельствовать, избрал его быть тем, кто приносит утешение, кто дает силу, кто дает сиять свету там, где могла торжествовать только тьма...

А мы – живем в мире, который не полностью темен; даже если он нам представляется сумеречным, свет в нем мерцает. Каждый из нас богат так многим: материально, духовно, эмоционально, – во всех возможных отношениях богат. И всё это – дар Божий; но также и наше призвание идти во весь мир, то есть во все места, где протекает наша жизнь – семья, работа, друзья – и принести туда Бога... Да, Самого Бога, Его слово, Его любовь, Его заботу, Его собственное отношение к людям, к мужчинам, к женщинам, к детям.

Бог стал человеком; человек от Бога отвернулся, изменил и предал Его, отрекся от Него, посмеялся над Ним, не понял Его – и Бог пришел в мир, к нам, как апостол Павел сказал, когда мы были еще Его врагами, чтобы взять нас Себе в друзья.

Это то, к чему мы призваны: быть теми людьми, которые идут в мир, – в тот **малый** мир, в котором мы живем, – и принести всюду свет, и мир, и радость, и надежду.

И это мы можем сделать, только если научимся благодарности, если научимся тому изумлению, какое тот священник мне высказал: изумлению о том, что мы посланы в самые мрачные, темные места жизни, чтобы туда принести свет, в места, где надежды нет, чтобы принести туда непобедимую

надежду, в места, где нет любви, чтобы принести туда хоть искру любви.

Если бы мы так поступали – и мы видели бы, как эта весть принята, как люди, которые были под сенью смерти, вдруг видят, что свет **СВЕТИТ** в темноте и тьма не может его угасить... Если бы только мы это видели, мы были бы готовы петь Богу песнь благодарности, какие мы находим в псалмах, у пророков, у апостолов, у мучеников, у подвижников: у всех тех, которые несли крест такой тяжкий – и делали это с благодарностью и с радостью. Аминь.

8 декабря 1991 г.

II. БЕСЕДЫ

МЫСЛИ ПРИ ЧТЕНИИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Я попробую поделиться с вами некоторыми мыслями, которые у меня собрались за многие годы чтения Священного Писания – сначала Нового Завета, в котором я, мальчиком четырнадцати лет, впервые встретил Бога, затем и Ветхого Завета.

Первое, на что я хотел бы обратить ваше внимание, это то, что между началом Ветхого Завета, парой первых глав, и дальнейшим его содержанием существует абсолютная, категорическая разница, потому что содержание первой главы и начала второй, подводящее нас к падению человечества, очень своеобразно: это рассказ языком **падшего мира** о том, что было когда-то, когда мир **еще не пал**. Это попытка сказать нечто на одном языке, который не обладает ни словарем, ни понятиями, ни опытом другого языка. И это надо принимать в учет, когда мы читаем Ветхий Завет; мир от сотворения до падения – мир нам абсолютно неизвестный. Мы можем гадать, можем пытаться представить, что тогда могло быть, но мы не можем опытно войти в это.

Можно сказать, что мы в какой-то мере приобщены этому опыту, потому что живем в Церкви, то есть в обществе, которое искуплено, которое спасено, которое очищено воплощением, смертью и воскресением Христа и даром Святого Духа. Однако мы являемся грешными существами и можем только как бы чутьем что-то улавливать. Но мы не можем знать **опытно**, непосредственно то, что знал Адам, что знала Ева, что знала **вся тварь** до того, как она оторвалась от Бога.

Это нам надо помнить, когда мы читаем начало Ветхого Завета. Мы должны его читать как метаисторию, то есть не как историю, где описано все, как было, а где в форме описаний падшего мира говорится о мире, которого больше нет и которого мы не знаем, о мире, которого даже никогда больше не будет, потому что когда кончится время, когда наступит окончательная победа Божия и, по слову Апостола, «будет Бог все во всем»

(1Кор 15:28), мы, однако, **не сможем** вернуться к тому моменту, когда на земле еще никогда не было греха.

Это нам надо каким-то образом пережить, потому что представить себе это нелегко, так же как нелегко представить себе жизнь, которой мы не приобщены никаким образом.

Второе, о чем я хочу сказать, – это язык. Я не говорю о том, что никто из нас не читает Ветхий или даже Новый Завет на тех языках, на которых они были написаны; а о том, что самые слова иногда не только теряют свой смысл, но постепенно **меняют** его; и мы переживаем слова в том новом смысле, в котором мы теперь их употребляем, но не всегда в том смысле, в котором они были написаны. Я сейчас хочу обратить ваше внимание на некоторые образцы.

Во-первых, и в русском тексте, и во всех переводах, которые мне выпадало читать, то есть в английском, во французском, в немецком и греческом, говорится, что «сотворил Бог небо и землю» (Быт 1:1); и дальше речь идет о том, как Бог творит из дня в день нечто, все новое. Если вы возьмете этот отрывок – и это я говорю не по своему знанию, а потому что читал у людей более ученых, чем я – то вы обнаружите, что слово «творить» употреблено только один раз: Бог сотворил небо и землю... А дальше употребляется другое слово, которое нам описывает работу как бы ремесленника, который, да, творит, но творит из уже существующего материала. В английском языке можно было бы сказать *fashions*, то есть дает форму, дает облик тому, что уже существует зачаточно. На это надо обратить внимание: момент сотворения – уникальный момент; до того ничего не было. А что случилось потом? Случилось то, что прозвучало **слово**, то есть Бог сказал: «Будь!», «Существуй!» – и никогда до того не бывший мир вдруг оказался перед Лицом Божиим.

И этот момент еще характеризуется в Ветхом Завете словом, которое опять-таки на всех языках усложняет понимание несмотря на то, что это единственный способ, которым это понимание до нас доходит: создан **хаос**. Что значит хаос? Для нас хаос – это беспорядок; когда мы говорим о хаосе, мы думаем о том, на что похожи, скажем, города,

которые подверглись бомбардировке или сгорели и т. д. Но не таков смысл этого термина, которым описано то, о чем речь идет. Здесь хаос – это совокупность всех возможностей, которые у твари были и остаются для того, чтобы родить из себя самой все многообразие нашего мира и того, о чем мы даже не знаем, чего еще нет и чего нет больше. То есть этот хаос – не мертвый; это совокупность всех возможностей, бесконечное богатство возможностей, которые должны расцвести. И над этим хаосом как бы дышит Святой Дух, вызывая из него все, что этот хаос может родить. В этом хаосе ничего мертвого нет, есть только возможное, и это возможное делается действительностью. Вот это – второй момент, на который я хотел обратить ваше внимание.

Дальше в рассказе о сотворении мы с удивлением видим, что каждый **день** начинается с вечера, и затем следует утро. Это мне кажется очень значительным, потому что каждый день является осуществлением; но вместе с этим, когда дело доходит до следующего дня, то есть до следующего шага раскрытия всех возможностей твари, то предыдущий шаг кажется только вечером, он кажется неполной светлостью, потому что воссиял **новый** свет. И это тоже нам надо помнить: речь идет не о каких-то «днях», а о том, что то, что совершилось сегодня, является полнотой света для **этого** дня; но как только является новая полнота, воссиявает новый свет, в сегодняшнем свете можно видеть еще не полноту света, а подготовку к большему свету.

Еще одно. Говоря о Боге, Ветхий Завет употребляет слово «Элохим». Элохим – множественное число, и такое употребление объясняется различно, в зависимости от того, к какой богословской школе люди принадлежат. Одними это множественное число объясняется просто тем, что раньше, чем созреть к пониманию о Едином Боге, люди мыслили категориями многобожия. Но интересно, что есть и другое, замечательное объяснение: «Элохим» указывает именно, что Бог не является арифметической **единицей**, а является **единством**. На еврейском языке есть два слова: одно значит «один» в смысле одного предмета, а другое значит «единство».

И вот «Элохим» нам говорит о том, что каким-то непонятным прозрением, чутьем было уловлено, что Бог не является просто арифметической единицей, а каким-то очень богатым **единством**. Вы, наверное, помните, как к Аврааму пришли три спутника. Эти трое спутников по комментарию и ветхозаветного и позднейшего времени были ангелами – то есть посланниками – Божиими. И замечательно то, что они говорят все время в единственном числе «я»; трое – говорят в единственном числе. По толкованию Святых отцов это указывает нам на то, что Бог Троичен и что в Нем есть Личности, есть Лица, Которые говорят как **одно** Лицо, потому что Они **едины**.

Говоря дальше о языке, мы должны помнить, что еврейский язык пишется согласными; только в средние века к ним были прибавлены значки для гласных звуков. И этим объясняется то, что многие места читаются очень различно, причем не то чтобы «приблизительно не так», а категорически по-иному. Я вам дам один пример из пророчества Исаиина, которое читается в рождественскую ночь. В теперешнем еврейском тексте и в западных переводах это место читается так: «родится от Девы сын, который будет Сыном Божиим, и он не будет пить вина и сикера»... Если вы возьмете этот же текст в греческом переводе, который был сделан в Александрии задолго до того, как были введены эти значки, приблизительно за сто лет до воплощения Христова, – значит, это не подделка под христианское учение, – этот текст говорит, что «раньше, чем Он сумеет различить добро и зло, Он выберет добро» (Ис. 7:14–15). Те же самые согласные звуки, только определенные другими гласными... И вот с этим надо считаться. Читая, в частности, Ветхий Завет, недостаточно довольствоваться тем текстом, который у нас перед глазами, будь он русский, будь он иной – все равно. Порой для того, чтобы понять более глубоко или чтобы поставить перед собой вопросы и искать на них ответы, которые насущны, которые важны, приходится сравнивать с переводами на другие языки.

Есть целый ряд английских, французских, немецких переводов; и что интересно – на каждом из этих языков, в общем, нам наиболее доступных, существует не только

христианский перевод Ветхого Завета, но и перевод, сделанный раввинами. И вот тут иногда выпукло выступают различия, которые очень значительны по смыслу и что-то нам раскрывают, потому что каждое сочетание, сопоставление переводов может открыть нам глаза на очень многое.

Есть места, над которыми задумываешься: **что** же это значит?.. Например, в рассказе о сотворении Евы мы читаем, что Бог навел глубокий сон на Адама, и из его ребра была сотворена Ева. Тут, можно сказать, два промаха, на которые надо обращать внимание, чего никогда не делают. Первое: слово, которое на русский переведено как «сон», в греческом переводе и в оригинале не говорит о сне. Греческий текст говорит **ekstasiz**, то есть по-русски «экстаз», по-славянски «исступление», – состояние, когда человек выходит из себя самого, когда он уже не замкнутая личность, а вдруг раскрывается, расширяется и делается восприимчивым к тому, чего не мог воспринять иначе. И вот, рождение Евы – это не момент, когда Адам заснул глубоким сном, и Бог хирургическим образом вырезал у него ребро и сделал из этого ребра ему жену, а момент, когда вследствие целого ряда событий, описанных ранее, Адам уходит в свои глубины, раскрывается к большему, чем он был до того – и рождается Ева. И тут надо принять в учет, какие слова употребляются. В славянских житиях святых иногда говорится, что данный святой никогда «не почивал на ребрах». Это просто значит, что он не ложился. Но в этом тексте Ветхого Завета слово «ребро» употреблено в этом двойственном смысле; оно может либо значить, что речь идет именно о ребре, либо – что человек лежит как бы на половине своего тела. Те из вас, которые имеют представление о французском языке, могут понять, что Ева была сотворена *de la cote* или *du cote*. *Cote* значит «ребро», *cote* – «сторона, половина». И вот здесь речь идет о том, что Адам уснул не обычным сном, когда мы **теряем** себя, а раскрылся так, как не мог бы раскрыться иначе, и в этот момент в нем как бы родилась его супруга.

Дальше по той же линии во всех текстах говорится, что Бог сотворил Адаму «помощницу». И это в течение всех времен

воспринималось очень узко. Даже святитель Иоанн Златоустый ставит вопрос так: конечно, Бог сотворил женщину для того, чтобы она рожала детей, потому что если бы Адаму был нужен помощник, чтобы возделывать рай, то мужчина мог бы это сделать лучше... Это очень упрощенное, хотя такое естественное восприятие. Но если мы читаем опять-таки еврейский текст, то речь идет не о «помощнице»; слово, которое употреблено на еврейском языке, значит «некто, кто будет стоять лицом к лицу с ним»; это совершенно разные вещи. Когда два человека могут стоять лицом к лицу, как бы созерцать друг друга, проникать в глубины один другого, это совершенно другое, нежели представление, что один может помочь другому в том или ином деле. И это взаимное созерцание выражено в Ветхом Завете немножко дальше. Когда Адам открывает глаза и **видит** Еву, которая родилась из него, он говорит: «Это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женой, ибо взята от мужа» (Быт 2:23). По-славянски, по-русски это ничего не значит: с какой стати она должна быть названа «женой», потому что он ее «муж»? Но если взять еврейский текст, то речь идет о том, что она будет «иша», потому что я «иш»; это женская форма того же самого слова. На английском языке можно было бы сказать he and shë это тоже **одно** человеческое существо в двух лицах – одно женское, другое мужское. Но они едины, потому что они – две стороны как бы одного и того же явления: человека.

Я говорю все это не для того, чтобы прокомментировать начало Библии, – об этом надо было бы говорить гораздо больше; а чтобы обратить ваше внимание на то, что если читать Библию с желанием понять, то надо принимать в учет, что просто взять текст, который у нас есть на славянском или на русском языке, недостаточно; надо попробовать узнать, каковы другие переводы, какие комментарии, как объясняется то или другое место, – и не ради учености, а ради того, чтобы эти места ожили в нашем сознании. Ведь совершенно иная картина открывается перед нами о сотворении Евы, когда мы себе **так** представляем: что Адам был создан как **человек**, который в себе совмещал – опять-таки, как хаос – **все** возможности

человечества. В какой-то момент он созрел, и в этот момент Бог привел к нему все другие существа, и Адам увидел, что у каждого существа есть пара, а он – **один**. И в тот момент, когда он осознал, что он один, в нем раскрылось что-то – экстаз – и родилась Ева.

Я вам даю эти примеры просто для того, чтобы вы бережно, внимательно и с увлечением могли читать и Ветхий и Новый Завет.

Хочу сказать еще нечто о Ветхом Завете в целом. Когда читаешь Ветхий Завет, то бросается в глаза, что там описывается очень откровенно, прямо многое неладное, греховное, некрасивое. И вот **это** замечательно в Ветхом Завете. Замечательно то, что он был написан людьми, которые перед лицом Божиим вглядывались в себя самих, в свою жизнь, в свою душу и ее описывали, какая она есть: порой – с ужасом, порой – с недоумением. Если возьмете, например, 50-й псалом – это **крик** покаяния царя Давида, который только что совершил убийство, прибавив к тому прелюбодеяние. Это крик грешника, но он не стыдится открыть весь ужас своего падения и греха, потому что это исповедание он сочетает с истинным покаянием: «Помилуй, мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...» – и т. д. Этот псалом вы, наверное, все знаете. И вот это очень поразительно. Очень важно нам помнить, что это книга, в которой все говорят **правду** о себе самих, даже если она неприятная, даже если она уродливая, даже если она осуждает их; но это правда, потому что они говорят перед Богом, под Его руководством и под Его водительством.

Есть места, где описываются такие настроения, которыми по-христиански – если слово «христианство» в кавычки ввести – мы возмущаемся: как же так!.. В одном псалме царь Давид говорит о преследующих его: «Да будет путь их тма и ползок, и ангел Господень погоняяй их», то есть «да будет путь их темен и скользок, и Ангел Господень да преследует их» (Пс 34:6). Мы, благочестивые люди, считаем, что, конечно, не скажем ничего такого, хотя можем злиться столько же, сколько царь Давид в тот момент злился. Но у меня был случай, когда мне вдруг

стало совершенно ясно, что это очень даже может случиться. Я когда-то преподавал в Русской гимназии в Париже. У меня был кружок старших учеников, куда мы раз в неделю приглашали представителей различных вероисповеданий; в том числе пришел и католик, который в течение всей беседы нам доказывал, что Православия не существует, что существует только католичество, а Православие оторвалось от своих корней и должно покаяться. Мне тогда и тридцати лет не было, и я ехал домой и весь кипел; я помню, как я летел по лестнице метро и говорил: «Пусть путь его будет скользок и Ангел пусть преследует его!», – потому что его слова были таким оскорблением истины, правды, единственного, что мне действительно дорого до конца... И тогда я подумал, что царь Давид просто правдив; в его обстоятельствах – да, он так же отреагировал, и конечно, его обстоятельства были более трагичные, чем мои.

Есть другие места, где описывается покаяние, чистое, светлое покаяние. И весь рассказ Ветхого Завета, – это рассказ о человеческой жизни, человеческой истории, человеческих душах, какими их видит Бог и какими люди просвещенные, стоящие перед лицом Божиим, могли **видеть** себя самих и окружающих людей.

Я дам вам еще один пример. Есть место в Ветхом Завете, в книге Царств, об учреждении царства среди евреев. Это место всегда приводится как доказательство, что царство – божественное установление, что король или царь является помазанником Божиим. А рассказ говорит вот о чем. Прежде еврейский народ был водим духовными вождями; были патриархи, были пророки, были судьи – это все были люди, которые не занимали как бы официального положения, которых Бог вызвал из толпы, потому что они были Ему открыты до конца, и они были способны провозглашать Его волю и проводить Его волю среди людей. В какой-то момент Израиль посмотрел вокруг себя и увидел, что находится в абсолютно особенном положении: никакой уверенности в завтрашнем дне нет, – у них нет постоянного вождя. «Сейчас у нас есть Самуил; мы ожидали, что его сыновья унаследуют его роль и призвание,

а они никуда не годятся; что же – мы пропали? Давай-ка себя спасем, учредив какую-то **уверенность...**». И они обращаются к Самуилу и говорят: «Мы хотим быть, как все народы (то есть **именно тем**, чем они никогда не были; они были народом Божиим, тогда как все народы были **иные**), дай нам царя». Самуил обращается к Богу и говорит: «Что мне делать? Они меня отвергли!». И Господь отвечает ему: «Не тебя они отвергли, но отвергли Меня» (1Цар. 8:7). «Дай им царя, но предупреди их о том, **чем** будет царь в их жизни». И дальше следует отрывок, где говорится, как царь их будет поработать, принуждать, притеснять и т. д.

В этом отрывке мы видим, как Ветхий Завет нам описывает события, трагические для еврейского народа, каковы они в глазах Божиих.

Есть другие места, где самые **слова** играют роль, или потому, что мы не умеем сквозь них читать, или потому, что мы не привыкли к тем выражениям, которые употребляются. Еврейский язык очень конкретный (как и все древние языки). Например, есть в Священном Писании место, где говорится: «Коль красны на горах ноги благовествующих мир» (Ис. 52:7). «Ноги», конечно, здесь означают «приход»; люди приходят на ногах. Но употребляется не отвлеченное слово «приход» или «прибытие», а конкретное «ноги»; кроме того, разумеется, «красные» на славянском языке не обозначает цвет, а значит «прекрасные». И перевод такой: «Как прекрасен приход тех людей, которые нам приносят благую весть о мире». И вот надо научиться читать то, что человек был намерен сказать и сказал вполне ясно на языке своего народа и своего времени.

Я уж не говорю о том, что порой читаешь отрывки, которые на славянском языке значат что-то совершенно иное. Вы, наверное, помните выражение из псалма: «Очи мои выну ко Господу...» (Пс. 24:15). «Выну» значит «всегда», «очи» – «мой взор»: опять-таки, с отвлеченного на конкретное. Это значит: «мой взор всегда обращен ко Господу», а не то, что надо вырвать свои глаза перед Господом. И есть многие места, где приходится делать поправку на наш язык.

И надо принимать в учет, что из трех-четырех согласных, если нет знаков, которые дают нам возможность их прочесть в звуковом порядке, можно сделать множество слов. В своем Введении в перевод Псалтири архимандрит Лазарь дает пример целого ряда слов, которые состоят из тех же согласных и в том же порядке, и только гласные, которые меняются, или знак дают возможность их прочесть как разные слова. Например, у пророка Иеремии (Иер. 25:30) читаем: «Прореки на них все слова сии». В действительности, согласными это обозначено таким образом, что можно прочесть как «слова» (давар), так и «чума» (девер). Чтение «слова» выбрано переписчиком, как он сам говорит, из надежды на милосердие Божие. Поэтому, когда мы читаем русский или славянский перевод и какое-нибудь место нам кажется странным, то не вредно обратиться к другому переводу. Надо также принять во внимание, что окончательный текст Библии на иврите был установлен раввином спустя несколько столетий после Христа, так что это не текст, который существовал задолго до Него. Некоторые места, может быть, были недопоняты; во всяком случае, окончательная редакция еврейского текста отстоит от первоначальных записей на много столетий.

Если теперь перенестись из Ветхого Завета в Новый, то здесь мы тоже можем увидеть нечто похожее на то, что я говорил о метаистории первых глав Библии и об истории Ветхого Завета в целом. Евангелие, конечно, не метаистория, но оно нечто совершенно особенное и единственное. Это момент, когда Живой Бог – среди людей, которые, правда, в малом числе, но Его узнали, Его приняли и стали Его учениками, и среди которых Он установил новое Царство, новую Жизнь.

После смерти и Воскресения Христова существует та же самая община, те же самые двенадцать учеников, которые говорят о себе, словами святого Иоанна Богослова: «О том что мы слышали, что видели своими очами и что осязали руки наши мы видели и свидетельствуем» (1Ин. 1:1–2). Они **свидетели** в том смысле, что они "видели", они **свидетели** в том смысле, что они "слышали", переживали, Христос был среди них, они в Нем **увидели** воплощенного Бога, они узнали Бога во Христе.

Возьмите, например, чудо Преображения. Ученики увидели Христа, Каким **никогда** Его раньше не видывали: Всего просиявшего Божественным светом. И если взять икону Преображения, не рублевскую, а Феофана Грека, то мы видим, что Он **весь** сияет, одежда Его бела, как снег, из Него струится свет, который доходит не только до учеников, но и до всего, что окружает Его, и касается камней, растений, и из каждого камня, каждого растения свет брызжет. Это Преображение – преобразование не только Христа, но видение того, каково должно быть преобразование всего мира. Евангелие в этом отношении является как бы с начала до конца временем, когда среди учеников – Христос, Который весь, видимо или невидимо, сияет Божеством, как бы пышет Божеством, Который является Божеством в их присутствии, среди них, и ученики живут преобразенными в этом преобразенном мире.

А потом, после Воскресения Христова, они идут на проповедь. Люди, которые по их слову делаются верующими, такого опыта не переживали: они **не видели** Христа, они не были с Ним; однако некоторые – и таких свидетелей за историю христианства тысячи – **встретили** воскресшего Христа. Я не говорю, что обязательно человек «видел» или физически ощутил Христа, но он познал Его живое, преображающее присутствие.

И вот книга Деяний Апостольских дает нам картину того, как множатся новые ученики, Церковь рождается, но в ней и грех и правда. Когда-то ученики, пока Христос был с ними, переживали постепенное вырастание, перерастание себя самих. Меня всегда поражает разница между Евангелием и апостольскими Деяниями. В Деяниях Апостольских мы находим человеческое общество верующих, которое уже начинает ставить перед собой вопросы узкие, мелкие, общество, где, как тина со дна реки, поднимаются всякого рода человеческие переживания. В Евангелии же поражает простор безмерный, простор такой же широкий, как Сам Бог; такое чувство, что над широкой равниной веет ветер, и можно дышать полной грудью. И замечательно то, что книга Деяний Апостольских, как и Послания, дает нам такую же картину в своем роде, как Ветхий Завет в целом по

сравнению с первыми главами Библии: это период, когда Бог как бы действует, когда, как Христос Сам говорит, Его слово, словно дрожжи, брошены в тесто. Да – Его присутствие, Его ученики, их проповедь, их слово, их деяния являются дрожжами в этом мире, но тесто всходит постепенно, оно не мгновенно превращается в чистый хлеб.

И на это приходится обратить внимание, потому что Церковь, о которой мы говорим, в которой мы живем, которая есть как бы начало будущего века, есть одновременно постепенное оцерковление. В одной из своих лекций отец Георгий Флоровский сказал, что Церковь «и дома – и на пути». Она дома, потому что сама стала домом Божиим, она дома, потому что мы все стали детьми Божиими через Христа и во Христе, она дома, потому что она **уже** Божия до конца; но она на пути в лице каждого из нас, потому что каждый из нас постоянно изменяется. Если мы боремся, то из греховных делаемся менее греховными; из греховных, но уловивших нечто о вечной жизни во Христе, делаемся более мудрыми, более знающими, более опытными. И мы видим, что люди, которые не обязательно святы, могут сказать правду о Боге, потому что они Его встретили; они еще не выросли в ту меру, когда они соединились с Ним уже неразлучно, когда **Он** живет в них полностью, но они столько уже знают, столько пережили, что могут и с другими поделиться.

И вот мне хотелось вам указать на эту параллель между Ветхим и Новым Заветом: начало мира, которое непостижимо для нас; начало Евангелия, которое тоже, в каком-то смысле, непостижимо, потому что мы не можем встать на место первых учеников. Как весь Ветхий Завет – рассказ о том, что было после падения, так и в Новом Завете все, что начинается с Деяний Апостольских, это **становление**: становление каждого из нас, становление всего мира, становление народов; оно происходит порой бурно, порой мирно, но это становление, это история, но история, в середине, в сердцевине которой находится Христос.

И образ, который мы могли бы взять, это образ бури на Генисаретском озере. Буря, которая охватила озеро, привела

учеников в опасность гибели – и вдруг в середине этой бури стоит Христос. И Петр хочет до Него дойти, рвется к Нему; и Христос говорит: «Иди!». И пока Петр **о себе** не думает, он не тонет, когда он только на Христа смотрит – он не тонет; но в тот момент, когда он смотрит на волны и думает: «Я могу утонуть...», он начинает тонуть и восклицает: «Господи, спаси!».

23. 9. 1993 г.

УРОКИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Этот ряд бесед мы посвятим темам из Ветхого Завета, а именно – отдельным личностям, проблемам и тем житейским положениям, в которых они находились, а также проблемам, которые они сами порой представляют.

Многие из вас слышали имя **Адама**. Адам – это человек, каким его сотворил Бог изначально. Рассказ первых глав Ветхого Завета в какой-то мере символичен – в том смысле, что он говорит о событиях, происходивших в мире, которого мы больше не знаем, в мире до грехопадения, в мире, который жил, существовал, действовал, рос до момента, когда Бог и человек разошлись, как бы потеряли друг друга. И поэтому, говоря об Адаме, говоря о некоторых других личностях после него, приходится принимать во внимание, что язык этих повествований – это язык нашего времени, а сами события для нас непостижимы. Мы не знаем, что значит вдруг из небытия быть вызванным Богом к бытию, причем не актом насилия, не просто волей Божией, а любовью Божией, говорящей нам: Приди, восстань из несуществования! Приди, – Я Себя отдаю тебе всей любовью Своей, всей лаской, всей заботой; но вместе с этим Я тебя оставляю свободным. Ты можешь Меня выбрать, ты можешь от Меня отвернуться. Я даю тебе возможность быть и возможность жить, но **как** ты будешь жить, **кем** ты будешь – зависит исключительно от твоего решения, от твоего безумия или от твоей мудрости...

Слово «Адам» значит «глина, земля, почва». Бог как бы создает Адама из самой сущности творения. В истории Ветхого Завета Адам не является неким завершением всех тварей, которые до него существовали или были созданы. Нет, Бог возвращается к самым основам вещества и из него творит человека, который благодаря этому принадлежит всецело ко всему тварному, к самой последней былинке, к самой малюсенькой песчинке – или к самой лучезарной звезде. Адам создан, призван жить любовью Божией, которая себя ему открывает. И тут, по слову митрополита Московского Филарета,

он стоит как бы на хрустальном мосту между двумя безднами. Одна – бездна небытия, откуда его вызвало творческое слово Божие; с другой стороны – над ним ширится, раскрывается до ужаса бездна Божественной жизни. И Адам может пасть, но никогда не сможет вернуться к небытию, – он будет как бы бесконечно падать; либо наоборот, может открыться, рискнуть тем, что уже есть, для того, чтобы приобрести все, что ему может дать Бог.

И таково положение каждого человека на земле. Каждый из нас стоит перед выбором: или перерасти себя, – но для этого надо отказаться от того, что у тебя сейчас, вот теперь уже есть; или сказать: нет, я все это сохраню, я буду держаться всего этого... Но кончается это тем, что ты распадаешься, смерть тебя настигает, и ничего от тебя не остается, кроме праха, мертвых костей. Каждый человек может узнать себя в Адаме, и каждый человек стоит перед именно этим выбором: героически перерасти себя самого ради такого приобщения Богу, чтобы Божественная жизнь в нем ликовала, действовала, его преображала, или отказаться от этого, но зато рано или поздно распасться в прах.

Что же случилось с Адамом? Если вчитаться в Ветхий Завет, в первые главы книги Бытия, там образно изложена его судьба. Адам живет в саду, который являет собой все мироздание, и в нем два дерева, представляющие собой две параллельные возможности: древо жизни и древо познания добра и зла. Адаму сказано: не прикасайся к плодам древа, которое даст тебе познание добра и зла, потому что зло – это уничтожение, зло – это то, чего **нет**, это зияющая бездна. Можно познать добро и вырасти свыше своей меры, но нельзя познать зло и не разрушиться. Ветхий Завет нам говорит, что Адама стал звать к этому дереву змей. С точки зрения примитивных народов змей, конечно, является опасностью; это существо ползает, никогда прямо не ходит; оно до конца приземлено и вдобавок его жало смертоносно для всякого, кого оно ужалит. Змей представляет собою смерть; но кроме того в целом ряде древних религий змей представляет собой изначальную бездну небытия. И поэтому вопрос перед Адамом стоит так: если ты

прикоснешься к этому познанию зла, которое есть посильное возвращение в небытие, ты будешь погружен – да, в какое-то изначальное существование земного бытия, но ты в нем погрязнешь и уже не будешь человеком, не будешь живой силой, ты должен будешь в этом погибнуть.

Приобщение к древу жизни – это приобщение к Богу. Есть место у апостола Павла, где он говорит: «Приобретайте ум Христов» (1Кор 2:16). То есть мы должны так быть едиными с Богом, чтобы наши мысли, наше восприятие, наше понимание, наше знание вещей было Божие знание, Божие восприятие. Тогда можно, как бы привившись к Богу, соединившись с Ним, сроднившись с Ним, уже начинать понимать то, что вне Бога и вне тебя, но понимать уже изнутри как бы Божией мудрости, Божией реальности. Понимать, **что** значит небытие, можно только по контрасту, постигая, какая полнота бытия в Боге, как можно вырастать, вечно расти, питаться торжествующей жизнью и знать, что вчера или раньше этой полноты не было; значит, в какой-то другой момент этого не было вовсе, – была или смерть или небытие. И только изнутри приобщенности к Богу можно понимать, что такое добро и что такое зло.

И Адам сделал ошибку: он решил тварным образом узнать, что такое добро и что такое зло. Он решил **вне** Бога погрузиться в материальный мир и посмотреть: можно жить в нем или нет? И это – опыт тысяч людей, которые отвернулись от Бога или потеряли Бога, или которым Господь никогда не был открыт – обстоятельствами или злой волей людей. Такие люди погружены в вещество и должны быть вырваны из него для того, чтобы они могли посмотреть на него и познать его как изумительную красоту, которая постепенно раскрывается, растет, расцветает. Это можно увидеть только как бы извне. Но если ты сам уйдешь ниже корней, то никогда не увидишь ни ростка, ни цветка, ни плода.

По учению некоторых отцов Церкви, которое, впрочем, совпадает с некоторыми научными исследованиями, первый человек был создан, содержа в себе все возможности и мужского, и женского бытия. То есть он не был гермафродитом в том смысле, что он не был и мужчиной, и женщиной, – он был

совокупностью всех тех возможностей, которые потом могли расцвести в полноте и женственности, и мужского состояния. Очень интересно видеть в Библии, что Адам был создан, жил, и в какой-то момент – именно не изначально – Бог привел к нему всех существующих животных, и Адам увидел, что он – единственное существо, которое не имеет себе как бы напарника. Он один, а у всех других существ есть женский и мужской пол. И вдруг Адам осознал себя одиноким. В этот момент Бог сказал (я выражаюсь словами Библии, но, конечно, Бог так не «говорил»): «Не хорошо быть человеку одному» (Быт. 2:18). И Бог, как говорится в наших переводах, «навел... на человека крепкий сон» (Быт. 2:21).

Это выражение не всегда удовлетворительно, вернее, меня не удовлетворяет. Греческий текст употребляет гораздо более интересное выражение; греческий текст нам говорит, что Адам вошел в состояние экстаза, исступления. Вы меня, может быть, спросите, какая разница? Разница громадная; разница вот в чем. Уснуть – это потерять сознание и быть как бы ниже себя самого. Исступление, экстаз – это состояние, когда человек теряет себя, потому что перерастает себя, это состояние восторга по сравнению с состоянием уныния.

И вот в этом состоянии восторга из него как бы рождается Ева. Первая их встреча замечательна. Они встречаются лицом к лицу, Адам смотрит на Еву и говорит: «Это плоть от плоти моей, это кость от костей моих, это я – и это она...» (Быт. 2:23). Еврейский текст в этом смысле гораздо более разителен тем, что там употреблены слова «иш» и «иша», мужская и женская форма того же самого слова. По-русски, когда мы говорим «мужчина» и «женщина», мы употребляем слова очень разные. Да, Адам вдруг осознает, **видит**, что Ева – это **он** в женском роде, а Ева смотрит на него и видит, что это – **она** в мужском, и вместе они составляют **всечеловека**, и это называется «встреча».

Меня очень поражает слово «встреча». Русское слово нам известно. Два человека, которые были врозь или никогда не стояли лицом к лицу, вдруг сошлись. По-сербски слово «встреча» значит «радость»; и вот встреча – это ликующая

радость, потому что каждый себя видит в другом и одновременно сознает эту двойственность: не он – и он, «он» и «она», можно было бы сказать; а их соотношение – это единство двух. Один немецкий писатель говорил, что их состояние, взаимное отношение – это одна личность в двух лицах. Они на себя смотрят и видят друг в друге полную красоту и себя самих как красоту, как явление вечной красоты, которая теперь пробуждается и может вырасти в полную меру приобщения к Божественной красоте.

Если встреча Адама и Евы является ликующим торжеством, завершением творения, в чем же заключается падение? Каким образом они вдруг оказались врозь? Если вспомнить, что я говорил о том, как человек, вместо того чтобы искать понимания всего созданного в Боге, в Божественном разуме, в Его мудрости, сделал попытку познать сотворенный мир как бы изнутри, погрузившись в него, то вы поймете, что в момент, когда человек потерял Бога, потерял полное с Ним общение, он уже потерял свою цельность. И тогда очень ясно опять-таки, что Адам и Ева, которые предстали друг перед другом как «он» и «она», посмотрели друг на друга и увидели не единство свое, а различие, которое между ними существует. В Ветхом Завете это обозначено тем, что после грехопадения они друг на друга посмотрели и устыдились своей наготы. Наготы своей можно устыдиться, только если чужие глаза на тебя смотрят. Когда ты один, ты не стыдишься своей наготы. А здесь вдруг случилось что-то очень страшное. Вместо того чтобы видеть друг друга в полной славе, они вдруг увидели друг в друге – **другого**, чужого, иного, и их двоица разбилась.

В этом заключается страшное начало того, что происходит тысячелетиями: того, что создало и в Ветхом Завете, и в Новом Завете, и в Церкви, и в секулярном, безбожном обществе те странные, уродливые порой отношения, которые существуют между мужчинами и женщинами. Я говорю сейчас не о половых отношениях, я говорю о том, что опять-таки выражено в Ветхом Завете: мужчина вдруг берет над женщиной власть. Он владеет силой, а женщина к нему льнет, потому что она без него не может; и с другой стороны, она завоевывает у него авторитет

лаской, убеждением. И взаимное отношение, которое могло бы быть отдачей себя самого другому без оглядки, быть ликующей любовью, делается, с одной стороны, обладанием, а с другой – защитой или иным способом властвования. Мы это видим особенно в рассказе о женщине, которая погубила Самсона, которая взяла над ним власть, лишила его призвания для того, чтобы привязать его к себе.

И вот то, что было **двоицей**, стало теперь двумя **особями**, – не двумя лицами, которые именно как лица глядят и видят друг друга, а особями, которые обособлены друг от друга. В этом заключается и падение, и расторжение чуда взаимной любви, чуда видения друг в друге совершенной красоты, которую Бог вложил в каждого из них и в каждого из нас.

Многие думают, будто грехопадение состояло в том, что Адам познал Еву брачной любовью и что в результате этого случилась какая-то катастрофа, потому что это им было не предназначено, – это не так. Это определенно не так по библейскому рассказу. Рассказ нам совершенно ясно показывает, что Адам познал Еву только после грехопадения, и поэтому их физический, телесный брачный союз не мог и не может никаким образом быть рассмотрен как грех сам по себе. Физическое общение мужчины и женщины **не** греховно; греховно вожделение, греховна бесчувственная жадность. В идеале брак или взаимное общение, которое приводит к нему, начинается в том, что человек другого **любит**, сердцем любит настолько, что они делаются едиными в духе, едиными в душе; и совершенно естественно, что эта любовь охватывает всего человека, включая и его тело. Просто дивно думать, что и телесность наша участвует в тайне любви, – не обладания, не вожделения, именно той любви, которая делает двух едиными.

Есть место в одной рукописи Евангелия, не вошедшей в состав канонических книг, где говорится: спросили Христа: Когда придет Царство Божие? И Он ответил: Царство Божие **уже** пришло тогда, когда двое перестали быть двумя и стали едины... И в Ветхом, и в Новом Завете говорится, что в браке два человека делаются одной плотью, то есть одним живым существом, одной личностью в двух лицах; и разумеется, в этом

не может быть греха по существу. Грех, конечно, может вкрасться. Вкрадывается он постоянно; грех постоянно как бы ждет случая появиться: властвованием одного над другим, физическим голодом, который заменяет собой любовь и ласку, эгоизмом, бесчувствием. Конечно, нет никакого брака в христианском или в ветхозаветном смысле, если соединение двух, мужчины и женщины, начинается с плоти, а не с душевной любви или взаимного единства. Но не в браке грех, не в соединении двух грех, а в том именно, что в таких случаях **нет** соединения, в том, что когда нет любви, делающей из двух одно, единое существо, тогда это просто общение двух отдельных, друг друга исключаящих, друг друга не признающих до конца особей. Это – грех, это прелюбодеяние, это нечистота.

Что же касается до греха Адама и Евы, или просто – греха человека, **всечеловека**, мне кажется, что из Библии абсолютно ясно, что он совершается в момент, когда человек решает самостоятельно познать все тварное, всю тварность, все существующее не изнутри Бога, Который все знает до самых глубин, а изысканием своего собственного ума и опыта. В этот момент человек как бы спиной поворачивается к Богу ради того, чтобы лицом обернуться к окружающему миру. Как сказал один протестантский пастор во Франции еще до войны, у человека, который отвернулся от Бога и стоит к Нему спиной, Бога нет; а единственный источник жизни – Бог; такому человеку остается только умереть. Вот в этом и грех, и последствие греха, – не как наказание, а как неизбежное последствие: нельзя оторваться от Жизни и остаться живым.

По библейскому рассказу, Каин – первый сын Адама и Евы; Авель – его брат. Рассказ о них как будто очень простой, а вместе с тем в значительной мере непонятный. Говорится нам о том, что Каин был земледельцем, Авель – пастухом. Авель принес Богу жертву, которую Бог принял; Каин принес жертву, которая была отвергнута Богом. И разгневавшись, охваченный завистью, Каин убил своего брата (Быт. 4:3–8). Казалось бы, совершенно непонятный рассказ. Почему земледельчество Богу не угодно было, почему пастушество было Богу более по нраву?..

Если задуматься, то, наверное, можно найти ответ, который для всех нас в той или другой мере пригоден. В чем заключалось пастушество, занятие Авеля? В том, что он был свободен от привязанности. Он не был прикован к земле, он был странником – в хорошем смысле этого слова, то есть он не прирос к земле. Он не был бродягой, потому что у него была настоящая забота о семье, о скоте, привязанность к родителям, привязанность к брату; но он был **свободен**. Если думать о Каине, то его можно легко объяснить себе притчей Спасителя Христа, евангельским рассказом о том, как три человека были приглашены на брачный пир (Лк. 14:16–24). Первый отказался, сказав: я купил клочок земли, я должен его хорошенько осмотреть... Он думал, что теперь он хозяин этой земли, что эта земля ему принадлежит; на самом деле **он** теперь принадлежал этой земле, он не мог от нее оторваться, он был к ней так привязан, что ему дела не было до того, что друг его женится. Второй человек, которому было предложено прийти на брак, отказался, сказав: я купил пять пар волов, мне надо идти их испытать... Разве это не картина того, что бывает почти с каждым из нас? Мы говорим: у меня на тебя нет времени, у меня есть **свое дело**, я должен совершить свое дело, у меня какое-то призвание, и я должен его исполнить... А третий ответил: я сам женился, я не могу прийти на твой брак... Что можно перетолковать так: мое сердце переполнено **моей** радостью, какое мне дело до твоей!.. И мне кажется, что если перенести такую картину на Каина, то можно себе представить: **земля** была его уделом, он за нее держался, но и она его держала. Все его заботы, его труд над землей, его семейные отношения его **приковывали**, он был пленником, и когда он обратился к Богу, то он обратился как пленник земли, а вовсе не как свободный сын, сотворенный Богом для связи с Ним, для дружбы, для любви.

И мне кажется, из этого мы можем тоже извлечь урок. Конечно, кто из нас «странник»? Кто из нас не связан с землей так или иначе? Но быть связанным как пленник, быть прикованным к своему делу – одно; а делать свое дело как свободный человек, который творчески что-то совершает, –

совершенно другое дело. И каждый из нас может научиться от Авеля той свободе духа, которая позволяет, с одной стороны, делать свое дело, быть человеком до самой глубины души, самым реальным образом, любить своих родных, заботиться о том, что ему поручено, **быть** чем-то – и вместе с этим не быть в плену ни у чего, быть в состоянии смотреть вокруг себя, дивиться красоте, переживать все глубокое, что нам могут дать природа, жизнь, люди. И, с другой стороны, мы можем, подобно Каину, быть связаны, связаться землей, к которой мы приковали себя, делом, которое для нас стало важнее любви, дружбы, близких людей, кого бы то ни было. Нам кажется, что «надо» совершить это дело; мы готовы быть пленником своего маленького, может быть, счастья, своей маленькой радости – но она **моя**, я буду ею питаться до конца; а что у других людей может быть радость, горе, нужда – мне дела нет... Вот чему может научить нас рассказ о Каине и об Авеле.

...Мне было поставлено два вопроса. Первый вопрос: почему Каин убил Авеля? Почему его могло **так** возмутить то, что Бог принял жертву его брата и отверг его собственную, чтобы он мог дойти до убийства?

Знаете, то, что совершилось с Каином, совершается ежедневно во всем мире, но не обязательно в форме физического убийства, а в иной форме. Каин оказался перед лицом брата, который для него был как бы воплощением Божиего осуждения. Глядя на своего брата Авеля, он видел, что есть человек, который приемлем для Бога, тогда как он неприемлем. И он поступил так же, как часто поступали люди в древности и каждый из нас иногда поступает. У него было чувство, что – не будь Авеля, все было бы хорошо: не было бы точки сравнения; все было бы просто, будь Каин один. И он решил убить Авеля, отделаться от него, устранить, чтобы были только он да Бог, он да жизнь.

Вы, может быть, скажете: Ну, слава Богу, **такого** никто из нас никогда не совершал... – **Неправда!** Как часто, когда человек стоит на нашем пути, в том или другом виде – и политически, и житейски – мы думаем: Ах, если бы только его не было, как бы дышалось свободно, как было бы хорошо! Ах,

если бы только его не было на свете!.. И это очень страшная мысль, потому что это каинова мысль. Мы не доходим до того, чтобы **убить** человека, нет. Но мы как бы доходим до того, чтобы его устранить, исключить его из нашей жизни, – а это человеку иногда бывает так мучительно, так **страшно** и так больно. Вот первый вопрос, который был мне поставлен, и вот мой ответ, насколько я могу на этот вопрос ответить.

Второй вопрос: почему, каким образом жертва одного оказалась приемлема, тогда как жертва другого была отвергнута? Речь, конечно, не идет о том, что Бог с большей готовностью принимал один род пожертвований, чем другой. Бог смотрел не на жертву, которая не могла ничего особенного выразить о человеке: тот давал, что мог, давал, может быть, **все**, что только мог материально; но Бог смотрел в сердце человека. С одной стороны был человек, который от всего сердца, радостно, как бы принимая в себя всю красоту мироздания, весь смысл мироздания, возвращал Богу в виде дара, с любовью, ликуяще, то, что ему было дано от Самого Бога; с другой стороны был человек, который был весь привязан к тому, что у него было, он от этого отделял, сколько требовалось, чтобы Богу выразить свою преданность, свое почтение, свою веру посильную, но хотел сохранить **землю** для себя, отдав Богу подобающую Ему часть. С одной стороны, – открытость сердца и открытость рук, с другой стороны, – замкнутость сердца, собственничество и из этого собственничества какая-то «подачка» Богу. Вот что является, мне кажется, в моем ограниченном понимании, объяснением этого поступка и этого отрывка из Ветхого Завета.

Раньше чем перейти к более отрадным рассказам о подвижниках веры в Ветхом Завете, я хочу остановить внимание еще на одном мрачном человеке – на Ламехе. Мы о нем знаем чрезвычайно мало; одно только знаем ясно: он сказал своим женам, что если за Каина отомщено будет семижды, то за него будет отомщено семьдесят раз всемеро (Быт. 4:24). И вот о чем я хочу сейчас говорить: о мести. Ламех был чем-то, кем-то обижен. Мы не знаем, кем, не знаем, чем, но для нас важно то, как он отозвался на обиду. Обида для него не

мерялась тем, **что** ему сделали, чем ему досадили, она измерялась только тем, что досадили **ему**, что он – центр всего, и неважно, велика ли обида, мала ли обида: важно, что некто смел коснуться его, – его покоя, его жизни, его достоинства (мы не знаем, чего именно). И его ответом была месть. Причем не такая, как позже в Ветхом Завете говорится: «Око за око, зуб за зуб» (Исх. 21:24), то есть если тебя ранили в глаз, не смей наказывать обидчика больше, чем ты был им ранен. Если тебе сделали нечто и ты захочешь как бы «отплатить», отплачивай, но не прибавляй ничего, никакой мести к тому, что тебе сделали. Это, конечно, в Евангелии превзойдено заповедью о прощении, но в примитивном обществе это уже имело огромное значение сдерживающей силы. Ламех стоит как образ человека, который не только не может простить, но даже неспособен быть справедливым, потому что справедливость, судебная справедливость может потребовать, чтобы человек был наказан равным, но не большим образом, скорее всего – меньшим образом: цель наказания – привести его к сознанию, а не заставить страдать столько же или даже больше, чем он заставил страдать другого.

И тут я хочу провести параллель. У меня был друг, который целых четыре года провел в концентрационном лагере в Германии. Он был сотрудником матери Марии Скобцовой, о которой многие, наверное, знают¹. Он был старше меня лет на двадцать пять, строгий, крепкий, порой суровый человек, прошедший первую мировую войну и переживший всю поистине крестную, тяжелую жизнь эмиграции. По возвращении я его встретил на улице, бросился к нему и спросил: Что Вы привезли обратно из концентрационного лагеря? – Безнадежную тревогу!.. – Неужели Вы потеряли веру? – Нет, но пока я был в лагере, пока я был терзаем, мучим, голоден, пока надо мной висела возможность пыток и смерти, я в любую минуту мог обратиться к Богу и сказать словами Христа: «Господи, прости им, они не знают, что творят!..» (Лк. 23:34). А теперь я на свободе, но я не знаю, переродились ли те люди, которые нас так зверски мучили, перестали ли они быть тем, чем они тогда были, раскаялись ли они, покаялись ли они, стали ли они новыми

людьми? И когда я теперь обращаюсь к Богу с молитвой о их спасении, у меня всегда такое чувство: а вдруг Бог скажет: а чем ты докажешь свою искренность? ты живешь теперь свободно, спокойно, ничем не страдаешь, – легко тебе теперь о них молиться...

Вот чего Ламех не сумел сделать. Он не сумел посмотреть на того, кто его обидел, или глубоко ранил, или обездолил, и подумать: Какой он несчастный человек! Если бы только он мог раскаться, если бы только он мог понять, он был бы новой тварью, и мы тогда могли бы быть братьями, обнять друг друга и назвать друг друга братьями!..

Авраам жил, как теперь можно было бы выразиться, в языческой стране, он сам в то время был тем, что мы теперь называли бы язычником, но он был человек праведный, стремящийся всей душой, всем своим существом к почитанию Бога, к познанию Бога, к служению Ему, к верности – ради Бога – и людям. И вот в какую-то ночь он услышал голос, назвавший его по имени: Авраам... Он понял, Чей то был голос. Звучал ли этот голос в его ушах или в его сердце, мы знать никогда не будем; мы одно знаем: когда он услышал этот голос, он узнал сразу, внутренним чутьем, что с ним говорит Живой Бог; он спросил этого своего Бога, чего Тот от него ожидает, и Бог ему ответил: Он приказал Аврааму выйти из своего народа, выйти из своего племени, удалиться от самых близких людей и идти, куда Бог его поведет. В каком-то отношении это возвращение к состоянию Авеля: «будь свободен от всего, что тебя связывает, поработщает, приковывает к земле, и иди, и Я буду тебя вести: вести внутренним чутьем, вести обстоятельствами твоей жизни, вести туда, куда Я хочу тебя привести в конечном итоге». И Авраам встал, собрал свою семью и ушел. Ушел, если можно так выразиться, «куда глаза глядят», не зная, куда он идет, зная только одно: что Бог верен, что Бог не лжет и что Бог призвал его идти куда-то с какой-то целью. И его доверие к Богу было настолько сильное, простое, что он никакого вопроса Богу не поставил, не спросил «куда?» и «зачем?», а только пошел как бы по вдохновению, услышав этот зов. И пришел он в ту землю,

которую назвал землей обетованной (мы в христианскую эру называем ее Святой землей); и там он осел.

Это первая черта, которую мы находим в вере: способность поверить Богу, способность быть уверенным в том, что превосходит наши пять чувств. Так определяет веру Послание к евреям: «уверенность в вещах невидимых» (Евр. 11:1). Бог не давал Аврааму никакого знака извне, Он говорил к нему как бы из сердца в сердце, из ума в ум, из души в душу, и созвучье между его душой и гласом Божиим оказалось настолько совершенно, что Авраам отозвался немедленно и всецело и пошел туда, куда ему Бог назначил идти. Это первая черта веры: способность быть уверенным в том, что происходит в твоём сердце, в твоём уме, не потому, что есть какие-то доказательства, а потому, что есть внутренняя уверенность в этом. Это относится не только к вере в Бога. Мы так, например, относимся к опыту любви. Мы уверены, что полюбили этого человека, не потому, что у него такие или другие свойства, а потому, что это ОН или ОНА. Это относится также к нашему восприятию красоты. Мы восклицаем: Как прекрасно! – и не можем объяснить, не можем разложить красоту на составные части. Мы уверены в ней раньше, чем сумеем ее разобрать и объяснить.

Итак, ночью Авраам вдруг услышал голос (не обязательно извне, может быть, внутри себя), зовущий его, и в этом голосе узнал зов Божий, поднялся, все оставил и пошел туда, куда приведет его Господь. В этом он поверил себе самому, поверил, что тот опыт, который он пережил, является подлинным, реальным опытом, что это была не иллюзия, не сон, не какой-то обман чувств; что действительно нечто в нем прозвучало, и, если он хотел остаться честным до конца по отношению к себе, ему не оставалось никакого иного выхода, как последовать этому зову.

Это бывает и с нами. И мы иногда слышим внутри себя голос, который называем совестью. Это может быть откровение из самых глубин наших, голос Божий, который нам то или другое повелевает или зовет куда-то, и мы не можем оставаться до конца цельными, добротными людьми, если не последуем

этому голосу. Это требует очень большого мужества, большой смелости порой, и, конечно, легковерно за этим следовать нельзя. Но Авраам не отнесся к этому легковерно; только когда он убедился, что это действительно не мечта, не фантазия, а что-то пришедшее к нему не как бы извне, но из самых глубин бытия, он покори́лся этой воле и ее исполнил. И в этом опыте он не только услышал волю Божию, он каким-то образом на самых глубинах своего бытия (простите, что я снова употребляю это слово) познал Бога, он Его узнал. Он теперь знал, каким голосом говорит совесть, каким голосом говорит правда, каким голосом говорит истина. И он пошел. И следующий шаг был обусловлен именно тем, что он был уверен в Боге, а не в том только, что он слышал **о** Нем или **от** Него.

Другим откровением Божиим ему было сказано, что родится у него сын, который будет зачатком целого большого народа. Родился сын, был назван Исааком; и вдруг тот же голос Божий говорит Аврааму: Возьми своего сына, поднимись на гору и принеси его в жертву Мне – то есть убей (Быт. 22:1–13). Каждый из нас обернулся бы к Богу, к звуку голоса, и сказал бы: Да помилуй, Господи, Ты же Себе противоречишь! Ты же Сам мне обещал, что этот мальчик будет началом целого бесчисленного племени!.. Авраам поверил Богу больше, чем он мог поверить слышанным словам, больше, чем он мог поверить себе самому. Он взял Исаака, поднялся в гору, и этим показал не только то, что способен веровать, то есть быть совершенно уверенным, что с ним говорит Бог, он показал, что вырос в такую меру общения, близости с Богом, что смог Ему поверить **без остатка**, довериться Ему даже против всякой логики, против всякой очевидности. Просто потому, что говорит Бог, Которому он верил, Которого он познал, он смог Ему поверить и соответственно поступить. И Бог не обманул Авраама. Он его испытал до конца, но когда речь дошла до убийства, до смерти этого мальчика, тогда Бог остановил его руку, и взамен этого мальчика, своего сына, Авраам принес в жертву Богу барана, который там запутался рогами в траве.

Вот здесь второй вид веры: сначала была уверенность, затем все увеличивающееся общение с Богом и познание Его,

которое завершилось полным **доверием**, полной готовностью не сомневаться в Нем, что бы Он ни сказал, в уверенности, что Бог есть Бог мудрости и Бог любви.

Можно поставить перед собой вопрос: зачем Богу надо было испытывать Авраама, требовать от него, чтобы он собственного своего сына принес в жертву? Мне думается – и это уже взято не из Священного Писания, а просто из жизни, из опыта – что только тогда можно сказать, что я **абсолютно** твердо стою на своих убеждениях, только тогда можно сказать, что я уверен в том, что делаю, или доверяю до конца тому, кому я подчинен, когда передо мной стоит испытание смерти. В древности говорили: «имей память смертную...» Когда нечто подобное говоришь современному человеку, он отвечает: «неужели я должен помнить о смерти все время, неужели тень смерти должна ложиться на всякую радость, на все мое счастье, неужели она должна закрывать передо мной всю красоту вселенной, мою дружбу, мою любовь, мою радость? так жить нельзя!..» Но вовсе не об этом говорили в древности. Эти слова означали: если твоя вера, твои убеждения, твоя верность неспособны устоять перед опасностью и испытанием смерти, тогда лучше не говори о них. Один французский писатель писал своему другу: я готов стоять за свои убеждения вплоть до повешения – **исключительно**... Это значит, что он не был готов стоять за них.

Бог действительно испытал Авраама самым страшным испытанием, потому что испытать человека его собственной смертью – громадное испытание, но не конечное; но испытание человека опасностью или смертью самого любимого, самого дорогого существа являет полную меру его величия. И Бог действительно измерял не только доверие Авраамово, не только его веру, не только его готовность слушаться Его, но его человеческое величие. Насколько он велик? достоин ли он называться человеком или он просто – ну, человечек, как все мы бываем: живем, трудимся, и не всегда достойны не только Бога, а и самих себя?.. И вот мне кажется, что это испытание смертью очень важно. Я это переживал, скажем, во время войны, когда мы все были перед опасностью смерти в армии и когда каждый

человек вдруг показывал себя в полной мере своего величия или своей низости. Некоторые люди, совершенно незаметные в обычной жизни, вдруг вырастали в громадную меру величия, а были такие, которые казались героями, а перед лицом смерти оказывались без сил. Вот почему, мне кажется, это испытание Авраама смертью очень важно; оно очень важно и в нашей жизни.

Я помню одну пожилую женщину, у которой умирал внучек. Я тогда был их врачом. Она мне сказала: «Если мой мальчик умрет, я отрекись от Бога, потому что Он поступает с неимоверной жестокостью...» Я тогда ей сказал: «Елена Александровна, ведь тысячи детей умирали до этого, и Вы никогда не усомнились в Боге; в чем же дело?» И она мне ответила самую, кажется, страшную вещь, которую я слышал: «Да, но это были не мои внуки, мне до них никакого дела не было!...»

Вот где острое меча, вот где перед нами ставится вопрос о том, **что** сделал Бог: Он действительно испытал Авраама последним испытанием, и Авраам вышел из него победоносно, во всем величии подлинного человеческого роста.

Я хочу сказать еще две вещи об Аврааме. Вы, наверное, помните, что характерной чертой в личности Авраама и в его отношении с Богом было то, что зовущий его голос не манит его куда-то в неизвестное, а определенно зовет в будущее. А второе: что при всех обстоятельствах он оставался верным тому, что Бог ему велел. Пример этого мы видели в рассказе о заклании Исаака, как Авраам не противопоставил одно речение Бога другому, а просто предоставил Богу решать неразрешимую для него самую проблему – и Бог ее разрешил. Из этого отношения полного доверия и совершенной уверенности в Нем – в чем и заключается вера – вырастает новое отношение между Богом и Авраамом. Конечно, Бог изначально глубоко знает и понимает Авраама, но из того, что случается, и Авраам начинает Бога понимать и знать. Он не противоречит Ему; но вместе с этим в рассказе о том, что Бог решил уничтожить Содом и Гоморру, два города, которые были преисполнены злом, Авраам обращается к Богу с мольбой о том, чтобы Он

пожалел людей. Неужели можно сказать, что у Авраама было больше сострадания к грешникам, чем у Бога? Конечно, нет. Если мы могли бы это сказать, мы должны были бы сказать, что Бог ниже Авраама в Своем нравственном облике. Нет; но дело в том, что Авраам так сроднился с Богом, так глубоко Его понял, так переживал то, что является как бы сущностью Божией: Его любовь, Его сострадательную, крестную любовь, что когда перед ним предстал суд Божий, он встал в защиту грешников – не против Бога, а как бы вместе с Богом со-переживая **ужас** их возможной гибели. Если хоть пятьдесят человек праведников будет, неужели Ты погубишь этот город? – Нет, – говорит Бог, – не погублю. – А если только тридцать? или двадцать? или десять? – Нет... Но не оказалось и десяти. Ударение я сейчас ставлю не на числе грешников, а на том, что Авраам так мог говорить с Богом, потому что он вместе с Ним со-переживал боль, острую боль о том, что эти люди не могут продолжать свое существование на земле, – не потому что они землю порочат, а потому что это их собственная гибель: лучше им не жить, чем продолжать так грешить, как они грешили.

Это может нам напомнить рассказ о потопе, о том, как Бог сказал: этим людям дальше жить нельзя, они стали плотью, духа в них больше не осталось, они сосредоточились только на земном, только на вещественном, ничего у них не осталось, что могло бы сделать их родными Мне и быть для них путем в вечность... Вот это первый пример того, как вера Авраама и его доверие к Богу так сроднили его с Богом, что он Богу говорил то, что лежало на сердце Самого Творца и Спасителя.

...Хочу сказать нечто о Моисее как о прообразе Спасителя Христа. Это тема не новая, святые Отцы об этом говорили и писали.

Моисей является освободителем, и Христос – Освободитель рода человеческого. Конечно, такая параллель еще недостаточна, но если взять рассказ из жизни Моисея и как бы перекинуть его в эпоху Христа, то мы можем видеть следующее. Еврейский народ пришел в Египет свободным. Через несколько столетий он оказался в рабстве у местных жителей, и евреи тосковали по времени, по дню, когда Бог их

выпустит на свободу, то есть даст им возможность быть самими собой, не быть порабощенными. И вот в какой-то день встал в среде этого народа Моисей, человек, который был одним из них – и вырос в какую-то новую меру своего сознания, в такую, что мог узнать Бога, как никто из его современников среди евреев не узнавал. Об этом говорит рассказ о купине неопалимой (Исх. Зи сл.). Находясь в пустыне, Моисей вдруг увидел куст, который горел и не сгорал. Когда Моисей подошел, голос сказал ему: сними обувь, потому что земля, по которой ты ходишь, священна... Она священна тем, что в сердцевине этого пространства горит куст Божественным огнем. Куст оставался кустом, и вместе с тем горел, как огонь. Это было первое откровение Моисею того, **что** представляет Собой Бог. Бог является пламенем, огнем, который все может превратить в то, что Он Сам представляет Собой. Апостол Петр много столетий спустя говорил о том, что мы призваны все стать «причастниками Божественной природы» (2Пет 1:4), все мы призваны стать как бы «купиной неопалимой», – каждый из нас в отдельности и все мы вместе. И узнав Бога таким, каким Моисей Его теперь видел: как огонь, который не поедает, а преображает свою тварь, – он вернулся к своему народу, взглянул на то, что происходило, и услышал голос Божий: выведи этот народ... И Моисей вывел еврейский народ из плена...

Почему Бог выбрал именно Моисея? Он его призвал, Он ему сказал: тебе идти, тебе выводить народ... Моисей даже сопротивлялся, говорил: я не могу, я заикаюсь, не мне идти... Он не хотел идти, он нехотя пошел на это. Почему Бог его выбрал и почему Моисей все-таки послушался?

Тут, мне кажется, очень важная черта всей истории Ветхого, Нового Завета, я бы даже сказал – всего человечества. Научные открытия, литературные произведения – это плод человеческого гения и одаренности; но решающее действие очень часто производится людьми как будто заурядными, которые ничем не отличаются, но у них горит сердце, у них непреклонная воля и они верят во что-то большее того, чем живут все окружающие. Если вы подумаете о разных преобразованиях, которые

происходили в течение всей истории человечества, то увидите, что эти преобразования совершали не обязательно гении, а люди, у которых было чистое сердце и видение.

И вот Моисей оказался таким человеком, причем у него были именно те свойства, которые как будто делали его неспособным на это: он был гугнивый, то есть заикался, он ничем особенно не выдавался. Но он встретил Бога лицом к лицу; и бросив взор на своих единоплеменников, увидел в них то, что они собой представляли: народ, призванный к свободе, к творчеству, народ, кому предначертано быть почвой, из которой родится будущее человечества. И Моисей нашел в себе – не силы, а послушливость, он отдал свою волю Богу. И когда между Богом и Моисеем шла речь о том, что он должен вывести евреев из плена, он замечательно сказал Богу: но **Ты** с нами пойдешь? если Ты с нами не пойдешь, нам идти незачем... Он знал, что речь идет не о том, чтобы высвободиться из плена и создать новую гражданскую родину, а о том, чтобы стать Божиим народом и создать такое Царство, где бы царствовал Бог, где все были бы Божиими слугами, Божиими священниками, богопочитателями. Это и делает Моисея великим.

И если опять-таки в этом отношении говорить о параллели, которую святые Отцы устанавливали между Моисеем и Спасителем, некоторое сходство есть. Спаситель земли не был царем, не был вельможей, не был властителем. Он был неизвестным Человеком из Назарета. С точки зрения людей за этим ничего не стояло. Да, Он был Богом, ставшим Человеком, но в глазах Своих современников Он был одним из них; и немудрено поэтому, что Нафанаил, когда ему сказали, что в лице Иисуса Христа ученики нашли Спасителя, Христа, Мессию, возразил: может ли что хорошее выйти из Назарета? (Ин. 1:46). Кана Галилейская, где жил Нафанаил, на расстоянии нескольких километров от Назарета. Что бы вы сказали, если бы вам кто-то заявил, что живущий на расстоянии нескольких километров молодой человек, которого вы знали чуть ли не с детства, оказывается – Сын Божий Воплощенный?..

И вот в этом некоторая параллель. Это было невозможно; выбран был такой человек, который был бы послушен Богу до

конца, а не выделялся какими-либо земными особенностями. Всякий, кто его видел, мог узнать себя в нем. Никто не мог сказать: ну да, тебе-то хорошо, ты вельможа, ты богат, ты знатен!.. Всякий мог сказать: да ведь Он один из нас, Он – как все, и посмотри, что Он нам говорит: Он нам говорит, что мы призваны быть **свободными**! За таким человеком можно пойти.

Запись цикла радиобесед. (Лондон, 27.8.1989 – 29.4.1990 гг.)

ВВЕДЕНИЕ В ЧТЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ²

(Мк.1:1–4:41)

...Можно поставить вопрос, почему я выбрал именно это Евангелие. Выбрал я его по очень личной причине. Я стал верующим, встретившись именно с этим Евангелием; и это не случайно. Если бы я взялся читать Евангелие от Матфея, которое было обращено к иудеям, верующим евреям того времени, или Евангелие от Иоанна, которое очень глубоко погружено и в философскую, и в богословскую мысль, я, вероятно, не понял бы их, когда мне было четырнадцать лет. Евангелие от Марка было написано учеником апостола Петра именно для таких молодых людей, молодых дикарей, каким я был в то время, написано для того, чтобы дать представление об учении Христа и о Его личности тем молодым людям, которым больше всего это было нужно. И поэтому я выбрал сейчас это Евангелие. Оно написано коротко, сильно и, надеюсь, дойдет до души других людей, так же как оно перевернуло мою душу и преобразило мою жизнь.

Раньше чем приступить к самому Евангелию, я хочу, во-первых, сказать кое-что о евангелисте Марке, потому что прежде чем беседовать с живым человеком, конечно, хочется узнать, кто он, что он говорит, почему его слушают; а во-вторых, сказать, как читать Евангелие и как его изучать сообща.

Евангелие от Марка является, насколько известно, самым ранним из четырех Евангелий и было, по всей вероятности, написано в Риме около 70-го г. по Р. Х. Из Посланий (к Кол. 4и к Фил. 1:24) известно, что Марк писал его для христиан из язычников. Это видно из того, что в нем мало ссылок на еврейский закон и на Ветхий Завет, зато даются пояснения о значении еврейских слов и обычаев. Слог евангелиста Марка замечательно живой и выразительный. У него, например, часто встречается выражение «тотчас» или «немедленно». Интересно заметить массу мелких деталей, сообщенных этим Евангелистом. Это ясно показывает, что Марк получал сведения из первых рук, от очевидца, по всей вероятности – от апостола

Петра. Трудно допустить, чтобы можно было сочинить такой детальный, трезвый, чистосердечный рассказ; он носит на себе печать правдивости, в чем все больше и больше убеждаешься по мере изучения его.

Хочу сказать и о том, как читать Евангелие. Очень важно, приступая к делу, знать как можно лучше, как это дело выполнить. Я сначала укажу, как его читать, по возможности, в одиночку, самостоятельно, а затем попробую указать способ дискуссий и изучения Евангелия в группе. Конечно, я буду принимать во внимание и то, что у многих людей Евангелия в руках нет, и поэтому раньше, чем давать какой бы то ни было комментарий, я буду прочитывать соответствующий отрывок из Евангелия.

Первое условие для извлечения действительной пользы от последовательного чтения Евангелия, – это, конечно, честное отношение к делу; то есть надо к нему приступить с такой же честностью и добросовестностью, с какой человек приступает к изучению какой-либо науки; без предвзятых взглядов, стараясь понять, о чем идет речь, что тут сказано, и только потом отозваться на то, что было услышано или прочитано. Необходимо поэтому приступить к чтению Евангелия непредвзято, с единственным желанием – открыть истину, понять, что там сказано. И во-вторых, относиться к этому занятию столь же серьезно и добросовестно, как должно относиться ко всякому научному делу.

Читая Евангелие так, с честностью, с открытостью, без предвзятых взглядов, мы непременно натываемся на различные места, которые по-разному отзываются в нашей душе. Некоторые места остаются непонятными, чуждыми, – мы можем их принять к сведению и пройти мимо, читать дальше, ожидая момента, когда мы дорастем до того, чтобы их лучше понять. Другие места у нас могут вызвать отказ: «я не согласен с этим, я не могу этого принять»... Надо и это принять к сведению: значит, Евангелие и я не созвучны в каком-то отношении. И наконец, будут такие места, на которые я могу отозваться всем сердцем, всей душой, от которых заволнуется все мое нутро, места, которые мне кажутся такими прекрасными, такими

значительными, о которых хочется сказать: «Боже, как это хорошо!..». Знайте, что такое место говорит о том, что вы и Бог единокровны, что, вчитываясь в это место, вы вчитались в глубины Божии, вы познали Бога Каким Он есть, вы знаете, каковы Его мысли, каковы Его чувства, каково Его отношение. Но одновременно вы обнаружили какую-то глубину в себе, о которой вы не имели никакого представления. Это глубина, в которой мы и Бог **заодно**, мы друг друга понимаем, мы друг друга любим, мы друг другу созвучны. Мы одновременно и себя открыли по-новому, и Бога начинаем знать и понимать. Вот первое условие для чтения Евангелия: готовность честно, открыто, без страха отозваться на что бы то ни было, что дойдет до нашего сознания, что зажжет нашу душу радостью, восторгом и побудит нас не только созерцать красоту, а осуществлять то, что мы обнаружили в себе, в Боге через Евангелие.

Далее, чтобы получить какую-то пользу от чтения Евангелия, нужна выдержка и последовательность. Тот, кто прочтет отрывок и решит: этот отрывок мне ничего не сказал, он до меня не дошел, стоит ли вообще читать? – никогда не дойдет ни до какого места, где зазвучат слова из сердца Божия в его собственное сердце.

Надо быть готовым, как я сказал в начале, к тому, что некоторые места окажутся нам чуждыми, некоторые заденут нас как-то болезненно, и лишь немногие дойдут до нас глубоко. Но вчитываясь в Евангелие, вдумываясь в то, что мы слышали, как бы мы ни отнеслись к этому, мы постепенно вспахиваем свою душу, готовим ее к новому пониманию. Есть место в Евангелии, где сказано, что когда сеятель бросает семя на землю, то некоторое падает на дорогу, другое – в кусты придорожные, а некоторое – на каменную почву, и наконец, некоторое – на добрую почву, способную принести плод (Мк. 4:3–9, 14–20). Каждый из нас является каждый день либо тем, либо другим, – либо каменной дорогой, либо такой почвой, которая может принять Евангелие. И поэтому если сегодня ничего не получилось из чтения, если все проходило мимо, если была рассеянность, если была неспособность глубоко вчитаться – вчитайся завтра, вчитайся послезавтра: в какой-то момент вдруг

окажется, что семя на самом деле упало, но упало в такую глубину, которая еще не позволяет тебе заметить, как прорастает травинка. Лишь спустя какое-то время ты увидишь, что то, что тебе казалось чуждым, непонятным, вдруг начинает прорасти; зеленеет луг, начинает подниматься жатва. Это первое.

Второе: надо вникать в смысл Евангелия, то есть удостовериться в том, что когда ты его читаешь, ты понимаешь то, что сказано. Если что-то непонятно, если, например, слова чуждые, устарелые, надо самому задуматься или посмотреть в словарь, или кого-то спросить, лишь бы только установить точное значение этих слов, потому что от того, насколько глубоко ты понимаешь слово, оно до тебя доходит глубоко или остается поверхностно.

И наконец, надо читать Евангелие регулярно. Лучше всего читать его утром, когда мысли еще не рассеяны. Но начинать читать Евангелие надо не просто, взяв книгу, сев и ожидая, что ты сразу откроешься ему. Надо стать перед Богом и сказать: «Господи, я сейчас буду читать Евангелие, в котором рассказывается о жизни Господа нашего, Спасителя Иисуса Христа. Каждое его слово – это слово из вечности, это Божие слово мне лично. Благослови меня, помоги мне умом открыться, сердцем быть чутким, и помоги быть бесстрашным. Потому что я непременно набреду на такие места, которые будут требовать перемены моей жизни, перемены моего отношения к людям, к себе самому, и мне будет страшно этой перемены. Помоги мне стать мужественным, дерзновенным, но и мудрым...»

И наконец, Евангелие надо, конечно, читать, не торопясь. И хорошую книгу читаешь не торопясь, и друга своего слушаешь внимательно, не ожидая, чтобы он кончил говорить и ушел. Так надо относиться и к Спасителю Христу, Который теперь стоит перед тобой и с тобой лично говорит, делится с тобой Своими мыслями, чувствами. Он тебя зовет к новой жизни, которую Он знает опытно и которая является вечной жизнью уже теперь, во времени и на земле. Читать надо неспешно; неважно, прочтешь ли ты отрывок большой или маленький, займет ли это много

времени или мало. Когда мы читаем, например, стихи или увлекающую нас книгу, как мы медленно по ней идем, как мы вслушиваемся в каждое слово, как мы слышим ритм и звучность стихов! Так надо читать Евангелие. Говорит Бог; неужели мы Ему скажем: «Говори скорее, потому что у меня другие дела»? Нет, побудь с Богом.

И раньше чем отойти, раньше чем вернуться к обычному делу, остановись, не читай больше, не думай больше ни о чем, а сядь и помолчи. Помолчи хоть пять минут, помолчи в тишине, вслушайся в ту тишину, которая заполняет твою комнату, которая уже заполняет, может быть, твой ум и душу, вслушайся, и потом встань и скажи: «Господи, благослови меня войти в новый день, который до этого никогда не существовал, который, как белоснежная равнина, лежит передо мной. Дай мне вступить в эту равнину и проложить след, который был бы не кривой и не недостойный ни меня, ни Тебя. Благослови меня; ночью я спал, как будто я был мертв, а теперь я словно воскрес и вступаю в новую жизнь...»

И сказав это, иди в жизнь.

Я уже упоминал о том, что для меня значило Евангелие, когда я его прочел впервые, и какие плоды оно принесло в моей душе. Конечно, я не оказался способным *жить* достойно Евангелия, но вдохновляться им, ликовать о нем, считать, что это самая добрая, замечательная, дивная вещь, которую я когда-либо читал в своей жизни, я могу.

Теперь я хочу перейти к тому, как читать Евангелие сообща. И первый вопрос: надо ли читать сообща? Зачем нам вместе читать то, что относится ко мне так лично? Бог же говорит мне лично... Да, но Он говорит лично и всем другим, которые в Него верят и которые читают Евангелие или слышат его. Евангелие говорит не только обо мне или для меня, но обо всех. Каждый из нас может воспринять тот же самый евангельский текст, те же самые слова – с тем же вдохновением, но с более или менее глубоким пониманием. И поэтому надо вчитываться в Евангелие в одиночку, надо вдумываться, вживаться в него, как говорил святой Феофан Затворник, **вчувствоваться** в него, надо начать жить согласно ему; но вместе с тем надо помнить, что

Евангелие дано всем и что каждый из нас, вслушиваясь, вдумываясь, вчитываясь, живя Евангелием, может его понимать с новой и новой глубиной. Поэтому очень важно, чтобы где только есть такая возможность, люди собирались маленькими группами и читали Евангелие вместе, и делились своим опытом.

Я уже сказал, что надо предварительно тот или другой отрывок самому прочесть и прочувствовать; но вместе с тем необходимо и делиться этим опытом. Делиться этим опытом не для того, чтобы обогатить свой ум, а потому что когда ты делишься тем, что является для тебя самым драгоценным, самым святым, самым животворящим, ты делаешь дело любви; а все Евангелие с начала до конца говорит о **любви**, о том, как нас любит Бог и как мы должны любить друг друга и Его. Поэтому надо собираться небольшими группами, по четыре-восемь человек, которые уже читали этот отрывок, помолиться вместе, помолчать, как бы вмолчаться в собственную тишину или в ту тишину, которую составляет совместное молчание, молчать достаточно долго, чтобы молчание в нас глубоко проникло, и потом прочесть этот отрывок – негромко, внимательно, без драматичности, трезво, зная, что мы никогда не можем слова Христовы произнести так, как **Он** их произносил, и поэтому их надо произносить сдержанно, благоговейно. После этого, помолчав немного, ждать, чтобы кто-нибудь имел что-то сказать, надо дать время каждому отозваться. Тот, кто руководит этим собранием, должен быть готов, если никто сразу не отзовется, поставить какой-нибудь вопрос. Именно – не давать ответ на те вопросы, которых он не знает, которые зародились в душах других людей, а поставить вопрос, который в **его** душе зародился. Вот, я прочел этот отрывок; я недоумеваю, как может быть, что Христос заповедует нам любить наших врагов, и при этом говорит, что мы должны быть готовы оставить самых дорогих людей для того, чтобы последовать за Ним?.. Много таких мест есть, которые будут вызывать недоумение. И затем ждать, что, может, кто-нибудь, у кого есть опыт, или кто продумал, или кто прочел нечто на эту тему, сможет отозваться и сказать: «Знаешь, я, может, не все понимаю, но вот как я понимаю этот отрывок, вот как мне его

объясняли, вот как его объясняет тот или другой духовный писатель»... И так можно вчитываться вместе в Евангелие, друг другу помогая понять, но тоже, в конечном итоге, поддерживая друг во друге решимость и готовность не только умом понимать, не только сердцем отзываться, но всей волей укрепляться в решимости жить согласно Евангелию во всем, что мне лично и нам вместе стало понятно.

Вот если так приступить к чтению Евангелия сообща, то, как говорится в псалмах, брат братом укрепляемый – как гора Сион, не подвигнется вовек. Поддержка единомысленников, поддержка друзей, поддержка людей, которые на одном с тобой пути в Царство Божие, может оказать большую помощь, и от нее не надо отказываться. Значит, стоит вчитываться в Евангелие поодиночке и с любовью делиться со всеми своим пониманием, и из этого общения черпать силы жить.

БЕСЕДА О ПРИТЧАХ

Сегодня я скажу несколько самых общих вещей о притчах.

Очень немногие притчи, будь то ветхозаветные или новозаветные, – просто иллюстрации, имеющие целью представить более живо какой-то принцип; они вовсе не подобие картинок в книжке для детей, где текст немного сложен, а благодаря иллюстрациям становится доходчив. Цель притчиная.

Притчи бывают различны, и они стремятся показать вещи с разных точек зрения. Я приведу вам несколько примеров. Есть притчи, назначение которых – быть прямым вызовом; таким вызовом, который с силой поразит человека, слушающего притчу, потому что он не защищается от содержащегося в ней обвинения. Притча такого рода – история о том, как пророк Нафан пришел к царю Давиду, который пленился женой одного из своих военачальников, поставил его в такое место битвы, где бы он был убит, и взял его жену себе в наложницы. Если бы пророк пришел и бросил ему обвинение прямо в лицо, скорее всего, Давид бы сказал: «Я – царь!» – и словно замкнулся бы в броню, чтобы защититься от этого вызова.

Вместо того Нафан рассказал ему случай; он сказал: было два человека, два соседа. Один – богач, владевший большим количеством скота и добра. Другой был беден; всего-то и была у него одна овечка, которую он лелеял, словно собственного ребенка. Однажды к богачу пришли гости; он хотел устроить им угощение, но ему стало жаль собственного скота. И он послал слуг отнять овечку у соседа, заколоть ее, и тот лишился **единственного**, чем обладал, но не только в материальном отношении: он потерял что-то, что было для него крайне ценно. Библия говорит, что эта овечка была для него, словно дочь. И царь Давид вскипел возмущением: «Скажи мне, кто этот человек, и он будет наказан!». И когда он так резко и недвусмысленно отозвался на ситуацию, которая в точности была его ситуацией, но иначе выраженной, пророк сказал ему: «**Ты** – этот человек; именно **это** ты сделал!». И тогда царя

Давида ударило в сердце, ему некуда было уйти, потому что, осудив богача, он не мог никаким образом оправдаться. В результате этого события появился псалом, который мы снова и снова повторяем за богослужением, 50-й псалом, «Помилуй мя, Боже...».

Вот один пример притчи: это подобие, это что-то, что похоже на событие, к которому относится. Но оно представлено таким образом, что тот, кто слышит, может слушать открытым умом, открытым сердцем, не замыкаясь, не обороняясь, не предпринимая ничего для того, чтобы оказаться правым и не быть раненным. Это один тип притчи, который мы встречаем то тут, то там, чаще в Ветхом Завете, чем в Новом.

Затем, есть притчи, которые **как будто** говорят об одном, на самом же деле говорят о чем-то несколько ином; так что вы обращаете внимание на то, что очевидно, и до вас доходит менее очевидное, если только вы дадите себе время поразмыслить или ваш внутренний опыт так отзовется на притчу.

Пример, который приходит мне на ум, это Притча о Страшном суде – овцы и козлища в Евангелии от Матфея (см. Мф.25:31–46). Мы постоянно думаем о ней, говорим о ней как о притче, относящейся к Суду. На самом же деле Суд только обозначен; эта притча, так сказать, лишь ставит вопрос, проблему. Потому что по сути дела там говорится: одни люди окажутся правыми, другие – неправыми, одни пойдут по одну сторону, другие – по другую. Это – юридический, так сказать, аспект; но **суть** проблемы бесконечно более важна, потому что она вот в чем: ты накормил голодного? ты одел нагого? ты принял под свой кров бездомного? ты посетил больного? ты согласился разделить унижение, позор своего друга и навестил его в тюрьме?.. И кроме того, есть в этой притче другое измерение; если задуматься на мгновение, мы видим, что ни в какой момент эта притча о Суде не обращается к нам с вопросом: А теперь скажи – во что ты верил? верил ли ты в Бога? верил ли ты во Христа? верил ли ты в то, в это? соблюдал ли ты обряды церкви или что бы то ни было? **Ни один** вопрос не ставится на этом уровне; и **вся** проблема

представлена так, я ее прочитываю так (вы, может, читаете ее иначе, но я пытаюсь поделиться с вами тем, как я сам ее читаю), вся суть в том: ты **был** человеческим? Если ты был нечеловечным, то тебе нет места в Царствии Божием. Если ты был человеческим, тогда тебе открыт путь для **дальнейших** отношений с Богом, Который сотворил этот мир, включая и тебя, и Который согласился в Свою очередь стать человеком, стать одним из нас и дать нам пример, как жить, с какими чувствами жить и каким быть.

Затем, есть притчи, которые делают явным другой аспект вопросов, вещей, созревающих внутри нас и еще не ставших вполне ясными, – вопросы эти еще не всплыли на поверхность. Эти притчи заставляют нас увидеть другое измерение вещей. Я сейчас имею в виду притчу о семени и сеятеле. Во-первых, это очень ясная картина. Вы помните рассказ: сеятель вышел сеять, и одно семя упало на камень, другое в тернии, что-то попало на дорогу, что-то на добрую почву. Само по себе всё тут ясно, это ясный вызов, и вызов вот в чем: ты – кто? Или вернее: я – кто?.. И мы даже не можем сказать: я – та или другая почва; единственное, что мы можем сказать: **сегодня** я каменный, **сегодня"** я восприимчив, **сегодня** все тернии во мне не дают взойти чему бы то ни было... И я помню, как отец Александр Туринцев, старый священник в Париже, как-то сказал мне: в этом-то и смысл ежедневного чтения Евангелия. Сегодня я каменный, сегодня я – словно утоптанная дорога, а завтра я, быть может, окажусь плодородной почвой. А раз так, то если я стану ждать, пока окажусь плодородной почвой, я могу и упустить момент. Потому что только тогда, когда семя брошено, мы видим, куда оно упало. И тогда можно также ставить себе дальнейшие вопросы: что значит быть каменной почвой? что значит быть придорожной полосой, где все ходят и затапывают семя? какие тернии удушают семя?.. Вот еще один шаг вперед в том, как можно рассматривать эту притчу.

Но когда Христос произнес эту притчу, Апостолы ничего не поняли; они так и спросили: «А что это значит?». И это случается с нами всё время не в отношении евангельских притч, потому что их мы читали, нам их разъяснили, но во множестве

случаев, когда **ЖИЗНЬ** состоит из притч, из ситуаций, которые – вызов для нас, а мы даже не замечаем этого; или вызов брошен нам на одном уровне, а если мы внимательны, то начинаем обнаруживать новый уровень, новую глубину. Вот вам и другой пример.

Вероятно, существуют и другие подходы к притчам. Я всего лишь хотел указать некоторые типы ситуаций; но само слово **parabolh** «притча» по-гречески означает «сравнение», но такое сравнение, которое богаче простой иллюстрации, сравнение, которое охватывает более широкую область, чем просто иллюстрация. Я не собираюсь углубляться в очень сложные предметы, но слово «притча», **parabolh** и геометрическое понятие «парабола» – одно. Я не собираюсь говорить о математическом аспекте, потому что это выше моих возможностей, возможно, и ваших. Парабола в пространстве – это причудливая фигура, созданная пересечением конуса какой-либо секущей плоскостью. Это не совсем просто понять; но подумайте, что случается с колесом, хрупким металлическим ободом: оно круглое, имеет центр, у вас целое колесо. Если вы станете сжимать его с двух сторон, оно превратится в овал, оба конца которого – полукруги, каждый со своим центром, у колеса появилось два центра, так что когда вы смотрите на один из них, другого для вас **нет**. И если продолжать сжимать – я прошу прощения, что представляю вещи гораздо сложнее, чем говорит о них Евангелие, – случится то, что ваше колесо сломается вот так, обе половины вытянуты и заканчиваются полукругом. Но здесь представляет интерес – и это же относится к параболе, о которой я упомянул, – то, что в какой-то момент есть центр полукруга, но вдоль прямой, уходящей в бесконечность, следуя этой прямой, можно обнаружить другое место, и еще другое, и еще, и еще, где **был** другой полукруг – и исчез.

Именно это и происходит с притчей: вам предлагается что-то совершенно ясное: рассказ о дрожжах, рассказ о последнем Суде или еще о чем-то. И можно сосредоточить всё свое внимание на этом и сказать: А, теперь мне всё понятно!.. А затем, по мере того как вы всё ближе знакомитесь с рассказом, вы обнаруживаете в нем самые разнообразные значения,

которых нельзя обнаружить простым умственным упражнением, – всякий раз это требует новой зрелости, вы отходите от очевидного, бросающегося в глаза центра и следуете линии, которая в конечном итоге уносит вас в бесконечность Божию. Вот этим-то чрезвычайно интересны притчи Ветхого и Нового Завета, а также все притчи, которые можно прочесть в древней письменности или в восточных литературах: это рассказ, который сам по себе – всего лишь начало; это центр притяжения, с которым связано что-то другое, это отправная точка. И если оттолкнуться от этой точки и расти духовно, умственно, возрастая опытом, то открываются новые пути.

Но вот что меня очень поражает: очень и очень многие Евангельские притчи заимствуют свою тему из природы. Вы, конечно, помните семя и сеятеля, вы помните лилии и т. д. И мне кажется, что это не случайно, будто Христу было просто удобно говорить о том или другом, потому что эти предметы были прямо тут, на глазах. Я думаю, что между Богом и тварным миром существует такая взаимосвязь, которая позволяет любой видимой вещи указывать на невидимое. Всё видимое, всё материальное имеет глубину; так можно думать на основании того, что Бог создал всё, каждую вещь актом любви, и создал ее такой, что она продолжает иметь с Ним связь; она – не просто «предмет», который Бог сотворил и пустил в историю. Этот предмет имеет связь с Богом; и мы можем видеть это, потому что все чудеса евангельские свидетельствуют о том, что материальный мир может слышать Его голос и отзываться.

Возьмите, например, все чудесные исцеления, которые мы находим в Евангелии. Причина болезни, причина, почему что-то не в порядке – сам человек, а его больное тело – жертва. И Бог обращается, разумеется, к человеку, потому что, чтобы отношения снова стали гармоничными, перемениться должен человек; но Он обращается со словом и к тому, что мы очень часто рассматриваем лишь как инертную природу.

Возьмите, например, те несколько случаев, когда Христос повелевает ветру и морю, когда приказывает лихорадке оставить тещу петрову, приказывает болезни уйти. На основании этого мы можем признать, что между Богом и всем сотворенным

есть связь, что творческое слово, которое прозвучало когда-то и вызвало всё к бытию, продолжает звучать, и всё, что создал Бог, сохраняет способность слышать и понимать, и внимать Ему. Это становится еще более явно, проявляется с такой силой, если подумать о Воплощении. Бог воспринял человеческую природу; но это же означает, что Он принял на Себя, соединил со Своим Божеством **материальность** этого мира, потому что все мы состоим из тех же атомов и частиц и всего, что тварно. И Христос, став человеком, **сроднился** как с самой великой галактикой, так и с малейшим атомом и со всеми нами в нашей материальности.

И значит, когда Христос говорит конкретными приточными образами, это не **образы**; Он говорит нам: «Взгляни на мир, который Я создал: он связан со Мной такой связью, которой ты уже не чувствуешь; ты ее больше не видишь, ты ее не воспринимаешь больше; а между тем мир находится в такой связи со Мной, что способен слышать Мое слово, отзываться на него». И чудо, в отличие от волшебства, не есть акт насилия – это акт высвобождения природы или человека, или тела, которое подпало под рабство зла, – и теперь становится **свободным**.

Так что и это – установление нового взаимоотношения между Богом и сотворенным Им миром. И в этом смысле всё для нас может стать притчей, если мы сумеем так смотреть, так всматриваться в вещи. Но многое закрывает от нас такое видение, и главное – наша сосредоточенность на самих себе; главное, что в центре – мы; и нам крайне редко удастся оторваться от себя, от самосозерцания, от озабоченности собой и взглянуть вокруг себя объективно, другими словами, посмотреть на окружающее нас так, будто оно не имеет к нам никакого отношения, не представляет для нас ни опасности, ни проблемы.

Я вам дам пример, вероятно, очень примитивный – но тем не менее: вы идете в зоопарк, стоите перед клеткой и смотрите на тигра. Вы видите, как он лежит, встает, ходит, рычит, и говорите: «Какой великолепный зверь!». И вдруг вы случайно обнаруживаете, что сторож забыл хорошенько запереть дверцу

клетки, что тигр распахнул ее, уже находится снаружи, с вашей стороны решетки... Он уже не «великолепен», он «ужасен», потому что в этот момент вы не любуетесь его красотой, а охвачены ужасом: он может напасть на вас, ранить, растерзать, убить. Что произошло? Произошло то, что в первом случае вы с самого начала смотрите на тигра отстраненно; когда он оказался снаружи, вы видите только себя самого.

Разумеется, такое не часто случается с нами; но это может случиться, когда на нас бросается большой пес или даже маленькая собачонка. Сначала наша реакция: «Ах, какая прелесть!»; но в тот момент, как она покажет клыки, это уже не «милый песик». Всё это очень важно, потому что, чтобы выражаться притчами, как говорил Христос, надо иметь глубокую близость, глубинное общение с тем, о чем вы говорите, с проблемами, но и с тем, что выбираете предметом притчи, и вы должны быть отрешенными в том смысле, чтобы ощущать себя свободными, не связанными и способными взглянуть на предмет сам по себе.

Я уже сотни раз давал в приходе пример, но боюсь, что дам его еще раз – в надежде, что многие из вас его не слышали, некоторые – забыли, а те, кто помнит, могут пока вздремнуть.

В одной из книг Чарльза Уильямса³ есть рассказ о женщине по имени Лестер. Эту молодую женщину убило при авиакатастрофе; самолет упал, все погибли, тела ее нет, а душа находится на месте гибели: на Вестминстерском мосту. Эта Лестер была до конца и совершенно эгоцентрична и эгоистична; она никогда ничего не замечала из того, что не касалось, не затрагивало ее лично, так что весь окружающий мир никогда для нее не существовал. И вот, она стоит на мосту, мимо проходят толпы людей, и она **никого** не видит. День сменяется ночью, проходит и ночь – всё что она видит, это дома и пятна в них, то яркие, то темные, и это ничего не означает для нее, потому что ну никак ее не касается. Пока вдруг мимо не проходит ее муж, и его она видит. Не потому что была так уж особенно привязана к нему; но хоть как-то связана с ним, она им обладала, она пользовалась всем, что он мог ей дать. Он был частью ее жизни, и поэтому она может его видеть, он

существует. И с этого момента она начинает что-то открывать, начав с мужа и дальше к тому, что она еще знала. В какой-то момент она оказывается уже не на мосту, а на берегу Темзы, и смотрит на реку. Когда у нее было тело, она с ужасом отшатывалась от этой реки, потому что видела ее жирные воды, отяжелевшие отбросами, и ее реакция была: Боже мой! Какой ужас, если бы пришлось этой воды напиться! Как отвратительно было бы в эти воды погрузиться!.. Но теперь у нее нет тела, и у нее нет этой физической реакции на эти воды; она видит их такими, какие они есть: именно таковы должны быть воды реки, протекающей через большой город и уносящей всё, что город сбрасывает в реку на ее пути к морю. Она видит эти воды как таковые. И потому что она принимает их такими, она начинает сквозь слои густоты видеть дальнейшие слои меньшей густоты, большей прозрачности. Она видит этот поверхностный загрязненный слой, затем ниже – еще большую прозрачность, глубже – большую чистоту, дальше и дальше. Так что, переходя от одного слоя к следующему, она обнаруживает, что сердцевина реки состоит из воды, не из отбросов, грязи; там – вода! И вглядываясь еще глубже, она видит совершенно особенную воду; и в сердцевине этой воды, которая стала частью человеческой истории, так сказать, человеческой жизни, видит воду первозданную, сотворенную Богом воду, совершенно чистую, прозрачную; и в самой сердцевине этой воды сверкающий поток, – это та самая вода, которую Христос дал самарянке. Почему она это видит? Потому что в этот момент она совершенно отрешена от себя; у нее нет физического тела, которое мешало ей видеть эти воды, как они есть, а не такими, каковы они по отношению к ней.

Вот одна из причин, почему так часто истина, предстающая нам как таковая, абстрактно, не достигает до нас; притча же доходит до нас в той степени, в какой мы способны воспринять ее. Иногда притчу надо пояснить: апостолы **ничего** не поняли в притче о семени и сеятеле, а им надо было понять, необходимо было понять.

А порой – вы, вероятно, помните, как Христос обращался к толпе. Он шел, Его окружала толпа, и Он говорил с учениками,

потом кто-то из толпы задавал вопрос, и Он отвечал; и что случилось? Представим себе небольшую толпу – вроде нас сейчас, и Христос говорит с учениками о вещах, которые **на грани** их понимания, но Он сеет семена, которые принесут плод после Его смерти и воскресения, когда ученики поймут всё, что стоит за словами. А затем вдруг кто-то, женщина, мужчина, выступает вперед и ставит вопрос, и Христос прерывает Свою беседу с учениками и отвечает на вопрос. А что делает толпа? Нам ничего об этом не говорится, но так легко себе представить, что в этой толпе есть мужчины, женщины, у которых этот вопрос еще не сформулировался достаточно ясно, чтобы поставить его, но уже где-то созревает, он уже принимает некие очертания, хотя человек еще не способен выразить его словами; и вот кто-то задал вопрос: это же **мой** вопрос!.. И они слушают. Но есть и другие люди, у которых **никогда** не возникало подобного вопроса; они, вероятно, переглядывались и говорили: О чем это они говорят? Один глупец задал нелепый вопрос, а Этот тратит время на ответ! Что это с ними?..

Так вот, что-то подобное происходит с нами, когда мы читаем Евангелие; такие случаи встречаются и в житиях святых. Иногда в житии мы видим, как святого окружают люди, и святой совершает непонятный поступок. Я сейчас думаю о святом Амвросии Оптинском. Он беседовал с группой просвещенных людей, которые ставили ему вопросы о духовной жизни; и вдруг он оставил их, бросился в толпу, вытащил из толпы убого одетую старую крестьянку, посадил ее рядом с собой на пенек и стал обсуждать с ней, как следует кормить индюшек. Когда он кончил, она поблагодарила и отошла, и те духовные люди сказали: «В чем дело? Мы не понимаем тебя! Ты беседовал с нами о духовных предметах, и всё оставил, чтобы говорить с ней об индюшках, о том, как их кормить...». И он ответил: «Да, потому что духовная беседа для вас – роскошь, а для нее эти индюшки – вопрос жизни и смерти. Ее нанял пасти индюшек богатый крестьянин, индюшки у нее мрут, и хозяин сказал, что если мор не прекратится, он ее прогонит. А для нее это означает остаться без крова и умереть с голода. Так что для нее

совет о том, как кормить индюшек, важнее, чем для вас знать, как святые лицезрели Бога».

Так что видите, данный случай по той же линии: есть кто-то, для кого вопрос реален, и к этому человеку притча обращена на самых разных уровнях; на самом очевидном, на котором представлен образ, но также на самом глубоком уровне, какой только доступен ему. И потом в какой-то момент понимание кончается, образ исчерпал свое содержание; человек должен сначала созреть и измениться, чтобы он смог сделать следующий шаг и открыть для себя новый уровень – подобно Лестер, которая открыла, обнаружила, быть может, пять, шесть, десять слоев, пока не дошла до сверкающего потока воды живой, воды жизни вечной.

Вот, пожалуй, всё, что я могу сказать вам о притчах. Не знаю, пригодится ли вам что-либо из сказанного; и если у вас есть вопросы, я могу попробовать ответить на них.

(Вопрос) «Имеющий уши да слышит...»: как Вы думаете, Христос в каком-то смысле не хотел, чтобы люди понимали?..

Нет, я думаю, Он хотел, чтобы они понимали то, к пониманию чего уже созрели. Одна из проблем, с которой мы сталкиваемся в жизни, возникает из-за того, что мы сталкиваемся с вещами, которые превосходят нас, а нам кажется, что мы их понимаем, потому что головой – да, понимаем. Но они остаются совершенно бесплодными в нас, и из-за того, что мы думаем, будто поняли их, мы никогда не переходим в реальность из мира фантазии. Христос предлагал Свое учение и Свои притчи так, чтобы каждый человек мог понять их на уровне собственной зрелости. Он не предлагал интеллектуальных построений, которые могут быть поняты только умственно и отложены в уме, в памяти как интересный материал.

Я помню, очень давно один из моих воспитанников спросил меня в летнем лагере, что ему читать о духовной жизни. И я ответил: «Читай Добротолубие!». В каком-то смысле это был самоочевидный ответ, это очень практично, в нем всё есть. Я упомянул об этом при одном старом священнике, отце Сергии Четверикове, и он мне сказал: «**Никогда** не говори так!». – Я

удивился: «Что вы имеете в виду? Я посоветовал читать самую лучшую книгу, какая только есть!». – И он ответил: «Да! У него возникнет иллюзия, будто умом он всё понял; в лучшем случае он станет, словно обезьяна, подражать примерам, которые вычитает там. Он станет прошколенной обезьяной, он никогда не поймет самую суть вещей, но то, что он прочитает о них не вовремя, станет помехой, не даст ему прочесть и понять эти вещи, когда он достаточно созреет для них».

Я думаю, «имеющий уши слышать да слышит» подразумевает вот это. Христос не старается навязать умственное понимание; Он дает образ, и вы воспринимаете из него столько, сколько способны воспринять. И потому что вы восприняли его всем своим нутром, всем своим опытом жизни, всей чуткостью своего сердца, всей своей способностью понимать и себя, и всех и вся, вы сможете применить его. Я так понимаю эти слова; может быть, я ошибаюсь, я не утверждаю, что прав, но вот как я это чувствую. Потому что если сказать некоторые вещи слишком рано, это ничего не даст.

(Вопрос о десяти девах со светильниками)

Это трудная притча, потому что в каком-то смысле, если мы честны и не слишком благочестивы, то у нас большую симпатию вызывают несчастные неразумные девы, которых выгнали вон, а не «мудрые» девы, которые отказались поделиться с первыми елеем для светильников.

Мне кажется, суть ее в том, что если вы идете навстречу Господу, внутри у вас должно быть горячее, которое поддержит пламя; если внутри у вас ничего нет, кроме порыва «я хочу встретить Его», если кроме этого вы абсолютно пусты, без содержания, поделиться с вами елеем невозможно. Невозможно в один миг передать человеку зрелость. Но я не смею утверждать, что правильно понимаю эту притчу, меня всегда несколько отталкивали «мудрые» девы...

Лондон, 18 ноября 1993 г. Пер. с англ.

ПЕРВЫЕ ПРОШЕНИЯ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

Молитву Господню, *Отче наш*, мы произносим ежедневно; на службах она повторяется неоднократно. И некоторые люди находят, что она очень проста, несложна, и произносят ее как нечто естественное и простое; а некоторые (в их числе и я) находят эту молитву одной из самых трудных молитв нашего православного и общехристианского обихода. Она трудна тем, что это единственная молитва, которую нам дал Господь Иисус Христос; в сущности, кроме Него, никто не может сказать ее полностью, всем своим существом. Это молитва сыновства – полного, совершенного, неограниченного сыновства. Вместе с этим она нам предложена, потому что мы, как говорит апостол Павел, делаемся сынами Божиими, бываем приняты Богом; мы призваны постепенно вырасти в полную меру того сыновства, которое мы видим осуществленным и прославленным во Христе.

И вот мне хочется сегодня продумать с вами вновь основные положения этой молитвы.

Как мне кажется, начало этой молитвы: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли» – может произнести всем сердцем, всем умом, всем существом, всей жизнью и всей смертью только Господь Иисус Христос. Все мы, когда произносим эти слова, молим Бога о том, чтобы это случилось; Христос в Своем воплощении, Сын Божий, ставший Сыном человеческим, не только молился, чтобы это случилось, но всем Своим бытием это осуществлял. Мы призваны к этому же, но расстояние между мечтой и делом, между желанием и осуществлением, между тем, что мы собой представляем, и тем, к чему мы призваны, очень велико. И давайте подумаем, что значат различные слова, различные предложения этой молитвы.

Мы начинаем эту молитву словами "Отче наш"; мы дерзаем называть Небесного Бога Отцом. И когда я говорю «дерзаем», я только повторяю те слова, которые мы произносим в литургии

перед этой молитвой. Мы просим Бога, чтобы Он нам дал неосужденно со дерзновением произнести эту молитву. Потому что, опять-таки, назвать Бога Отцом в полном смысле этого слова может только Тот, Который является для Него подлинно, истинно Сыном; не пасынком, не блудным сыном, а Сыном в полном смысле этого слова, таким Сыном, о Котором Христос говорит: «Кто видел Меня, видел Отца;» (Ин. 14:9) о Котором святитель Василий Великий говорит, что Он – Христос – является как бы печатью, раскрытием перед нами Самого Бога непостижимого, является ликом невидимого Бога.

И когда мы говорим "Отче наш", мы должны бы отдавать себе отчет в том, что можем называть Его Отцом, лишь поскольку соединены с Единородным Его Сыном, ставшим Сыном человеческим. Мы только потому можем называть Бога Отцом, что Сына Его мы приняли как своего Бога, как своего Спасителя, как своего Учителя; и одновременно путь, которым идет Христос, приняли как свой собственный путь: решились в жизни быть как бы Его живым присутствием. Но в полном смысле мы этого сказать не можем, потому что мы грешны, потому что сознание в нас двоится, потому что воля наша колеблется, потому что наше желание направлено и на добро и на зло. Апостол Павел об этом дважды признается в своих Посланиях. Он говорит, что чувствует в себе два закона: закон жизни и закон смерти; что в нем воюют как бы две силы; что то добро, которого он хочет, он не творит, а зло, которое ненавидит, творит все время. Если он это говорил, то, конечно, мы должны это сознавать и признавать еще в большей мере.

Как, в таком случае, можем мы обратиться к Богу и назвать Его Отцом? Только, мне кажется, если признаем себя блудными детьми, если признаем, что мы – блудные сыновья и дочери, но взываем к Нему из далекой страны, где мы заблудились, или с полпути в отчий дом, или, может быть, у самых врат этого дома.

Вы, наверное, все хорошо помните, как блудный сын из притчи (Лк. 15:11–32), полный молодой, дерзновенной, неразумной силы, обратился к своему отцу и сказал ему: «Отец! Отдели мне сейчас то, что мне достанется после твоей смерти...». Он, вероятно, сказал это гораздо более резко или,

во всяком случае, подумал гораздо более жестоко: не ждать же мне, пока умрет отец! Он еще полон силы; он, правда, немолод, годы идут – но и мои годы идут! К тому времени, когда он умрет, во мне остынет жизненная сила, погаснут желания, голод по такой жизни, какой в отчем доме я не могу испытать. Сговориться бы с отцом, что он умер для меня, что его для меня больше нет. И пусть он мне даст то, что собрал трудом, всей своей жизнью, чтобы брат и я унаследовали богатство. Он мне не нужен; мне нужны только плоды его трудов... И отец его наделил этим богатством, отдал его долю.

Не в том же ли мы положении? Мы от Бога принимаем все: бытие нам дано, жизнь нам дана; познание Бога нам дано; все то, что мы собой представляем, нам дано: и тело, и ум, и сердце, и воля, и родные, и обстоятельства, и друзья, и красота мира – все, что наше, является ничем иным, как даром Божественной любви или человеческой любви, которая изливается на нас. И мы все это принимаем; порой даже благодарим: на одно мгновение останавливаемся вниманием и говорим Богу: «Благодарю Тебя, Господи!» или человеку: «Спасибо тебе за любовь, за дружбу, за то, что ты для меня сделал...». А потом все, что нам дано и Богом, и людьми, берем и уносим с собой.

Как бы мы ни старались, мы все время находимся на положении блудного сына. Поскольку в нас есть раздвоенность, пока мы не цельны, пока мы не всецело как бы вкраплены в Божественную жизнь, пока она не бьет в нас ключом, исключая всякую другую жизнь – мы на положении блудного сына или блудной дочери. И говоря Богу нашему, Творцу, Промыслителю, Спасителю, Жизни нашей: Отче! – мы должны отдавать себе отчет, что еще не выросли в ту меру, изнутри которой Христос называл Бога Своим Отцом – и нашим Отцом (ведь в Евангелии от Иоанна Он говорит: «Иду к Отцу Моему и Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему»).

Где же мы находимся? В тот момент, когда мы обращаемся к Богу и называем Его Отцом – где мы? Не мы ли только что вырвали у Него Его достояние, чтобы уйти и прожить его согласно нашей злой или безумной воле? Или мы уже

опомнились? Правда, мы, может быть, еще находимся в далекой стране, далеко-далеко от Бога; так далеко, что только минутами воскресает в нас воспоминание о том, Кто Такой наш Бог, наш Отец, где родной дом – в глубинах моей души и там, где меня так любят. А может быть, мы уже опомнились глубже и не только плачем о своем сиротстве, о своей обездоленности, о своей бедности, но уже вспомнили, что у нас есть Отец... Это парадокс: как это может быть? Это возможно только потому, что Он нас любит никогда не колеблющейся любовью, и ничто не может нас вырвать из любви Господней. Потому что когда мы доходим до предела падения, Бог, Сыном Своим, приходит в мир жить, учить и умирать за нас нашей смертью. Значит, действительно, как бы низко мы ни пали, мы можем сказать: «Отец!» – потому что Отец у нас есть...

Или мы, может быть, уже на пути? Может быть, мы уже отвергли свое одиночество, свою обезбоженность, свое бесславие и уже начали идти к Богу – возможно, еще нерешительными, испуганными стопами, неуверенно: а вдруг нас не примет Отец? – но все-таки идем и готовим нашу исповедь: Отче! я согрешил против неба и перед Тобой... Я согрешил перед Божественной правдой и перед человеческим чувством, перед любовью. Я недостойн называться Твоим сыном или Твоей дочерью; может, найдется мне уголок в Твоем доме там, где живут слуги, рабы, там, куда простирается Твоя забота и любовь, даже если это не Твои кровные сыновья и дочери?..

А может быть, мы уже видим, как у дверей родного дома – рая – стоит Отец, как Он уже нас увидел, уже движется к нам, спешит Своей старческой поступью, чтобы нас обнять, утешить о том, как мы согрешили, как мы себя унизили, до чего мы себя довели, как мы недостойны себя самих, не говоря о Нем, о Боге, о призвании нашем... С любого места мы можем начать: "Отче"...

И вместе с этим Господь нас призывает не называть Бога «своим» Отцом, как бы присваивать Его отцовство только себе. В притче о блудном сыне было два брата. В жизни мы не одиноки; в жизни мы окружены подобными нам дочерьми и

сыновьями Божиими, такими же блудными, потерянными, растерянными, такими же ищущими, одинокими. И когда мы обращаемся к Богу, называя Его Отцом, мы должны включить в свое обращение всех тех, которые так же, как мы, нуждаются в Его отцовстве. В тот момент, когда мы Его признаём своим Отцом, а других исключаем, мы перестаем быть Его детьми более трагично, чем когда мы грешим против Него, потому что, отвергая Его любовь к другим, мы отвергаем Его Самого и любовь Его.

Поэтому в тот момент, когда мы говорим "Отче наш!" – в нас должен подниматься голос всех тех, кто, подобно нам, изменник, подобно нам – пал, подобно нам – ушел из отчего дома в страну далекую, и кто, может быть, еще не понимает бедственности своего положения, может быть, еще нуждается в том, чтобы горе его пробудило, чтобы в нем воскресло воспоминание иного времени и он смог бы тоже двинуться в путь. И это является как бы коренным, абсолютно необходимым условием, потому что Царство Божие – это Царство взаимной любви. Нам не может быть места в Божием Царстве, если в нас остается безразличие, холодность, отсутствие любви или, тем более, отвержение другого. И в момент, когда мы называем Бога – Отцом, мы должны усилием веры, усилием воли, усилием всего своего существа признать, что все мы – братья и сестры. Да, есть братья близкие и сестры близкие, есть и далекие. В начале книги Бытия мы видим, что одного брата звали Авелем, а другого – Каином; да, но не нам судить. Каин убил Авеля, но Авель не противился... И в течение всей истории нашей христианской веры у всякой жертвы, у всякого мученика была власть прощать именем Божиим. Как Христос сказал: «Прости им, Отче, они не знают, что творят»... (Лк. 23:34).

Вот начало, два первые слова, с которыми мы приступаем к нашему Богу и Отцу. И то, что мы будем говорить дальше об имени Божием, о Царстве Божием, о воле Божией, имеет настоящий смысл, только если мы взываем изнутри хотя бы зачаточного сыновства, хотя бы стремясь соединить свою волю с волей Спасителя Христа, свои мысли и чувства с мыслями и чувствами Христа, Сына Божия, ставшего Сыном человеческим.

«Да святится имя Твое»: пусть Твое имя, Господи, будет предметом поклонения, пусть это имя будет святыней в сердцах, в мыслях, на устах людей; пусть Твое имя, как пламя, зажигает человеческие души и превращает каждого человека во всем его существе – духом, душой и телом – как бы в купину неопалимую, которая горит Божественным огнем, сияет Божеством и остается несгораемой, потому что Бог не питается веществом, которое Он претворяет в Божественную жизнь.

Почему же мы говорим об имени, а не о Боге? Потому что имя – единственное, что нам доступно. В еврейской древности считалось, что имя и тот, кого оно отображает, тождественны: знать имя означало понять самое существо данной твари или, сколько возможно, и Творца. В Ветхом Завете имя Божие не произносилось; оно обозначалось письменно четырьмя буквами, которые мы переводим для удобства как Иегова, Ягве, но прочесть их, произнести их мог только ветхозаветный Первосвященник, который знал тайну этого имени. И Маймонид, еврейский богослов XII века в Испании, писал, что когда собирался народ в иерусалимском храме, когда пели Богу и молились Ему, Первосвященник перегибался через край своего балкона и тихо, неслышно ни для кого, кроме Бога, произносил это священное имя, которое, словно кровь, вливалось в эти молитвы, давало им жизнь, как кровь дает жизнь живому организму, и возносило эти молитвы до Престола Божия. Имя считалось чем-то настолько святым, что его нельзя было произнести. Мы знаем, что и в некоторых сибирских племенах Бог не имел имени. Когда они хотели Его обозначить в своей речи, они лишь поднимали руку к небу, указывая, что это Тот, имя Которого нельзя произнести и Который превыше всего.

Имя действительно может слиться с существом: не то имя, которое мы знаем друг за другом, клички, а какое-то более глубинное имя. В книге Откровения говорится, что Бог даст каждому из нас белый камень, где написано имя, которое будет знать только Он и тот, кто его получает (Откр 2:17). Этим обозначается неповторимость нашего отношения с Богом, неповторимость той связи, которая есть у каждого из нас с Богом. Мы для Него единственны и неповторимы; у каждого из

нас в премудрости Божественных глубин есть имя, – может быть, то самое слово, которое Бог произнес, когда любовью нас вызвал к бытию, и которое откроется перед нами как эта наша единственность и неповторимость в Его глазах, в Его сердце.

Имя имеет еще одно, более практическое значение. Имя – это единственный способ обозначить предмет, зверя, человека, даже Бога. И как бережно мы относимся к имени тех людей, которых мы любим, которых почитаем! Никто из нас не позволит, чтобы кто-нибудь шуточно или унизительно, грязно произнес имя любимого, почитаемого нами человека. Это нас взорвет, возмутит, мы этого не допустим! А вместе с этим как легко мы допускаем в своей речи легкомысленное, пустое, а порой даже кощунственное употребление имени Божия. Как легко мы восклицаем Его имя, и как нечутки мы к тому, что порой вокруг нас Его имя употребляется шуточно или унизительно.

Вот о чем мы молим: о том, чтобы мы сумели так воспринять наше сыновство, так переживали бы себя дочерьми и сыновьями Божиими, чтобы нам было невыносимо употребление Божиего имени иначе, как с благоговением, молитвенно, трепетно. Так можем мы молиться, так можем мы думать о Боге; и лишь поскольку мы вырастаем в такую меру отношения к Самому Богу, отношения к Его имени, к святости и святине этого имени, мы вырастаем постепенно и порой с трудом в какую-то меру нашего сыновства. «Да святится имя Твое!» Пусть Твое имя будет святыней неприкосновенной, недостижимой, святыней, перед которой можно только поклониться. Это имя зажигает в нас благоговение, трепет, любовь, радость, покаяние; имя, которое нас связывает с Богом той единственностью и неповторимостью взаимности, когда перед нами открывается Он, и мы познаем Его так, как, по обетованию апостола Павла, сами Им познаны.

Следующие прошения Молитвы Господней: «Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя». Опять-таки, мы часто думаем, что молитва заключается в том, чтобы чего-то просить у Бога с верой, и Господь по нашей вере, даже малой (ведь Спаситель сказал, что имея веру хоть в горчичное зерно, можно сотворить чудо), исполнит наше прошение. Но мы забываем,

что наше призвание – совершить то, о чем мы просим, то есть быть делателями того, о чем просим. И когда мы говорим Господу: «Да придет Царствие Твое», – это не значит: «Приди как Царь, воцарись, победи, установи Царство любви и правды». Силой этого нельзя сделать, даже Богу это невозможно, потому что Царство Божие – это Царство универсальной, всецелой любви. Преподобный Максим Исповедник говорит, что Бог все может, кроме одного: Он не может заставить человека полюбить Его. Любовь зависит от совершенной свободы; любовь – это такое соотношение, когда ты всего себя отдаешь и всего другого воспринимаешь. И это не может быть сделано каким бы то ни было насилием. Поэтому когда мы молимся о том, чтобы пришло Царство Божие, мы не только просим, чтобы Господь нам дал силу и благодать, и мудрость, и способность, и случай установить Царство; мы также говорим, что берем на себя ответственность, что сами будем трудиться в этом направлении.

Тут нам надо помнить, что Царство Божие, о котором мы молимся, – не просто человеческое общество, ставшее гармоничным, общество, где нет вражды, войн, нужды. Царство Божие – нечто гораздо большее. Строительство общества, где все могли бы уживаться, можно себе представить; но тот Град Божий, который должен вырасти из града человеческого, имеет совсем другое измерение. Град человеческий, который мог бы раскрыться так, чтобы стать Градом Божиим, должен быть таков, чтобы Первым его Гражданином мог быть Сын Божий, ставший Сыном человеческим – Иисус Христос. Никакой человеческий град, никакое человеческое общество, где Богу тесно, не может быть Градом Божиим. И когда мы молимся, чтобы пришло Божие Царство, мы имеем в виду именно это; не то, чтобы водворилась какая-то человеческая гармония, а чтобы в мир вошла Божественная гармония, такая же широкая, бездонная, как Сам Бог, чтобы в этой гармонии было место Богу.

И еще – мы берем на себя ответственность за это строительство. Христос говорит, что Царство Божие начинается внутри нас. Оно начинается тогда, когда мы Бога водворяем в своей жизни как Царя, когда Он правит всей нашей жизнью,

когда наши мысли, наши чувства, наша воля, наше действие – все делается Божиим, будто Бог живет в нас, и мы действуем Его силой. Как это выражает апостол Павел: «Уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20); и в другом месте передает сказанное ему Христом: «Довольно тебе Моей благодати... Сила Моя в немощи совершается» (2Кор. 12:9). А «совершается» по-славянски не значит просто «действует», но «доходит до совершенства», «раскрывается в полноте».

Но о какой немощи идет речь? На какую немощь можем мы рассчитывать, какой немощи надо искать? Я повторяю то, что говорил много раз, но может быть, это и не вредно. Конечно, речь не о немощи нашей слабости, нашей лени, нашей беспечности, нашего нежелания совершить подвиг. Это другая немощь: немощь прозрачности, немощь утонченности, через которую, в которой может действовать Бог. Я как-то детям старался это объяснить и говорил, что это немощь перчатки, которую хирург надевает на руку; перчатка потому только позволяет этой опытной, мудрой руке совершать чудо исцеления, что она такая тонкая, такая хрупкая, что не чувствуется на руке. Но она такая хрупкая, что может разорваться в одно мгновение. То же можно сказать о парусе на лодке: это самая хрупкая часть лодки, а вместе с тем только парус, направленный, как следует, может позволить ветру пронести корабль через море и довести до пристани.

Вот о какой немощи говорит Господь: об этой хрупкости, которая позволяет Богу свободно действовать, или о той прозрачности, которая позволяет Богу литься через нас, как свет проходит через стекло.

К этому мы должны стремиться, и это – наш подвиг, потому что от нас будет зависеть, в какой мере мы себя отдаем Богу, в какой мере мы готовы не рассчитывать на свои силы, а только на помощь Божию. Это было бы очень легко, если бы мы понимали, что совершить наше человеческое призвание мы можем только Божией силой. В плане человеческих действий мы можем сделать очень многое упрямством, крепостью своей. Но достичь того, что составляет человеческое призвание, мы не можем своими силами; мы не можем своими силами стать

братьями и сестрами Христа, детьми Божиими; не можем стать живыми членами, частицами таинственного Тела Христова; не можем стать местом пребывания Святого Духа и быть Им так пронизаны, как железо может быть пронизано огнем; мы не можем стать «причастниками Божеского естества» своими силами, – ничего не можем сделать того, что составляет настоящее, предельное наше человеческое призвание.

Поэтому Богу мы можем предложить только свою открытость; как мы говорим: «Прииди и вселися в ны!» Открыться и дать Богу дохнуть в нас, как поворачивают парус, чтобы ветер его наполнил; как можно открыть окно, ставни, чтобы свет пролился в комнату; как мы можем раскрыть наш ум и сердце другому человеку или пониманию – вот что мы можем сделать. Но это требует подвига, усилия; это требует выбрать Бога вместо себя, выбрать настоящее свое призвание вместо бесконечно мелких вещей, в которых мы можем быть удачливы, которых мы можем достигнуть. Мы можем достигнуть образования, учености, в значительной мере развить свои таланты; но этим не ограничивается наше человеческое призвание, хотя это может быть частицей того, что выкует из нас человека. Но последнее наше призвание – стать по отношению к себе и по отношению к небу, по отношению к человечеству, по отношению к космосу и по отношению к Богу тем, чем был, есть и остается Христос. И поэтому когда мы говорим «Да приидет Царствие Твое» – мы просим в первую очередь: «Господи! Приди и воцарись во мне! Я Тебе открываю дверь всей своей жизни, ума, сердца, воли, действий – всего: приди! Во мне есть сопротивление – победи! Во мне будут моменты бунта – победи и тут! Я хочу Твоей победы, чего бы это ни стоило мне по человечеству, то есть человечеству в самом малом смысле этого слова, тому, что мы называем «мое человечество»: моя немощь, моя малость, мое недостойнство».

А затем Царство Божие ширится вокруг нас от человека к человеку. Часто говорят: «Я не могу всех любить!». Конечно, не можешь! Никто из нас себя-то не умеет любить. Никто из нас не умеет любить по-настоящему даже самых любимых, – не то что всех. Всех любить, пока никого нет – легко; но полюбить

конкретно одного, другого, третьего человека... Старец Назарий, игумен Валаамского монастыря, говорил, что всех любить мы неспособны; но могли бы попробовать хоть немногих полюбить по-настоящему, то есть забывая о себе, любя их так, что они для нас делаются важнее, чем мы сами... Это бывает. Это бывает между родными, это бывает между друзьями, это бывает между как будто чужими людьми. Такое отношение нельзя классифицировать; нельзя сказать «родителей», «детей», «мужа», «жену», «друзей». Это очень лично; но надо к этому стремиться: научиться любить хоть одного человека с забвением себя. И когда я говорю «с забвением себя», я не хочу сказать – забывая себя в каком-то дурмане безумия, а – не будучи в состоянии даже вспомнить о себе, когда другому что-то нужно или когда думаешь о нем. Христос говорит: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя» (Мф. 16:24). И в начале Евангелия от Иоанна на славянском и греческом языках говорится: «И Слово было к Богу» (Ин. 1:1). То есть не с Богом, а устремлено к Богу. Любовь Сына Божия такова, что только Отец существует для Него, не Он Сам, – Отец и Дух Святой; и такая же самозабвенная любовь в Отце по отношению к Сыну и к Духу, и у Духа по отношению к Отцу и Сыну. Надо начинать опять-таки подвижнически с самых близких, с тех, которых естественно и легко любить. Не начинать с трудного, а с простого, но уже беспощадно по отношению к себе: не потому что это удобно, не потому что это приятно, а просто потому, что это так.

И на этом пути встает вопрос: как вынести другого человека? Потому что если я был бы несовершенен, а другой человек – совершенный, тогда борьба была бы только с самим собой; но тут две величины, которые взаимно трудны. Апостол Павел говорит: «друг друга тяготы носите, и так исполните закон Христов» (Гал. 6:2). То есть несите на своих плечах то, что тяжело в другом человеке, и это будет исполнением заветов Христовых. И в другом месте Апостол говорит, что Христос принял нас, когда мы Его не искали, Он принял нас, когда человечество было как бы во вражде с Богом, в борьбе. И Христос пришел к нам таким, какие мы были; Он не стал ждать,

чтобы мы раскрылись, чтобы мы захотели, возмечтали о Нем. Он пришел; и в ответ на Его приход какие-то люди – даже мы с вами! – отозвались... Вот как мы должны относиться друг к другу.

И тут – не только проблема принятия друг друга. Христос говорит: «Люби ближнего, как самого себя...» «Любить себя» не значит исполнять или потакать всему, что только «хочется»: мне хочется легкой жизни, удовольствий, хочется того или другого. Это самое поверхностное «я». А полюби того глубинного человека, который есть икона Христа, образ. В тебе живет образ Христов – так его полюби и его защити от того поверхностного, жадного, мелкого человека, которым ты являешься на другой плоскости. Полюби вот этого человека. И когда ты его полюбишь, когда для тебя эта икона станет драгоценнейшей, тогда ты сможешь, с одной стороны, с глубокой болью обнаружить, как некоторые свойства или черты твоей личности эту икону уродуют, портят, оскверняют. И с другой стороны, поняв это, ты сможешь смотреть на других людей совершенно другими глазами. Ты увидишь в них две вещи сразу: и икону, и раненость этой иконы; тогда как мы, большей частью, видим только изуродованность и забываем, что за ней – икона. И к этой иконе мы должны относиться бережно, с такой любовью, так нежно и благоговейно, именно потому, что она осквернена и испорчена и ранена; это одно.

А второе – вопрос прощения, потому что то, что в нас есть взаимно трудного, конечно, ранит взаимно. Где же начинается прощение? Если мы подумаем о Христе, то совершенно ясно, где оно начинается. Христос нас возлюбил во грехе нашем и пришел к нам – грешным. Он не ставил нам условия: Приду только если вы исправитесь. Он не сказал: Я приду к вам, несмотря на то, что вы такие уродливые... Он просто пришел к нам и явил нам всю красоту человечества; явил всю красоту того, что представляет собой человек; явил также всю Божественную любовь к нам, падшим, греховным, разбитым людям... И вот так мы должны друг ко другу относиться. То есть когда между двумя людьми ссора, когда в том или другом человеке есть такие свойства, которые нам еле выносимы, мы

должны этого человека воспринять: воспринять, какой он есть, и его нести. Нести его либо, по Христовой притче, как Он несет пропавшую овцу. Она ушла, заблудилась, была в страхе, взывала к пастуху, который благодаря этому ее нашел, взял на плечи и принес обратно, домой. Либо (и это очень реально было в некоторые эпохи, бывает реально и теперь) мы должны быть готовы – со страхом порой, с ужасом – друг друга нести на плечах, как Христос нес Свой крест: взять человека на свои плечи, зная, что это крест, на котором мы будем распяты, на котором мы умрем, но, умирая, сможем сказать, как Христос сказал: "Прости" ему, прости ей, прости им: «они не знают, что делают» (Лк. 23:34).

Вот где начинается и ширится наше строительство Царства Божия. И когда мы говорим: «Да придет Царствие Твое» – Господь нам отвечает, как мы читаем в пророчестве Исаии: «Кого Мне послать? Я Сына Своего уже послал; Он уже жил, проповедал, сошел в ад, воскрес; и Ему нужны сейчас, из рода в род, посланники: кого Я пошлю?» И тогда Исаия встает и говорит: «Пошли меня, Господи!» (Ис. 6:8).

Вот к чему мы призваны. Когда мы говорим «Да придет Царствие Твое», мы должны услышать Господа, говорящего нам: «Кого же Я пошлю теперь?» – и ответить: «Меня, Господи!», помня, что как бы ни было страшно, куда бы Господь ни послал, наше христианское призвание – быть светом; а свет должен быть направлен туда, где темно; там, где и без него светло, он не нужен. Мы – соль земли; мы должны быть посланы туда, где гниль, чтобы остановить гниение... Наше место там, где нужен Божественный свет, Божественная любовь, Божественная чистота, Божественная правда... Мы часто молимся: «Господи! Мне страшно – защити меня! Стань между мной и опасностью! Стань между мной и горем!...» – что как бы подразумевает: «Пусть Тебя распнут снова, а я за Твоей спиной буду жить...» Нет! Господь говорит: «Кого Мне послать?». Он, правда, насильно не посылает нас. Если мы не готовы к этому, Он нас не пошлет против нашей воли. Когда Иаков и Иоанн обратились ко Христу с просьбой дать им воссесть в Его славе, Он им указал, что раньше славы есть

крестный путь и распятие, но не сказал: «И вы должны этим путем пройти». Он их спросил: «Готовы ли вы пить Мою чашу»? Готовы ли вы погрузиться в тот ужас, в который Я буду погружен?.. И когда они ответили; «Да!», – Он им сказал: «Вы будете пить Мою чашу, будете участниками Моей страсти» (Мф. 20:22–23).

И каждому из нас Господь это говорит. Поэтому когда мы произносим: «Да придет Царствие Твое» – вот о чем мы говорим; не о том, чтобы устроить приходскую общину, где бы не было сплетен и вражды, а о том, чтобы приходская община была бы такой глубины, широты и величия, чтобы Христос мог в ней жить как Один из ее членов, светя, миротворя, преображая каждого из нас, чтобы каждый из нас вышел в мир и творил то же самое. И это мы можем творить по обетованию Христову – была бы вера, была бы готовность положить жизнь свою за други своя.

Вот что содержат слова «Да придет Царствие Твое». Конечно, многое другое можно бы сказать, но хоть это мы могли бы запомнить. Если мы неспособны жить в такую меру, мы могли бы хоть стремиться к этому, знать, что это – наше призвание: начать с Царства внутри нас и распространить его на одного человека, на второго, на третьего и дальше.

Потом мы просим о том, чтобы воля Божия совершилась: «Да будет воля Твоя». Воля Божия – спасение всех; и в этом отношении мы посланы ко всем. Воля Божия – наше спасение тоже. И когда люди говорят с притворным или неразумным смирением: «Я о себе молиться не могу, – что я собой представляю перед Богом, чтобы Он меня спасал? Но, конечно, я о других молюсь», – это очень печальная ошибка. Потому что Царство Божие никогда не будет полно, если хоть один из нас будет вне его. Мозаика состоит из множества маленьких камешков; некоторые из них ничего как будто и не представляют; они и не золото и не самоцвет. А вынь один из этих камешков – и постепенно мозаика начнет разрушаться и вся рассыплется. Таково Царство Божие: спасение всех.

Мы должны бороться за себя, за свое спасение, потому что Господь отдал Свою жизнь за каждого из нас без исключения, не

только за моего ближнего, но и за меня. И если я это понимаю, то я должен всей своей благодарностью отозваться на Божию любовь ко мне и эту любовь распространять дальше. Воля Божия так ясно раскрыта нам в Священном Писании, так ясно раскрыта в Личности Христа, так ясно раскрывается в личности святых. Я не говорю – в конкретном их житии, которое, может быть, нам и не по плечу и не по обстоятельствам; но в том, что они собой представляли, как они стояли перед Богом, перед своей совестью, перед людьми; как бережно они относились ко всему, что их окружало. Преподобный Исаак Сирийский говорит: «Не может молиться чистым сердцем тот, кто не примирится с Богом, со своей совестью, со своими ближними и даже с предметами, которыми он пользуется – потому что они все Божии...» Весь этот материальный мир создан Божественной любовью. Это не мертвый мир; это мир, из которого Господь совершает чудеса: хлеб делается Телом Христовым, вино делается Кровью Христовой, вода делается купелью возрождения, и так далее. Все призвано быть пронизанным Богом, когда придет конец времен и «Бог будет все во всем» (1Кор. 15:28).

Воля Божия в том именно, чтобы мы так заботливо относились ко всему. И когда мы говорим «Да будет воля Твоя», мы часто это произносим как бы в защиту себе. Мы просим о чем-то и заканчиваем молитву – «однако, да будет Твоя воля», то есть «если Ты со мной не можешь согласиться, ну, так и быть, поступи по-Своему...». Нет! Не о том мы просим! Наша устремленность, наша мечта и воля должны бы быть в том, чтобы наша воля и воля Божия стали одно, чтобы одно проникло в другое.

Есть смелое место у одного духовного писателя, кажется, Марка Подвижника, где он говорит: «Если и Бог станет перед Тобой и скажет: «Сделай то или другое» – и твое сердце не может ответить «Аминь!» – не делай этого, потому что Богу не нужен твой поступок, Ему нужно твое сердце».

Вот о чем мы должны думать и как переживать слова молитвы «Да будет воля Твоя». Да! Пусть она будет и во мне! Пусть так соединится моя воля с Твоей, что когда Ты что-нибудь

желаешь, это было бы и моим желанием, чтобы не было противоречия, столкновения или расхождения между нашими волями, чтобы Твоя воля и моя были, как гармония между двумя музыкальными нотами, чтобы было единство между Твоей волей и моей... И это задача, которую мы должны решать, читая, вчитываясь в Священное Писание, вчитываясь в то, что Христос явил в Себе и сказал о том, каков настоящий человек. И тогда мы можем вырасти в эту меру.

Беседа на Рождественском говении 4 января 1986 г.

ЗОВ БОЖИЙ И ПУТЬ СПАСЕНИЯ

Беседа I

С каждым годом мне представляется все более трудным сказать на наших говениях что-то новое; мы столько лет живем одной, общей церковной жизнью, столько лет делимся чувствами и мыслями, столько лет слышим те же Евангельские чтения и вращаемся в них вместе, что кажется, я могу лишь повторять то, что столько раз говорилось.

А вместе с тем, если задуматься, какой плод мы принесли за годы нашей жизни оттого, что слышали слова Самого Бога, ставшего Человеком, то приходится признать: Нет! **Надо** вновь и вновь говорить то же и о том же!.. И говорить надо, и особенно надо принять в собственное сердце, что Господь зовет, молит, убеждает, требует – а мы остаемся такими бесчувственными и глухими. Мы привыкли даже к таким страшным вещам, как повесть о распятии Христовом: когда мы ее слышим, в глубине души что-то нам говорит: Да, но Он воскрес!.. – и поэтому ужас этого события, темнота страшной ночи Великой пятницы еле-еле доходят до нашего сознания, до нашего чувства.

Когда я говорю «нас», я именно думаю о всех нас и о себе в первую очередь. Когда я впервые читал Евангелие, я был до глубины души, до самых недр своего существа потрясен; казалось: теперь, когда я это **знаю** – вся жизнь должна стать **иной**; жить, как все живут, невозможно! И оглядываясь на свою жизнь, я с болью сознаю, что хоть чувство это не потухло, но жизнь не изменилась в такой абсолютной мере, в какой она могла и должна была бы измениться.

Евангельские события часто кажутся нам далекими, почти призрачными; а вместе с тем они обращены к каждому из нас в каждое мгновение. Мы ищем в Евангелии утешения, подбадрования – и проходим мимо строгости, непреклонности евангельского слова, того, как нас призывает Господь. Сейчас мы находимся перед Рождеством Христовым. Какой могла бы и должна бы быть для нас **радость** – что Бог **так** возлюбил мир, что вошел в этот мир, воплотился, **так** возлюбил человечество,

что стал Одним из нас!.. Но раз Он стал Одним из нас, мы должны бы быть на Него так похожи! Должны бы всем существом стремиться, чтобы Ему не было **стыдно**, больно от того, что Он нам сродни, Свой... Когда в нашей семье есть человек, которого мы почитаем, на кого дивимся, – он такой чудный, что хотелось бы преклониться перед ним – как мы стараемся его **не** осрамить перед лицом окружающих людей! И даже не перед окружающими, – мы стараемся, чтобы ему самому не было стыдно, что мы не похожи на него, не стремимся к тому же, к чему стремится он, и что высокий идеал, красота, смысл, которыми он живет, нам безразличны.

Наверное, каждый из нас знает, как больно бывает, когда что-то нас глубоко трогает, волнует; мы своему близкому другу расскажем об этом, и он пожмет плечами, потому что ему это просто неинтересно, ему до этого дела нет, – и переведет разговор на другую тему. Тема Христа – Его любовь к нам, любовь Божия к нам, любовь Божия, обращенная к **каждому** из нас. Эта тема – то, ради чего Он стал человеком и ради чего Он **все** претерпел безмолвно и ради чего Он умер, говоря: «Прости им, Отче, они не знают, что творят» (Лк. 23:34). И перед лицом этого мы живем, как будто **ничего** из этого **никогда** не случилось; как будто не было Воплощения, как будто и не раскрылась перед нами Божия крестная любовь. Мы словно говорим Ему: нам это неинтересно; у нас другие заботы, свои; нас интересует наша земная жизнь, какая она есть, мы к ней привязаны; не говори нам о том, что она может разверзнуться и охватить и небо, и землю, и вечность, и что имя ей должно быть – «любовь»... Причем любовь не такая, которая на мне или во мне сосредоточена, а любовь просторная, способная охватить все более широкие круги людей, событий, вещей.

И вот, в течение подготовительных к Рождеству Христову недель мы читаем евангельский рассказ о званых на пир. Прочтем его словами самого Евангелия:

Когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных. Услышав это, некто из возлежащих с Ним сказал Ему: блажен, кто вкусит хлеба в

Царствии Божием! Он же сказал ему: один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу прийти. И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место. Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных (Лк 14:13–24).

Разве это не точная картина того, о чем я говорил? Мы призваны на Божий пир. Этот пир должен был начаться на земле, если бы человек не изменил себе и не изменил Богу. Когда Бог создавал мир, Он его создавал прекрасным, в полной гармонии с Собой и в гармонии всех тварей между собой. И этот мир мог бы устоять в первозданной красоте, мог бы вырасти из красоты невинности в стройную и уже непоколебимую красоту святости, – но человек изменил и себе, и Богу. Он был призван быть вождем всего мира от невинности к святости; но сам отступил от этого пути, и весь мир заколебался и стал таким, каким мы его видим. И вот в начале этой притчи нам даны три образа, которые применимы к каждому из нас в этом падшем мире, который мы выбрали своей родиной, тогда как наша родина – Царство Божие, которое могло бы быть землей и небом одновременно, но остается только небом, пока не будет одержана Богом окончательная победа над злом, над рознью, над грехом.

Первый из званых говорит посланному от хозяина дома: «Я себе приобрел клочок земли; мне надо его осмотреть, освоить; он – мой»... Это то, о чем я только что говорил: мы выбрали землю и говорим: я ее хочу освоить, она – моя; я до конца хочу

ею обладать; я хочу, чтобы она была тем, что я есть... И не замечаем, что, стараясь удержать землю, сделать ее своей, сами делаемся ее рабами, **мы** ей принадлежим. Мы не можем от нее оторваться, мы всецело в нее погружены; корнями растаем в нее, больше не взираем ввысь, а смотрим только на эту землю: чтобы она была плодотворна. И в конечном итоге мы **так** этой земле принадлежим, что костями ложимся в нее, нас в нее погребают, наше тело в ней растворяется; то, что, как мы думали, наше – **нами** теперь обладает. Нам некогда идти на пир Божий, на пир веры, на радость встречи, на Божественную гармонию всего, потому что мы хотим освоить землю; и в результате она нас поглощает.

Другой говорит: «Я купил пять пар волов – надо же мне их испытать! Надо же мне проверить их работоспособность! А кроме того, я же не покупал их, чтобы они стояли в хлеву, они должны труд понести, плод принести»... Разве мы не так рассуждаем – каждый по-своему, но все одинаково – о том, что перед нами есть задачи! Мы должны что-то осуществить, что-то сделать на земле! как же нам прожить, не оставив следа?.. И каждый старается, по мере своих сил, трудиться. Некоторые из отцов древности под образом этих пяти пар волов видят символ наших пяти чувств. Нам даны пять чувств – зрение, слух, обоняние и т. д.: как же все это не применить к земной жизни? Но пять чувств применимы **только** к земле; небо не уловишь ни зрением, ни слухом, ни обонянием; небо берется иным чутьем. Даже земная любовь не охватывается пятью чувствами, – что же говорить о Божественной любви, о вечности? Мы как бы пускаем в торг эти наши пять чувств и приобретаем, что можем – но только земное...

Иногда через эти чувства нам раскрывается нечто большее: земная любовь. И вот третий из званых говорит слуге: «Я женился, у меня своя радость, мое сердце полно до края – мне некогда придти на пир твоего хозяина, даже моего хозяина, – разве он не может этого сам понять? У меня своя радость, – как же я могу вместить еще **чужую** радость?» Привязанность, любовь, которая **на грани** вечности, по эту или по ту сторону вечности, в зависимости от того, как мы к ней отнесемся, снова

делается преградой: она меня держит на земле, мне некуда уйти от нее. Вечность – потом, когда-то; теперь – заполнить бы время этой радостью, этим изумлением, этим счастьем, и довольно того, что мое счастье – **мое**, не нужно мне чужого... И третий званый тоже не идет на пир Божий, потому что боится, как бы от него не ушла временная радость, утонув в вечности, в вечном.

И что же остается? Остается человек, живущий тем, что держится за землю, которая его поглотит; весь смысл своего существования полагающий на то, чтобы что-то сделать с этой землей и на этой земле – временное, которое тоже пройдет: память людей проходит, здания рушатся, весь мир покрыт остатками отживших, умерших, разрушившихся цивилизаций. И человек все-таки строит новую – которая тоже не устоит, временную, бесцельную – потому что ни в ней самой нет цели, ни дальнейшей цели нет. И вместо того, чтобы через любовь раскрыться, человек часто любовью замыкается: свои – и прочие... И это очень страшно. О, эти «прочие» и «свои» могут быть очень различно распределены, «своих» может быть очень много; но все равно, пока остается **один** «прочий», Царства Божия не только нет, оно **отрицается**.

Я хочу вам дать два образа. Первый – рассказ о реальном человеке, которого я помню, родных которого я знал. Ученый, творческий, одаренный человек умер; его схоронили. У него был сын в сумасшедшем доме, юноша, не достигший еще двадцати лет. Его мать сообщила ему о смерти отца. Он рассмеялся и ответил: «Неправда! Он не мог умереть!» Истощивши все свои объяснения, мать привела его ко мне, чтобы я ему растолковал, что его отец на самом деле умер. Прежде чем что-либо ему сказать, я спросил юношу: «Почему ты думаешь, что твой отец не умер, когда свидетели его смерти тебе говорят, что он умер, люди, видевшие его мертвое тело, принявшие участие в его похоронах, видевшие, как его гроб опустили в землю и закидали землей? Почему же ты отрицаешь его смерть?» – «Потому, – ответил он, – что он никогда не жил и, значит, не мог умереть...» И он мне растолковал, что его отец существовал только привязанностью к автомобилю, к телевизору, к своей коллекции

драгоценных камней, к своим книгам. «Пока эти вещи существуют, – говорил этот мальчик, – мой отец такой же живой или такой же мертвый, каким он был раньше...»

Так выразиться мог только юноша, потерявший привычку мыслить, как мы бы сказали, «разумно», то есть по-земному; но он видел вещи такими, какие они есть. Этот человек, его отец, **не** жил: он отражал окружающую действительность, зажигался каким-то интересом, переходил от переживания к переживанию; но переживание – не жизнь; это мгновенное событие, которое уходит, как свеча гаснет...

Как мы все похожи на это! Он укоренился в земле; его единственные интересы были земные, но – его обесчеловечили, в нем человека не осталось, потому что он весь ушел в предметы. И вот перед каждым из нас стоит этот же вопрос: я существую? Есть во мне кто-то – или во мне пустота? или я, по слову свт. Феофана Затворника о человеке, который на себе сосредоточен, – как древесная стружка, свернувшаяся вокруг собственной пустоты? **Есть ли** что-нибудь во мне, что может войти в вечность? Конечно, не войдут в вечность ни земля, которую купил первый званый, ни воны, которых купил второй, ни та работа, которую совершили воны над этой землей. Что же останется?.. А если говорить о любви, то, опять-таки, что останется, если она вся сведена к меркам земной жизни, если за ними ничего нет, если она такая же маленькая, ничтожная, как наша земля в этом бесконечно-разверзающемся космосе, в котором мы живем: пылинка – а в этой пылинке человек с его чувствами, мыслями. Да, человек больше, чем пылинка, но только если он сам себя не сроднит с этой пылинкой, если найдет в себе величину, глубину, которую только Бог может заполнить, такую глубину, которая всю вселенную может в себе вместить и еще остаться пустой, потому что в ней бесконечность, и она может быть только местом вселения Самого Бога...

Любовь должна нас так раскрыть; если она этого не достигает, то делается мелкой, как пылинка. Конечно, мы не умеем охватить всех, не умеем охватить все; но мы должны раскрываться все больше и больше, а не закрываться,

замыкаться, суживаться. Всех мы не можем и не умеем любить; но умеем ли мы любить любимых? Является ли наша любовь к тем, кого мы любим, благословением, свободой, полнотой жизни для них, или тюрьмой, в которой они сидят, как пленники в цепях?.. У пророка Исаии есть слово: «отпусти пленных на свободу» (Ис. 58:6). И каждый из нас скажет: «У меня нет рабов, я никого не держу в плену, у меня нет власти ни над кем», – и это неправда! **Как** мы держим друг друга в плену, как мы поработаем друг друга! Какой **узкой** мы делаем жизнь друг для друга, и, страшно сказать, как часто это бывает из-за того, что мы человека будто «любим» и знаем лучше него, что составляет его счастье и добро. И как бы он ни стремился к своему счастью, как бы он ни стремился раскрыться, как цветок раскрывается на солнце, мы бросаем на него свою тень и говорим: «Нет, я лучше тебя знаю, каковы твои пути, каково твое счастье...». Как часто приходится слышать – может быть, не в таких словах, но по сути: «Боже, если бы этот человек меня перестал любить, каким бы я был свободным! Я мог бы жить, с меня спали бы цепи, началась бы жизнь...»

Второй образ – рассказ из французской книги о том, как человек захотел создать земной рай⁴. Некто Киприан, прожив много лет среди дикарей на островах Тихого океана, страстно возлюбил землю, природу, жизнь, творческие силы этой природы и научился от местных жителей, как колдовством любви вызывать к жизни все живые силы порой иссохшей земли. Он возвращается к себе на родину, покупает клочок каменистой, безжизненной почвы и как бы окутывает эту почву своей любовью, вызывает в ней и из нее все живые, творческие силы. И почва, которая была мертва столетиями, начинает оживать, произращать травы, деревья, цветы, она становится как бы земным раем. И в этом озарении, в этом свете любви и животные начинают собираться, потому что там любовь побеждает их вражду, их взаимную злобу, их привычки, инстинкты; живут они, как в раю. Один только зверь остается вне этого рая – лиса. Она не хочет присоединяться к другим, остается **вне**. Киприан сначала думает о ней с состраданием: бедный зверь, не понимает, где его счастье! – и всячески

призывает эту лису: Приди! здесь же рай!.. Но лиса не идет. Тогда он начинает на нее раздражаться; любовь к ней начинает потухать, и постепенно в нем рождается негодование и ненависть, ибо эта лиса – свидетельница, что его рай – не для всех рай, не всем хочется жить в этом раю. И он решает убить лису, потому что когда ее не будет, **все** звери, все растения будут соединены в том раю, который он искусственно создал своей любовью. И он лису убивает... Возвращается на свой участок – все травы засохли, все цветы вымерли, все звери разбежались...

И вот **это** мы должны помнить: мы призваны создать мир и охватить его шире и шире любовью, но не такой, которая делает нас рабами искусственного рая, а любовью, которая может простираться все дальше, оставляя свободу тем, которые не хотят войти в **наш** рай. Это относится к нашей церковности; это относится к нашим семьям, к нашим дружба, к нашим общественным устремлениям. Это ставит перед каждым из нас вопрос о том, как, каким образом он связан с теми, кто его окружает, и с жизнью. Опять-таки, всех охватить любовью мы не можем, но тех немногих, кого мы любим, мы должны любить иной любовью, чем любовь искусственного рая поработанных существ.

Вот мысли, с которыми я хочу вас теперь на какой-то срок оставить...

Беседа II

Продолжая нашу беседу с того места, где мы оставили притчу, надо задать себе вопрос, который апостолы поставили Спасителю после одной из Его бесед: кто же тогда может спастись?.. Званные исключили себя из сообщества Христова, Божия, прильнули к земле, отказались от того, чтобы земля и небо соединились в одно. Кто же может спастись?

Если присоединить к этой притче окончание подобной ей у другого Евангелиста, картина следующая. Пир готов. Званные отказались прийти, а хозяин, у которого сердце полно любви, открыто, который хочет, чтобы пир этот был пиром всея земли, посылает своих слуг по улицам и задворкам города, села, –

звать нищих, хромых, убогих, чтобы пир наполнился радостью. Не его радостью, но радостью всех тех, которые неожиданно для себя окажутся там (Мф. 22:1–14).

И вот встает вопрос: с чем эти нищие, хромые, слепые, увечные собраны и идут по дороге к царским палатам? Какие у них мысли? У нищих ничего ведь нет, что они могли бы принести хозяину дома: не могут принести ни цветка, ни подарка, не могут принести успеха в жизни, не могут принести добродетели – ничего не могут принести. Идут хромые, которые никогда в жизни не умели ходить твердой стопой. Идут слепые: их ослепила земля и они не сумели увидеть неба, – идут в сознании, что ничего у них нет: с чем же прийти, как их примут?.. Символ их состояния – это лохмотья, которыми они покрыты; как же их могут пустить в царские палаты грязными, вшивыми, в лохмотьях, проглядевшими всю жизнь, растратившими **все**, что им было дано от рождения?

Верно, идут они с двоящимся чувством: с одной стороны, в сознании, что никакого права на гостеприимство этого хозяина они не имеют, с другой стороны – с мыслью, что покажись они только в дверях дворца или зажиточного дома – их же прогонят! Вся жизнь их этому научила; они **знают**, что таких, как они, гонят со двора, – чего же им ожидать? Заслуг нет, оправдания нет, ничего нет. Значит, единственная надежда – на милосердие, на то, что их пожалеют и ради жалости пустят. Но – жалеи, не жалеи – как можно их пустить? Ведь они **все** осквернят в этом доме!

И вот они подходят к вратам; что дальше? В другом евангельском отрывке (Мф. 22:11–13) притча продолжается рассказом о том, как все уселись у стола, вошел хозяин, окинул взором собравшихся и вдруг обнаружил, что один из пришедших не одет, как сказано, «в брачную одежду», пришел на пир в своих лохмотьях. И хозяин разгневался и велел его прогнать.

И тут другой вопрос: как же так, как это может быть? Кто из этих нищих, хромых, убогих, слепых мог придти на пир иначе, как в лохмотьях? Что случилось с ними – или с этим человеком? Каким образом они-то оказались облеченными в чистую,

праздничную одежду, а он один в таком позорном рубище?.. Объясняется это той обстановкой, тем временем и местом, где Христос говорил Свои притчи. На Востоке, когда странники шли пешком, днями и днями, они приходили изнуренные, запыленные, в ободранной одежде в какое-нибудь местечко и искали себе приюта. И восточное гостеприимство было щедрым, несмотря порой на большую бедность: странников принимали с благоговением, омывали их ноги, омывали их тело, давали чистую одежду – не для того, чтобы они не осквернили дом, а для того, чтобы они отдохнули телом, душой, чтобы они ожили к новой, иной жизни.

Верно, так и случилось с теми, кого слуги хозяина привели к его вратам: их приняли другие слуги – Ангелы Божии, омыли их, одели, с честью, жалостью, лаской ввели туда, где был приготовлен пир. И все с радостью, с благодарностью, с трепетным сердцем, в изумлении принимали эти заботы, эту неожиданную, незаслуженную ласку. А один, видно, кого тоже хотели омыть, одеть, отмахнулся от этой ласки и заботы и ответил: «Мне сказали, что здесь кормят, я **есть** хочу! Остальное мне не нужно: годами не мылся, всегда в лохмотьях ходил, – дайте мне попить один раз в моей жизни!» И вошел он, как был; но хозяин велел его прогнать, – не потому что тот был в лохмотьях, а потому, что ему до любви, до жалости, до милосердия хозяина не было **никакого** дела. Хозяин был ему не нужен, ему нужен был накрытый стол...

И вот, вопрос ставится перед нами очень круто: мы постоянно прибегаем к Богу – но в каком духе? Мы тоже нищие, мы тоже слепые, хромые, мы тоже износились и одеждой и душой. И нас зовет Господь: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я вас успокою» (Мф. 11:28). И мы приходим – но как? Не приходим ли мы часто, как этот человек в лохмотьях пришел и пробился к столу, потому что ему нужен пир, а не хозяин, нужна еда и питье, а не то Царство Любви, которое представляет собой этот Божественный пир? Не подходим ли мы слишком часто и к молитве, и к причастию именно так, ожидая себе от Бога пищи и питья: пусть Он дает, дает, дает... – а **что** мы сами сделали для того, чтобы **сметь**

войти в Его хоромы, чтобы **сметь** быть там? Из притчи видно: от нас не требуется, чтобы мы были чем-нибудь богаты; а в Ветхом Завете есть место, где говорит Господь: «Чадо, дай Мне твое сердце», (Притч. 23:26) – все остальное уже Мое... Да, все Его; но сердце человека, его любовь, его благодарность, его благоговение во власти самого человека, и никто, даже Бог, не в силах заставить человека любить, благоговеть, быть благодарным. Потому что любовь и все, что из нее рождается – это предельная свобода.

Как мы подходим к Богу? Разве мы не бежим к Нему каждый раз, когда нам холодно в стылom мире и голодно в обездоленности нашей? А дальше, потом – что? Не входим ли мы к Нему в лохмотьях сознательно? Нищие шли в **ужасе**, что в таком виде предстанут перед своим господином, царем; а мы, когда становимся на молитву, неужели просто стоим, как нищие у врат богатого, или стучимся бесстыдно в двери того, кто может дать, но кому в лицо мы не заглянем, а только будем смотреть, что его рука уронила в нашу руку?.. Как подходим мы ко святому Причащению: в сознании ли, что мы – действительно нищие до конца, и не то нам дорого, что нам будет дано, а дорого, что есть Кто-то, Кто нас так любит, что мы можем прийти, словно блудный сын, обнищав, все растратив, и встретить любящего Отца, родной дом?..

Нам надо об этом думать, потому что стать домочадцами не значит прийти туда, где кормят, где тепло, где мы под защитой; быть домочадцами значит влиться в семью и разделить с этой семьей все, чем она живет, – не хлеб и пищу, не тепло, а **смысл** жизни этой семьи. И когда мы молитвенно приходим к Богу, когда в причащении Святых Таин мы приходим к Нему, мы приходим к Единому в Троице славимому Богу, Который есть Бог любви, Бог крестной любви, Бог Воплощения, Бог, Который Сына Своего не пожалел ради тех, кто зло, бесовестно Ему изменил, кто не только был потерян, но ушел по своей воле и жил по своей воле.

Так ли мы идем к причащению? Приняв крещение, мы сами непосредственно (или за нас – действительно любящие нас люди, верящие в наше благородство) обязались быть живым

присутствием Христа среди людей, Его милосердием, Его любовью, Его готовностью жить и умирать ради других и ради Бога, – а не только жить благодаря тому, что Христос умер на Кресте: Ему – смерть, нам – жизнь... Это не христианский девиз, это богохульство. А мы так часто живем, будто **это** наш девиз... Бог нас ни к чему не обязывает, в том смысле, что Он не ставит условий: Он нас любит безусловно, ценой Своей жизни и смерти и сошествия во ад. Но есть ли в нас хоть какая-то искра благородства, есть ли в нас хоть какой-то луч благодарности? Если в нас есть сколько-то благородства – неужели мы не можем отозваться **всей** жизнью на то, что Бог Собой представляет, и на то, что Бог для нас, людей, сделал и делает изо дня в день? Если в нас есть какая-то доля благодарности, способности быть благодарными – неужели мы не можем сознательно, сурово по отношению к себе строить жизнь, которая могла бы быть для нашего Бога радостью о том, что не напрасно жил и умирал Христос, что весть об этом потрясла наши души и мы жизнью это доказываем?

Есть отрывок в Евангелии (Мф. 18:23–34), где говорится, как человек был должен крупную сумму денег царю; так как он не мог выплатить свой долг, велено было продать его в рабство вместе с семьей. Но он бросился на колени перед своим царем и умолил дать ему время, обещал все выплатить, и царь его простил. Но выходя от царя, этот человек встретил собственного должника, который был ему должен ничтожно малую сумму денег; он схватил его и стал требовать долг, стал требовать от суда, чтобы этот человек был принужден немедленно все ему выплатить. И когда об этом узнал царь, он велел своего должника бросить в темницу. О чем это нам говорит?

Перед лицом того, **что** для нас сделал Бог, **Кто** Он в нашей жизни, мы должны Ему все без остатка. От Него мы получили бытие, от Него мы получили жизнь. Им нам даровано знание Его Самого. На нашу измену, повторную и постоянную, Он отвечает Воплощением, жизнью, смертью Своего Сына; на постоянную нашу неверность Он отвечает Своей непоколебимой верностью. Все, что у нас в жизни есть – и тело, и душа, и ум, и сердце, и

воздух, которым мы дышим, и пища, которую мы едим, друзья и родные – все от Него; мы обязаны Ему всем, мы Его должники **до конца**. Он долга от нас не требует, – Он ждет от нас ответной любви и творческой, именно творческой благодарности. Не просто благодарности сердца или памяти: «Спасибо Тебе, Господи!..» – а такой творческой благодарности, которая создавала бы для людей вокруг нас то **чудо** Царства Божия, Царства любви, взаимной заботливости, к которому все мы призваны. А вокруг нас люди, как тот должник, немного задолжавший своему знакомому, нам «должны» что-нибудь: забывают нас, обижают нас, унижают, – что только не делают. Но если бросить на весы все это – и то, что для нас представляет Бог, дивный, святой, вечный и готовый нас считать Своими дочерьми и сыновьями, Своими родными детьми, и все, что Бог нам в Своей неописуемой любви и щедрости дает, то по сравнению с этим все, чем мы можем быть обижены жизнью и людьми, делается таким малым! Нет сравнения между нашей «чуткостью», болью, которую мы чувствуем, унижением нашей гордости, и тем, что Бог есть и что Бог дает.

Бог ничего от нас не требует для спасения, кроме одного, – и это много раз выступает в Евангелии. Я вам дал один пример, есть другие; но я имею в виду два евангельских отрывка. Первый – Молитва Господня, «Отче наш». Все зависит от Бога: «Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя; хлеб наш насущный даждь нам днесь;.. не введи нас во искушение; избави нас от лукаваго» – всего этого мы просим: "да будет"... Но одного мы просим с очень для нас ответственным условием: «Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»... И Христос об этом повторно говорит: какой мерой вы другим мерите, такой вам будет отмерено... (Мф. 7:2). Здесь мы берем наше спасение в собственные руки. И в Нагорной проповеди среди заповедей блаженства есть одно блаженство, которое зависит от нас: «Блаженны миротворцы» (Мф. 5:9). Мы должны **творить** мир, – творить мир не из себя, но творить его из дара Божия. Все остальные блаженства как бы даны; это блаженство – в наших

руках. Здесь как бы грань, которую нам надо пройти, чтобы быть Божиими.

И поэтому Евангелие – благая весть о том, что спасение пришло, что спасение не только при дверях, но С НАМИ БОГ, в нашей среде, мы Ему уже **свои**, как говорит апостол Павел; и не только в смысле «свойственники», но мы Ему родные. Христос называет нас «братьями», «сестрами» Своими; и в Нем, через Него, потому что мы Его братья и сестры, мы делаемся родными детьми Бога и Отца... Мы – свои Богу; как же на это не отозваться благодарностью – активной, живой, творческой, если нужно – жертвенной? И если мы не отзываемся, если все Евангелие, как говорится в каноне преп. Андрея Критского, бессильно против нашей косности, то что может нас разбудить? Если мы на это не можем отозваться благодарностью, то мы ни на что не способны отозваться иначе, чем мгновенным переживанием, минутным умилением – и все.

Как было бы страшно, если бы в конце нашей жизни мы оказались такими, как тот нищий, который вошел в царские палаты есть и пить, которому никакого дела не было ни до окружавших его нищих, ни до слуг, все ему предлагавших, ни до самого хозяина, который просто по любви ему предложил стать домочадцем из бродяги... Апостол Павел говорит, что мы странники на земле. Он не говорит «бродяги». Странники – да, потому что наша родина на небе, то есть не где-то за тучами, а там, где Бог, в Царстве любви жертвенной, творческой, крестной, радостной. А на земле, да – мы странники; но не только. Опять-таки, как Апостол говорит, мы **посланы** Богом на землю проложить путь этому Царству Божию; мы посланы на землю уготовать путь Господень в каждом сердце, в каждом уме, в каждой воле, в каждой обстановке, среди всех событий, и чем они страшнее, тем больше нужно наше присутствие, если мы верны своему призванию.

И вот, поставлю еще раз тот же самый вопрос: а мы? А я? А каждый из нас?.. Неужели мы относимся к Богу только как к источнику всех благ? Конечно, это так, конечно, Он источник всех благ. Но неужели Он для нас только неистощаемый источник благ, к Которому можно обращаться, пока жизнь

держится в нас, и не подумав поблагодарить Его? А когда мы спрашиваем, как благодарить, Христос ясно, определенно отвечает: что вы сделали одному из этих малых, которые вас окружают, вы сделали Мне... Ответ простой, цельный, без трещины, его не разложишь, его не обойдешь. Христос не напрасно сказал: Я пришел принести меч, – меч, который разделяет свет от тьмы, правду от неправды, любовь от нелюбви, меч, чистый, как сталь. И Евангелие Божие действительно как меч; это не книга утешений, это книга творческой радости или осуждения. И все мы стоим перед этим: **что** для меня представляет эта благая евангельская весть? Как я на нее отзываюсь? – не в словах, не в чувстве, не в мыслях, а всей жизнью, и не только поступками, но целокупностью моей личности?..

И об этом нам надо спешить думать, так же как надо спешить творить добро. Спешить думать, потому что через несколько дней – Рождество Христово; мы можем принести в дар Христу новое понимание, новую готовность, положить «начало благое», о котором говорится в вечерних молитвах, вот теперь. И надо спешить делать добро, потому что одно мгновение – и уже поздно. Не поздно быть под Божиим крылом, но поздно Ему показать, что не напрасно жил и умирал Христос... В восемь часов вечера сын оставил больную, но бодрую, спокойную мать живой; когда вернулся, она лежала уже холодная. Вот что может случиться, вот что случилось с рабой Божией Елизаветой, которая сейчас лежит в гробу тут, в храме, рядом с нами. Простились на какое-то количество часов – и на земле никогда не встретятся: стало поздно. И поэтому когда прав. Иоанн Кронштадтский, повторяя слова апостола Павла, нам говорит: Спешите, **спешите** творить добро! – не надо оставаться глухими. Одно мгновение – и по отношению к **этому** человеку уже никто не сможет сказать доброе слово, совершить добрый поступок: поздно!.. Те из вас, кто знает и любит Достоевского, наверное, помнят в «Братьях Карамазовых» его короткую, с полторы странички, главу «Рассуждения об аде»⁵. Для него ад в слове «поздно»: ты уже в вечности, времени больше нет, и стало поздно, и навсегда...

Задумаемся над этим в течение следующего получаса, а затем помолимся вместе, и я, как сумею, произнесу нашу общую исповедь перед Богом в контексте того, что я сейчас говорил. А каждый из нас, во время исповеди ли, в то ли время, когда мы будем теперь молчаливо сидеть перед собственной совестью, перед собственной жизнью, перед собственной смертью – задумаемся крепко, глубоко; и придет время, когда мы переменимся. Но это надо делать изо дня в день, это надо делать с постоянством, это надо делать мужественно, бесстрашно, жестоко по отношению к себе. И только когда мы доведем до самых глубин нашей души этот ужас и эту надежду, которые переплетаются в одно горение перед Богом, мы сможем переменить нашу жизнь так, как ее меняли издревле и сейчас меняют люди Божии, – святые.

Беседы на Рождественском говении 3 января 1981 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПУТИ К ПАСХЕ

Беседа I

Мы находимся у преддверия Великого поста, и на грани между подготовительными неделями, которые только что пронесли, и самим Великим постом стоит Прощеное воскресенье, день, когда мы должны бы, уже приготовленные окончательно и бесповоротно, примириться с Богом, с самими собой и со всеми людьми вокруг нас. Подготовительные же недели, как я говорил в течение всего этого времени, заставляют нас глубоко заглянуть в самих себя. Я напому вам, о чем шла речь.

В день, когда мы вспоминаем слепого Вартимея (Мк. 10:46–52), мы должны задуматься над тем, как глубока, порой беспросветна бывает наша собственная слепота, как видимое ослепляет нас к невидимому; как отсутствие привычки честно и бесстрашно заглядывать в собственную душу лишает нас возможности видеть себя такими, какими нас видит Бог, или даже такими, какими нас видят люди; как непривычка прислушиваться к голосу собственной совести отнимает у нас возможность познать себя даже из того, что мы сами могли бы сказать о себе. И вторая черта этого рассказа заключается в том, что Вартимей искал помощи и исцеления в течение всей своей жизни, обращался, несомненно, ко всем, на кого мог хоть сколько-то понадеяться – и ни один человек его не исцелил. Только встреча со Христом вернула ему зрение. Христос оказался единственным, Кто мог дать ему прозреть. И вот в течение всей этой недели мы должны были задумываться над тем, насколько и каким образом мы слепы, ставить перед собой вопрос о том, насколько мы не видим собственной слепоты, воображаем себя зрячими, и насколько наше обычное понимание самих себя не соответствует реальности во свете Божией правды, Божией истины. За эту неделю мы должны были обратиться ко Христу и сказать: «Я слеп. Ты – единственный Свет миру – просвети! Просвети мои очи духовные, дай мне зреть жизнь, самого себя, других – так, как

Ты видишь и меня, и жизнь, и окружающих меня людей...». От этого мы не прозрели бы до конца, но мы пришли бы в полное сознание того, до какой степени мы слепы, и поняли бы, что если нас не исцелит Сам Спаситель Христос, то никто нас не исцелит, потому что окружающие нас все более или менее слепы, и все люди видят друг друга не во свете, а в полутьме. Вы, наверное, помните рассказ о том, как Христос исцелил другого слепого, как Он помазал ему глаза и спросил: Что ты теперь видишь? – и тот Ему ответил: «Я вижу проходящих людей, как деревья» (Мк. 8:24). Вот так мы видим друг друга. Редко-редко нам дается чудом отрешиться от себя самих и увидеть человека, какой он есть. И какой он есть – мы видим двояко. С одной стороны, мы видим в нем образ Божий, его вечную несмываемую красоту, с другой стороны, мы видим, порой с болью и ужасом, как этот образ осквернен и изуродован, – словно мы смотрим на икону, которая была обезображена, лишена своей первобытной красоты и славы.

Второе воскресенье напоминает нам о Закхее (Лк. 19:2–11). Человек богатый, знатный, но малого роста, он искал видеть Христа. Мы не знаем, что его побуждало, но едва ли простое любопытство, потому что оно не позволило бы ему перенести насмешки, шутки, смех окружающих людей. Представьте себе: живущий в небольшом городке богатый и знатный человек, уважаемый всем городом – вдруг, как мальчишка, взбирается на дерево. Сколько вокруг него было насмешек!.. Но Закхею было так важно увидеть Христа, хоть заглянуть Ему в лицо, что он пренебрег всем этим и победил тщеславие не каким-то подвигом, борьбой, а полным безразличием к тому, что могут о нем думать люди – так для него было важно, так необходимо лицезреть Спасителя. И он Его увидел. Из всей толпы Христос заметил только Закхея, потому что тот своей устремленностью к Нему победил в себе всякий страх перед людьми, всякий ложный стыд, перенес насмешки, поругания – лишь бы увидеть Христа. И Христос его призвал и остановился в его доме.

Тщеславие, как говорит преп. Иоанн Лествичник, это дерзость перед Богом и трусость перед людьми... Тщеславие – это такое расположение, при котором мы не считаемся с тем,

что может Бог думать о наших поступках, словах, о нашей жизни, о нашей личности, и обращены только к тому, как отзываются о нас люди. Тщеславный человек живет в страхе перед человеческим судом, и это лишает его всякого страха Божия. Это состояние не только опасное, но очень страшное, потому что еще один шаг – и за тщеславием последует гордыня.

Гордыня – это сознательное отношение к себе самому как к последнему судии, как к тому, над которым нет ни Божиего, ни человеческого суда; и это состояние, слава Богу, очень редкое среди нас. Но тщеславие нас всех в той или другой мере держит в плену. Отцы говорили о том, что тщеславие – последний враг, который может быть побежден подвигом, святостью, когда в конечном итоге **ничей** суд, кроме Божиего, для нас не имеет значения. Не в том смысле, что мы презираем человеческое мнение – ведь человек, наш ближний часто судит о нас, как Бог судит: видит в нас зло, неправду, слабость нашу и нам ее являет; а в том, что только превзойдя это состояние, мы можем стать перед лицом Христа и поставить Ему вопрос: «Что **Ты**, Господи, обо мне думаешь? каков Твой суд? не мой, даже не суд моей совести, а Твой совершенный суд, рожденный из Твоего совершенного видения меня, какой я есть?..».

Но рассказ о Закхее на этом не кончается. Христос приходит в его дом, и Закхей, приняв Христа, Ему говорит, что всю свою жизнь выправит: не только свои долги оплатит, но все, чем он других обошел, он исправит. Вот второй вопрос, который этот рассказ ставит перед нами. Да, предположим, что мы хоть на мгновение выбрали Божий суд и прошли мимо человеческого суда. Но какие плоды мы приносим от этого? Является ли такая перемена нашего внутреннего строя или состояния началом новой жизни? Она может стать началом новой жизни, только если, осознав, что над нами есть Божий суд и что человеческий суд или мнение обманчивы, мы начинаем решительно жить по-Христову. То есть если, услышав весть о Его Евангелии, благу весть об истинной жизни, мы изменяем свою жизнь так, чтобы соответствовать именно ей.

И Иоанн Креститель, и Сам Спаситель говорили: «Покайтесь» – то есть оторвитесь от земли, от соблазна, от

порабощения всему земному, и вперите свои глаза в Бога и идите к Нему... Но, – говорил Иоанн Креститель, – на пути «принесите достойные плоды своего покаяния» (Мф. 3:8; Лк. 3:8). Плакаться недостаточно, признавать свою вину недостаточно, – надо **исправить** свой путь. И не только **свой** путь выправить, но исправить по отношению ко всем людям, которые от нас пострадали, все то, что может быть исправлено. Это могут быть материальные, денежные долги, это могут быть наше поведение, наши собственные чувства и мысли по отношению к тем или другим людям. Все должно быть пересмотрено, и каждая вещь должна быть выправлена. Говорить о том, что человек покался, когда его жизнь не только не изменилась в будущем, но не исправила и прошлое, совершенно напрасное дело. И когда мы думаем о наступающем Прощеном воскресении, мы должны именно над этим задуматься. Иначе произносимые нами слова: «Прости меня Христа ради!» и ответ: «Бог простит!» являются просто ложью, лицемерием, пустотой. Легко просить прощения у человека, которого, как ты чувствуешь, ты не очень обидел, который легко тебя простит, пожав плечами. Но раньше чем просить прощения, мы должны перед собой поставить вопрос: как глубоко я этого человека ранил – не в моих глазах, в его глазах и в Божиих глазах? Как глубоко я этого человека ранил, что я ему сделал?.. И с другой стороны, когда к нам обращается человек и просит прощения, мы также должны перед собой поставить вопрос: как я им был унижен? что он сказал или сделал, от чего моя душа еще не исцелена, от чего во мне кипит негодование, от чего горечь пронизала мою душу и сердце и ум, от чего у меня нет воли ему служить, как брату, как ближнему, по-евангельски?.. Эти вопросы мы должны ставить себе заранее, а не в мгновение, когда человек подходит, – тогда уже поздно. Мы должны быть в состоянии и просить прощения, но **уже** принеся какой-то плод нашего покаяния, и давать прощение с сознанием того, что наше слово «прощаю» **нас** исцеляет, является концом ссоры, розни, что это полное, истинное примирение.

А примирение достигается только ценой окончательного отказа от себя самого. Христос нас потому мог примирить с Богом, что Он Свою жизнь отдал. На кресте Он смог сказать: «Прости им, Отче, они не знают, что творят!» (Лк. 23:34). И каждый из нас должен рано или поздно осознать, что только ценой, порой очень большой ценой мы можем заслужить прощение, и порой такой же большой ценой мы можем себя победить и одарить человека прощением, так, чтобы ничего больше не осталось между нами, кроме жертвенной, крестной взаимной любви.

Но **простить** не обязательно значит **забыть**. Не в том смысле, чтобы сохранить в памяти совершенное зло, а чтобы запомнить, что в этом человеке, которого я простил, есть некоторая слабость, может быть, еще не исцеленная, которая, если ему только дать повод, может вылиться в новую обиду, новое падение. И человека, которого мы простили, мы должны оберегать от всего того в нас самих, что могло бы его привести к новому гневу, новому греху. И то же самое относится, конечно, к нам самим. Мы должны научиться познавать в себе эту слабость, которая сделала возможным с нашей стороны нанесение обиды, унижения, боли, осквернения другому человеку, и за ней следить все время, чтобы она не прорвалась новым грехом. Вот о чем говорит нам рассказ о Закхее.

Дальше идет притча о мытаре и фарисее (Лк. 10–14). Кто из нас посмеет сказать, что он не фарисей? Кто из нас не ведет себя внешне так, чтобы заслужить человеческое внимание и уважение, и не чувствует при этом, будто он их достоин? Кто из нас, как мытарь, дойдя до дверей храма и сознавая, что это Божий удел, что это место освященное, дом Божий, что Хозяин этого дома – Господь и Бог наш, и что ничего в этом доме не может происходить чуждого или отвратного Богу, – кто из нас остановится и подумает: я не имею права вступить в этот священный предел? Как легко мы входим в церковь, быстро крестясь и обращая внимание не на Бога, а на разные мелочи: покупаем свечи, кланяемся знакомым... Разве нас охватывает трепет, ужас, который должен бы нас бросить на колени со словами: «Господи, я не имею права стоять перед Твоим

Лицом!». Да, мы дети Божии; да, Он нас принимает. Но то, как мы приняты любовью, нас только обязывает к большему, а не освобождает от должного. Поэтому задумаемся над этим.

Когда я говорю о доме Божием, может быть, надо бы сказать и о наших встречах с людьми. Каждый человек является иконой, образом Божиим, каждый из нас – обиталище, как бы храм Святого Духа. Как мы друг ко другу относимся и физически, и в мыслях, и в чувствах, и в общем нашем поведении, и как бы в основном нашем отношении друг ко другу? Видим ли мы друг во друге **святыню**? Нет, конечно не видим... Но это показывает меру нашей слепоты, это показывает, как мы далеки от обладания тем, что апостол Павел называет «умом Христовым» (1Кор. 2:16): способность мыслить, как Христос, чувствовать, как Христос, видеть так, как Он видит, Его глазами, оценивать все Его меркой... Каждый человек является храмом Святого Духа, каждый человек является иконой Самого Христа, Бога Живого, и каждый человек, христианин, крещеный, причащающийся Святых Таин, является как бы воплощенным присутствием на земле, в истории, в этот наш день, Самого Христа. Ведь причащением Святых Таин мы приобщаемся и к освященному человечеству Христа, и к Его Божеству. Зачаточно, постепенно, то больше, то меньше, в зависимости от нашей греховности, мы делаемся «причастниками Божественной природы» (2Пет. 1:4). Видя человека, мы в каком-то отношении можем сказать, что мы видели Самого Христа Спасителя. Как трепетно должны были бы мы относиться к каждому отдельному человеку! Если этот человек является изуродованной иконой, оскверненной святыней, опустошенным храмом, с каким ужасом – но трепетным ужасом, не с отвращением, а именно с трепетом, – должны были бы мы к нему относиться! Вот о чем нам говорит (между прочим, конечно) притча о мытаре и фарисее.

А дальше богатейшая притча о блудном сыне (Лк. 15:11–32). Она нам говорит о каждом из нас, но в контексте падения человека, отпадения его от Бога, потери Бога. Каждый из нас призван в отчем доме быть в таком общении с Богом, как дети – с любящим, мудрым отцом, который всю жизнь отдал на то,

чтобы о них заботиться. И кто из нас мог бы сказать, что все дары, которые ему дал Господь – и ум, и сердце, и волю, и все дарования, которые этими дарами обуславливаются, приобретаются, он посвящает тому, чтобы вырасти в полную меру роста Христова, стать в полном смысле Его образом на земле? Каждый из нас берет эти дары и говорит Богу: «Спасибо (а порой и этого не скажет), что Ты все это мне дал, а теперь я этим воспользуюсь **для себя**. Ты мне дал Божественную силу – я ее употреблю на свою пользу. **Уйду**, куда глаза глядят, буду наслаждаться всем тем, чем только могу насладиться, и ради этого истрачу, расточу все эти дары...» Каждый из нас в каком-то смысле, не словами, а поступками, настроенностью своей говорит Богу: У меня вся жизнь впереди, с Тобой я успею побыть; дай мне насладиться землей. Я купил участок земли, она **моя**. Я из нее сотворен и теперь ею обладаю, я над ней имею власть. Я ее буду возделывать, заставлю ее принести плоды, которыми я воспользуюсь... Я купил пять пар волов, у меня дело на земле, мне некогда на небо смотреть. Когда настанет старость, когда уйдут силы, тогда я успею, а сейчас дело не терпит; подожди! Ты вечен, жди, чтобы Твое время пришло... Я женился, мое сердце полно моей радости, некогда мне заниматься Твоей... Мы так грубо не говорим, но мы так бессовестно живем.

В рассказе о блудном сыне замечательное сопоставление: как он поступил с отцом, так поступают с ним друзья, знакомые. Он отвернулся от отца: «мне некогда ждать, чтобы ты умер, к тому времени моя молодость пройдет. Сговоримся: умри как бы для меня, дай мне то, что мне досталось бы после твоей смерти, и забудем друг о друге...». А в стране далекой, в стране чужой, пока у него было богатство, украденное как бы, вырванное из жизни отца, вокруг него роились люди. Но когда этого богатства не стало – отцовского богатства, не его, потому что сам он был совершенно беден, наг, пуст, – все от него отвернулось так же, как он отвернулся от отца. Разве это не бывает с нами, когда мы не **в Бога богатеем**?.. И настал для него голод, физический голод и другой: голод одиночества, оставленности, отверженности. И тогда он вспомнил, что есть

одно место, где он не отвержен, одно место, которое было **домом** для него, родным домом, и что где-то есть отец. Он стал недостойным сыном, но отец до конца остался достойным отцом. Физический голод и нужда и одиночество его заставляют прийти в себя, вспомнить об отчем доме, и он отправляется в путь с покаянием: «Прости! Я недостойн быть твоим сыном, я согрешил и перед небом и перед землей, прими меня, как одного из твоих наемников...» Но в течение всего пути он повторяет эти слова, обращая их не к какому-то чужому работодателю, а к тому, кого он все-таки продолжает называть отцом, к тому, кто поступил с ним действительно по-отечески, кто его не только родил в жизнь любовью, но кто, всю жизнь отдав для него, согласился как бы и умереть ради него, перестать существовать, лишь бы сыну было хорошо.

Разве это не наш путь? Кто из нас может сказать, что это непохоже на него?.. И отец ждал, потому что сам-то остался отцом, хотя сын перестал быть ему сыном в полном, настоящем смысле слова, в том смысле, в котором Сын Божий остается Сыном Отца Своего и в «стране далече». Потому что в нашу страну, в нашу юдоль плачевную Он пришел умирать за нас, жизнь Свою дать за нас. И когда блудный сын обращается к отцу с просьбой, вернее, с покаянием, отец не дает ему даже сказать: «Прими меня, как наемника»; потому что сделок с Богом не бывает. Мы не можем перестать быть сыновьями, дочерьми Божиими и стать Его рабами или наемниками, – рабами, которые работают из-за страха, или наемниками, которые работают только за плату. Мы не можем перестать быть тем, чем мы являемся для Него – Его детьми. И только покаянием, только возвращением к Нему – но опять-таки, творческим покаянием, не плачем «на земле далече», а возвращением к Нему – мы можем быть Им приняты. Бог не мирится с нашим падением. Бог не принимает нас на новых началах: «Ты был Мне сыном, теперь стань Мне работником». Бог требует от нас, чтобы мы были сыновьями и дочерьми Его. Отец останавливает своего сына, прежде чем тот попросился стать наемником; он зовет слуг и призывает их принести сыну прежнюю его одежду, вернуть ему старое достоинство, и

радуется его возвращению... Мы часто думаем, что возвращение нам дается легко, что достаточно сказать: «Господи, прости!» – и вернуться. **Неправда!** Надо пережить голод, который нас делает чужими этой чуждой Богу земле, не той земле, на которой мы живем, а земле греха, отчужденности, области отчужденности от Бога. Только оторвавшись от нее, можем мы вернуться домой.

А старший сын? Он говорит отцу: «Я тебе был верен всю жизнь». Разве мы можем это сказать? Он, как фарисей, был верен, только он никогда **сыном** не был, в нем не было любви к отцу. Он был действительно от рождения сыном, а по призванию – рабом, работником. Как бы нам не стать такими: благочестивыми, «достойными» – **и не** детьми Божиими...

В прошлый раз я говорил и о Страшном суде. Суд этот страшен не из-за наказания. Когда человек наказан, он как бы чувствует, что отплатил свое, что совершенное им зло теперь изглажено наложенным на него страданием. Страшен этот суд тем, что рано или поздно мы перед своей совестью или перед Лицом Господним поймем, что все, чем мы жили, было пусто содержанием, что это была мишура, пена, но что реальности в этом не было; что единственный смысл жизни был в уподоблении Христу, приближении к Нему, служении – и что мы все это пропустили. И то мгновение, когда человек это обнаруживает – самое страшное мгновение.

Завтра мы будем погружаться мыслью в плач Адамов. Да, Адам заплакал горькими слезами в момент, когда вдруг стал чужим Богу. Бог чужим для него не стал; Бог остался ему Отцом, но Адам оказался в пустыне, там, где только воспоминание о рае; и чем ярче это воспоминание, тем горше, тем острее страдание. В это мгновение он понял, он уловил, что значит быть с Богом или быть без Бога. В жизни каждого из нас бывает такое мгновение, когда вдруг мы чувствуем, что потеряли самую сущность жизни. Это бывает разное. Это бывает в разный возраст, мы этого иногда даже не замечаем с такой яркостью, с которой описывается плач Адамов. Но каждый из нас, если обернуться назад, может вспомнить о том, как в какой-то момент потухла радость. Не детская, не наивная радость, а

зрелая, глубокая; как она была потушена одним словом, одним действием, в мгновение ока, словно мы ее убили выстрелом, кинжалом, вывели Бога из области нашей жизни.

У нас всего несколько часов для того, чтобы над всем этим задуматься, потому что завтра нам будет дано в последний раз перед началом поста, который нас ведет к Страстным дням, продумать все это и решить: какова будет моя жизнь, буду ли я продолжать прозябать, ползти, или с решимостью оторвусь от того, что меня держит пленником, и буду искать свободы во Христе? Хомяков определяет свободу как состояние того, кто «стал самим собой». Но не таким, какими мы знаем друг друга и себя самих, а подлинно, истинно самим собой: светящейся, очищенной иконой Христа; больше того: храмом Святого Духа; больше того: в каком-то смысле, через крещение и причащение – воплощением, присутствием Христа.

Сейчас у нас будет три четверти часа для того, чтобы в полном молчании задуматься над самими собой. Просмотрите свои души, просмотрите свою жизнь, подумайте о том, что вы можете сделать и чем вы можете стать, и будьте готовы завтра подойти к тем людям, которых вы ранили, и попросить прощения. Если подойдет к вам кто-то, кто вас ранил, либо найдите в себе мужество простить – но простить истинно, либо найдите в себе более, может быть, страшное мужество сказать: «У меня нет сил тебя простить. Помолись обо мне, чтобы я достаточно исцелился и был в состоянии простить тебя – не словом, а всей глубиной своей души...»

Беседа II

После первой недели поста, когда читается канон Андрея Критского и мы проходим через все возможные моменты Ветхого Завета, человеческого падения, человеческой надежды, Божиего воздействия, наступает воскресенье, которое называется Торжеством Православия. И так легко нам почувствовать, что это день нашего торжества, что это день, когда мы, православные, на Божией стороне, когда, поскольку мы православные, мы в особенном положении, ибо Православие как чистота учения Христова, как совершенный

образ духовной жизни восторжествовало хотя бы в нашей жизни. И вот от этого представления нам надо сразу отделаться. Торжество Православия, в сущности, не торжество православных над инославными, даже не торжество над человеческой потемненностью, это торжество Божие над нами самими. И как мы должны быть благодарны Богу за то, что Он нас взыскал таких, какими мы являемся: в полутьме, полуслепые, тщеславные, бродящие по чужой стране, минутами к Нему бросающиеся, а потом снова Ему изменяющие, не понимающие величия ни Его, ни нас самих, ни ближнего нашего, забывшие или забывающие те изумительные моменты, когда мы близки к Богу, потому что **Он** к нам приблизился, порой в ответ на то, что мы тоскуем по Нему, даже не зная, по чему мы тоскуем, а порой – потому что **Он** приходит к нам, чтобы нас разбудить, оживить. И вот настает момент, когда мы видим, как Бог в течение всей истории человечества пробивался через тьму, через бесчувствие, через измену и находил среди людей верных последователей Себе, которые давали Ему приют на земле, предательски врученной под владычество Его противника сатаны.

Когда я упоминал о мытаре и фарисее, я говорил о том, что храм – это дом Божий, место, где Бог хозяин, место, где Он живет и куда мы допускаемся по Его милости. Это одна из поразительных вещей, которую мы перестали ощущать, которую ранние христиане, вероятно, переживали очень сильно, глубоко: что на земле, на которой Богу нет места, в обществе человеческом, где Он нежеланный, откуда Он исключен, есть какие-то люди, которые дают Ему приют. Земля, на которой мы живем, вся предана человеческому произволу, но некоторые места на ней, – храмы, – все-таки Ему принадлежат, это места прибежища для изгнанного Бога. И в этом отношении между Богом и нами какой-то удивительный союз. Какие-то люди, которые остались Ему верны, которые не побоялись стать на Его сторону, которые хотят, чтобы Он стал полностью Хозяином жизни и Строителем мира – в этом мире Ему дают приют. Человеческая вера дает Богу место в человеческом обществе и на земле. Разве это не изумительно? Разве это не может нас

наполнить глубоким умилением, благоговением – и ужасом? Бог странник, Бог – изгнанник, и есть у Него место прибежища, которое Ему предлагается человеческой верой. И Торжество Православия в этом контексте – это Божия победа над человеческими живыми душами.

Но какая победа? Когда мы думаем о победах, которые одерживают властители мира, эти победы ведут к порабощению побежденных, подчиняют их, делают подвластными. Победа Божия, наоборот, освобождает нас от рабства, – от рабства нашим собственным страстям, от рабства нашей слабости, немощи, от рабства страху. Закон Христов – закон свободы; Христос – Освободитель; победа Христова – наша свобода. И Торжество Православия – это день, когда мы с изумлением можем думать о том, что Бог всякого, кто к Нему обернется, может сделать свободным, самобытным существом, укорененным в Божественной свободе. Вот начало поста.

Не напрасно пост на некоторых западных языках называется словом, которое в наших церковных песнопениях обозначается как весна духовная. Весна, Lent⁶. Это начало жизни, это момент, когда жизнь пробивается, начинает крепнуть и доходит до своего торжества в Воскресении Христовом. Но – Боже! – какой ценой! Это не постепенное раскрытие свободы, не постепенное вырастание. Торжество Православия, провозгласившее нам Божию победу, говорит нам также о том, какой ценой эта победа одержана. Бог стал человеком, Он приобщился тварности, Он стал человеком в падшем мире и приобщился всем трагическим, разрушающим жизнь последствиям человеческой отчужденности от Бога, всем последствиям греха, – не греху, а именно его последствиям. И эти последствия – не только голод, не только усталость, не только холод, а в области человеческих отношений – не только одиночество, отверженность; это – в последнем, в конечном итоге – смерть.

Но что такое смерть? Откуда она может явиться? Единственный источник вечной, неумирающей жизни – это Бог. Как нам говорит Священное Писание, смерть вошла в мир через грех. Только потому человек стал смертным, что он оторвался

от Бога. И Сам Бог, ставший человеком, избирает путь полного общения, полной общности судьбы с нами, людьми. Он не рождается смертным, Он не умирает от **Своей** смертности. Церковная песнь нам говорит: «О Жизнь вечная, как Ты умираешь»? «О Свет вечный, как Ты угасаешь»? Святой Максим Исповедник говорит о том, что и в человечестве Своем Христос был бессмертен, потому что не может умереть человек, который всецело един с Богом... Что же случается? Случается что-то более страшное, нежели наша смерть. Христос вольно разделит всю нашу судьбу. Он стоит перед людьми непреклонно, бескомпромиссно заодно с Богом; и человечество, не только неспособное, но не желающее путей Божиих, не желающее пожертвовать своими путями ради того, чтобы выбрать только Божий путь, Его отвергает; Христос должен умереть вне человеческого града, потому что Он отвержен отпавшим от Бога человечеством. Но Он ни в какое мгновение не отделяется от человека, от человечества. И для того чтобы разделить **"до конца"** человеческую судьбу, отверженный людьми, распинаемый ими, Он должен приобщиться к последнему ужасу человеческой судьбы – богооставленности, или вернее, утрате, потере Бога. «Боже Мой! Боже Мой! Зачем Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46). В этот момент в Своем человечестве – не в Божестве Своем, – в Своем человеческом сознании Христос приобщается ко всей обезбоженности отпавшего от Бога мира, и от всей этой **нашей** обезбоженности, **нашего** сиротства, **нашей** потери Бога умирает на кресте... Это – Торжество Православия. Это торжество Божественной истины на земле, но не в словах, не в литургических формах, а в каких-то очень страшных сущностях. И когда мы празднуем Торжество Православия, мы должны помнить, что это Божие торжество над всем тем, что есть неистинного, греховного, что это вступление света во тьму земную; но **какой ценой!** И опять-таки, мы начинаем пост с сознанием такого трепетного, священного ужаса. Если бы только мы могли это пережить в какой-то достаточной мере, то праздник Торжества Православия мог бы быть для нас действительно началом весны духовной, новой жизни в нас, обновлением.

В течение следующих недель нам будут представлены образы того, что может совершить Божественная благодать над человеком, если только он станет последователем Христа, Его учеником. Мы будем вспоминать свт. Григория Паламу, преп. Иоанна Лествичника, Марию Египетскую, – людей, которые всерьез поверили Христу и захотели за Ним последовать не только мечтательно, желанием, но и решимостью, которые как бы обернулись против себя самих, победили себя во имя Христово – Христовой благодатью, но и своей решимостью.

И затем мы дойдем до Страстных дней, и тут тоже будут проходить перед нами образ за образом. В течение первых трех дней перед нами пройдет все Евангелие. Евангельские чтения будут такими обширными, что те места и события, которые при обычном чтении в течение года так далеко отстоят друг от друга, что не встречаются в нашем сознании и в нашем сердце, вдруг окажутся рядом, освещая смыслом одни другое.

А затем несколько картин.

Предательство Иудово... С каким ужасом мы думаем об Иуде! Ученик Христов предал Его на смерть. А задумывались ли мы когда-нибудь над тем, каковы **мы?** как мы изо дня в день предаем Христа?.. Конечно, не на слове, но в другом отношении. Если через крещение мы так соединились со Христом, так с Ним стали едины, что, по Его слову, Он живет в нас и мы в Нем, то каждый раз, когда мы себя уродуем, оскверняем, делаем чуждыми Христу, мы Его предаем. И поэтому когда мы будем слышать рассказ о предательстве Иуды, давайте смотреть на это предательство, как человек смотрит на себя в зеркало. Да, он это совершил. А мы, а я лично – сколько раз предавал Христа?.. И как многообразно можно это делать – в мысли, на словах, поведением, жизнью, внутренним как бы оттолкновением... Давайте задумаемся над этим и сегодня, когда мы попробуем помолчать перед лицом своей совести, и когда в Великую Среду будем вспоминать это страшное событие: ученик предал своего Учителя на смерть... Я, верующий в Него, в каком-то отношении любящий Его, в каком-то отношении преданный Ему, даже не перед лицом опасности, а перед лицом легкого соблазна отворачиваюсь от

Него, как бы думая: выйди из моего сознания, выйди хоть на мгновение из моей жизни; как блудный сын сказал своему отцу: умри, чтобы мне жить свободным без тебя...

А затем Тайная вечеря и Христово распятие. Крест, на котором умирает Жизнь. Нас ради умирает **нашей** смертью Тот, Который бессмертен, Который убит **моей** смертностью; а моя смертность вся укоренена в моей греховности. Неважно, что вокруг могут быть тысячи одинаково грешных людей. Если был бы только один грешник, его греховность – моя греховность, – порождающая смерть, убила бы воплощенного Сына Божия...

И Крест. Распятый Христос говорил: «Прости им, Отче, они не знают, что творят!» (Лк. 23:34). А знаем ли мы, что творим, понимаем ли, что делаем? Когда мы думаем о Христе, мы этого не понимаем, не можем себе представить. Но разве мы не понимаем, что делаем над другим человеком, если перенесемся мыслью к людям вокруг нас, которые несут разрушительные, губительные, мучительные последствия того, что мы собой представляем? Разве мы не можем понять хотя бы относительно, по сравнению, то, что мы творим над Христом?..

И толпа вокруг этого Креста. Молчание умирающего Христа прерывается только несколькими возгласами. Рядом – Божия Мать, Которая ни словом не перечит воле Божией о смерти Ее Сына, и безмолвствующий ученик, который любовью так связан со Христом, что может принять Его мученическую смерть, не защищая Его, предаваясь своей волей в Его волю. А вокруг фарисеи, книжники, засудившие Христа, насмехающиеся над Ним: «Ты говорил, что Ты Сын Божий – докажи! Если Ты Сын Божий, сойди теперь с креста!.. Ты говорил, что Бог о Тебе заботится, что Ты для Него что-то значишь – докажи!..» И пестрая восточная толпа. Люди, которые пришли просто посмотреть, как умирает человек. Такие и теперь бывают, для кого это зрелище, от которого содрогнется каким-то волнением их сердце, но не больше... Люди, которые с надеждой ждут: а вдруг Он сойдет с креста, и тогда безопасно быть Его учениками: Он уже победитель, Его враги расточены... А другие думают: как бы Он не сошел с креста; потому что если Он

сойдет, то мне неизбежно надо последовать Его учению, принять эту страшную заповедь о любви до конца, о крестной любви... «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Целое море переживаний и, может быть, такое же страшное море безразличия. Воины, разделяющие Его одежду, просто исполняют приказание о распятии осужденного: кто он – это не их дело...

Подумаем: где в этой толпе мы можем найти себя? Или если перенестись еще раньше, в преторию, где воины взяли Христа, чтобы поглумиться над Ним, когда они закрывали Ему глаза, ударяли по лицу и говорили: «Прореки, кто Тебя ударил?». Это нас обдаёт ужасом, но вместе с тем сколько раз я (вероятно, и вы) как бы рукой закрывали глаза Христа для того, чтобы поступить незаконно: «Закрой глаза, не видь, дай мне поступить по моей воле, я потом покаюсь...» Какая это **ложь**, какая жалкая, но жуткая ложь! «Закрой глаза, перестань меня видеть». Но если Бог меня не видит, то меня больше нет!

А потом гроб, сошествие во ад, – Бог, заполняющий Собой все; и Воскресение Христово. Да, мы можем всегда ликовать о Воскресении, потому что в Воскресении есть победа, но есть и обещание. Пока мы живы, мы можем стать в ряды тех, для кого Воскресение Христово уже является **их** воскрешением, началом новой жизни. Подумайте об апостолах: они разбежались, кроме Иоанна, **никто** не остался при Христе. И когда Христос был поведен на суд, Иоанн вошел во двор архиереев, потому что он был принят как друг того дома, где теперь должны были судить Христа, где Он должен был быть осужден на смерть. Вошел и Петр, его провел Иоанн. И Петр, который хвастался: «Если и другие от Тебя отрекутся, я не отрекусь, я с Тобой на смерть пойду!» – трижды от Него отрекся.

Если **он** так поступил, то что же я могу сказать? Мне не грозит смерть, но сколько раз я жизнью, молчанием отрекался от Христа?! Как это страшно и больно, как больно об этом думать. Когда человека любишь самой простой, дружеской или иной любовью, как стыдно бывает, что порой отрекаешься от него молчанием. О человеке говорят дурное, а я молчу; человек в опасности, а я пасую. «С Тобой я готов и умереть», – а когда

до дела дошло, три раза отрекся Петр. Однако Петр хоть расплакался, когда взор Христов на него упал; а мы изо дня в день изменяем Христу, отрекаемся не словом, а жизнью от того, что мы Его ученики, и когда Его взор падет на нас с иконы, Его голос коснется нас из Евангельского чтения, разве наше сердце раскалывается, разве слезы выступают у нас на глазах, разве плач пронизывает нас?..

Вот над чем нам надо задумываться в течение поста и Страстной седмицы. И когда мы будем стоять на службах Страстной, **где** мы будем, **кем** мы будем? С кем мы будем в этой толпе: с теми, кто надеется, что Христос победит **за** меня, и мне без труда, без страха, без усилия все будет дано? или мы надеемся, что Он не победит, и тогда я свободен, – свободен жить по своей воле, то есть по воле противника Христова? или я безразлично могу смотреть на это распятие? или я с Иоанном предстою в ужасе? или, я как Божия Мать, Которая отдает Христа с Его крестной смертью за **мое** спасение? или, как ученики, я убежал? или, как Петр, отрекся? Где я в этой Страстной?..

Я не думаю, что кто-нибудь из нас может решительно измениться, но неужели мы не переломимся хоть сколько-то, когда будем вживаться в этот Великий пост, когда в середине поста будет стоять Крест, напоминающий нам цену того, что может совершить над нами Господь, когда воскрешение Лазаря нам будет обещанием. Ведь мы знаем, **какой ценой** это обещание может быть исполнено...

Беседы во время великопостного говения.

16 февраля 1991 г., Лондон.

«ОЖИВШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ»⁷

Мне предложили темой прекрасное, глубокое определение христианина – «оживший из мертвых» (Рим 6:13), и я попытаюсь рассмотреть в меру моих сил некоторые его аспекты, хотя обращаюсь к вам со своим словом в колебании: больше, чем когда-либо, мне сегодня кажется, что вам предстоит выслушать весьма примитивные рассуждения о возвышенном.

На первый взгляд, это выражение апостола Павла как бы отсылает к Евангелию от Иоанна, будто прототип этого «ожившего из мертвых» – Лазарь. Однако даже пример Лазаря, как он ни значителен, меньше этой реальности христианина. Лазарь ожил, но он вернулся к временной жизни, вновь умер. Образ «ожившего из мертвых», который действительно в меру христианина, – это Сам Христос, и только Он.

Я хотел бы сначала остановиться на теме **смерти**. О какой смерти (и, следовательно, о каком воскресении) идет речь? Какое существо восстает из этого опыта смерти? Что делать перед лицом смерти, чтобы ожить в том же смысле, как ожил Христос?

Смерть можно встречать лицом к лицу мужественно, героически. Вспомните строки Альфреда де Виньи в стихотворении «Смерть волка»:

- : Я думал: как смешны мы в нашем ослеплении!
- : Как слабы, хоть и мним себя венцом творенья!
- : Учись же, человек, величью у зверей,
- : Чтоб, отдавая жизнь, не сожалеть о ней.

И далее, толкуя последний брошенный ему волком взгляд:

- : Он как бы говорил: «Коль и в тебе есть твердость,
- : Сумей взрастить в душе стоическую гордость
- : И стань ценою дум, и бдений, и трудов
- : Всем, чем с рожденья был я, вольный сын лесов.
- : Поверь: стенать, рыдать, молить – равно позорно.
- : Свой тяжкий крест неси и долго, и упорно.
- : Путь, что тебе судьбой назначен, протори,
- : Потом, без слов, как я, отмучься и умри»⁸

Победа ли это над смертью? Нет, это героический, прекрасный, но спорный способ встречать в лицо процесс «умирания». Смерть здесь не побеждена, не превзойдена. В одном письме из тюрьмы, написанном на Пасху, Бонхёффер говорил: «Сократ научил нас смотреть в лицо смерти. Христос же победил смерть». Об этой-то победе мы и будем говорить. Героизм, внутренняя дисциплина, величие души позволяют нам встретить лицом к лицу это событие, учат нас проходить шаг за шагом путь смерти, не сломавшись душой; но тем не менее победа остается за смертью. Сократ выпил яд, волк Альфреда де Виньи умер безвозвратно, и столько героев, замечательным образом встретивших лицом к лицу опасности и ужасы смерти, умерли смертью, которую можно было бы назвать окончательной! Героизма тут недостаточно. Есть коренное различие между тем, чтобы смотреть в лицо смерти, и тем, чтобы победить смерть.

Романо Гуардини в небольшой книжечке под названием «Les fins derni eres»⁹ подчеркивает факт, который мы слишком часто забываем: мы бесконечно ближе знакомы со смертью, чем нам думается. Смерть и жизнь переплетаются и составляют одно целое. Всякое перерастание, всякий жизненный порыв, который приводит нас на высший уровень, который действительно приближает нас к Богу, всегда сопровождается смертью. Ребенку нелегко стать юношей или девушкой. Некоторые детские черты должны действительно «вымереть», дабы юноша или девушка не были отмечены инфантильностью, так же как позднее взрослому человеку следует не замыкаться в вечной юности, но перерасти ее. И ради того, чтобы вырасти в полную свою меру, зрелому человеку придется отказаться от многих привлекательных черт, которые он хотел бы сохранить, но которые все равно ускользнут, потому что юность – состояние преходящее. На каждом уровне, в каждый момент нашего внутреннего или внешнего развития смерть присутствует не как разрушительная или убийственная сила, но как сила, которая нас освобождает, позволяет нам стать иными, чем мы были в предыдущий миг. Так что у нас есть опыт близости со смертью; и если продумывать его каждый день, если

переживать его сердцем и умом, если принимать его со всей глубиной, которую смерть приобретает в различных ситуациях, эта близость могла бы научить нас встречать смерть спокойным сердцем, потому что это – реальность, которую мы встречали изо дня в день в течение долгой ли, короткой ли жизни, и потому что из этого привычного нам события всегда возникала новизна жизни, оно оказывалось не концом поприща, а началом нового пути. Разумеется, есть смерть биологическая, но есть также то, что Романо Гуардини называет «смертью биографической», – смерть, которая гораздо страшнее телесной: она-то может оказаться победой, миром, высвобождением. Биографическая смерть имеет иной характер и может **тянуться** долго; это смерть переживших себя существ: они потеряли разум, но телом продолжают оставаться среди нас. Люди, которые были великими, служили примером, – уже больше не могут жить со всей напряженностью и глубиной в меру достигнутой ими зрелости. Приходит время, когда смерть предстает нам в трагичности старения, как беспощадный упадок и вырождение, в уверенности, – ложной, но столь болезненной, – что смерть означает постепенный распад, превращение в прах, означает, что мы стали ненужными, лишними для нашего окружения, быть может, задолго до того, как настоящая смерть принесет нам свободу, – свободу встать перед Богом живой душой. Сколько знаменитых людей были забыты задолго до своей кончины! Они завершили свое дело и были преданы забвению. Наша ответственность перед лицом этого уродливого, отталкивающего постепенного умирания велика, потому что человек становится лишним, если его сочтут лишним ближние; нас обходят, отстраняют те, кто прежде нас окружал, и в результате у нас впечатление, что наша жизнь окончилась задолго до того, как пришла смерть. Тут есть ответственность общественная, человеческая, христианская, которую мы должны взять на себя; мы не имеем права отбрасывать кого-либо по причине его кажущейся «ненужности».

Если позволите, я вам дам пример, хотя он не в уровень моей темы: я вам расскажу о своей бабушке, которая достигла почтенного возраста девяноста пяти лет. Однажды, после

тщетных усилий вымыть посуду, она ее выронила. Она позвала меня, показала осколки и сказала: «Почему Бог дает мне жить? Я уже никуда не гожусь». Помню, в ответ я привел ей две причины, которые мне действительно кажутся законными. Первая: у Бога наверняка уже столько старушек, что еще одна уж действительно может подождать; но вторая была, вероятно, более важна с точки зрения человеческой, – я сказал бабушке: «Знаешь, многое ты не умела делать так же хорошо, как другие, или лучше их. На протяжении твоих девяноста пяти лет, несомненно, были люди, которые умели лучше тебя мыть посуду. Но есть одно, чего не умел делать никто, кроме тебя, и это тебе удалось». Она с интересом насторожилась и спросила: «Что это?» – «Никто, кроме тебя, – ответил я, – не сумел быть моей бабушкой». Оно звучит шуткой, когда я вам это так передаю. Но это действительно имело значение для этой женщины; она будто открыла в себе что-то настолько неповторимое, чего не могли задеть ни возраст, ни дряхлость, ни старость со всей ее силой разрушения.

Так что трагизм смерти не в том, что в какой-то день мы окажемся перед лицом физической смерти, а в том, что задолго до того мы уже мертвецы среди... я хотел сказать – живых. Живых ли? Увы, нет! Мы – мертвецы среди существ, которые еще не научились жить, различать подлинную меру жизни, горение жизни там, где оно есть. В конечном итоге, даже если биологически мы остаемся живы, смерть представляется растущим разделением, трещиной, которая все расширяется и делает нас все более и более чуждыми друг другу. И все кончается видением ада Ветхого Завета. Этот ад не имеет живописного характера дантовского описания. Это не место изощренных мучений, где Бог присутствует во всей жестокости Своего оскорбленного Божества – уродливая карикатура истинного Бога. Это – место где Бога нет. Это место радикального отсутствия Бога, место, где ничто нас больше не соединяет друг с другом, потому что лопнула нить, соединявшая жемчужины, потому что Бога нет, – и мы, как следствие, разделены друг от друга. И тогда ад – это другие, ад – это мы с вами, это та неисцеленная разобщенность, к которой

мы приговорены навечно. Вот **этой-то** смерти больше нет во Христе, **этот** ад побежден во Христе. В пасхальном тропаре мы поем, что Христос победил смерть, и многие – не только среди неверующих, но и среди верующих – могли бы сказать, имеют право спросить: «Что означает это странное выражение? Смерть все еще царствует, она косит среди нас одного человека за другим, мы все отмечены ее печатью, мы все умрем! Что вы хотите сказать, когда поете воскресение и победу над смертью?» – Победа над смертью состоит в том именно, что Своей смертью и Своим сошествием во ад Христос внес присутствие Божие в то именно место, где царило полнейшее Его отсутствие. Нигде – ни на небе, ни на земле, ни в глубинах духовных бездн – нет места, где отныне не присутствовал бы Бог. Ад раскрылся, чтобы поглотить человеческую душу, и принял в свое лоно Живого Бога. Эта человеческая душа блистала Божеством, и она уничтожила «шеол» – «место отсутствия», она его уничтожила до конца, упразднила его. Итак, если можно сказать, что Сократ научил нас глядеть в лицо смерти, то Один лишь Христос победил смерть в ее последней сущности. И она побеждена навсегда.

Отныне и в самой смерти и в ее восприятии есть чрезвычайно положительные элементы. Смерть – миг, где все становление, вся тревога и долгий переход, и волнение, и борьба с временным, со всем тем, что обратится в прах, – окончены. Смерть – момент, когда мы можем сказать: **все свершилось**. И мы можем войти в тайну смерти еще прежде чем наше тело начнет дряхлеть; это – тайна, куда мы можем войти свободно всякий раз, когда понимаем, что все уже совершилось в жизни, в смерти, в Воскресении и Вознесении Христа и в даре Святаго Духа. Тогда становится понятно, что возвещает Евангелие: мы уже внутри Царства Жизни.

Один английский автор обратил внимание на тот факт, что в Апокалипсисе слово «конец», которое должно быть среднего рода, всегда употребляется в мужском роде. И вот как он это объясняет: автор Апокалипсиса не думает о конце как о завершающей точке линейного времени; для него конец – это приход, это встреча со Христом, с Богом Живым. Конец – не

только миг, когда все завершено-окончено; все завершено, потому что все достигло своей **полноты** в лице Богочеловека. Христос – конец и в смысле последнего момента, и в смысле цели и завершения. Мы слишком часто забываем, что живем уже во временном ряду, который вышел за пределы линейного времени, хождения ощупью в полумраке Ветхого Завета, подобного цикличному времени внебиблейских религий. Мы живем во времени, где все уже завершено: Царство пришло во всей своей силе, Христос – в нашей среде, Дух Святой излился на апостолов и, через них, излился на нас в непрекращающейся Пятидесятнице. Конечно – и я к этому еще вернусь – мы ожидаем Парусии, славного Второго пришествия Господня, но Он **уже** пришел, мы **уже** в Царстве; Царство пришло во всей своей силе, оно уже не только предмет нашей надежды и веры.

Подвижники древности упражнялись в «памяти смертной» и заповедали то же своим ученикам: «Помни последняя твоя». «Имей память смертную», – говорит нам вся аскетическая традиция. Когда приводишь эти слова современному человеку, он отвергает их: «Как? Неужели я всю жизнь, всю мою долгую человеческую жизнь должен провести в ужасе грядущей смерти? Неужели все радости должны быть отравлены уверенностью, что они окончатся? Неужели надо страшиться потерять все, что мы любим, и помнить, что любая красота мимолетна, истлеет? Неужели вся вселенная сводится к «Падали» Бодлера?» – Но это ли имели в виду подвижники древности, когда призывали нас постоянно помнить о смерти? – Думаю, нет. Смерть – единственное, что может заставить нас вырасти в меру жизни. Без нее жизнь могла бы стать столь мелкой и ничтожной! В тот момент, когда перед нами встает смерть, когда она входит, например, в наш дом, – все приобретает истинно человеческий, то есть богочеловеческий масштаб. Подумайте о том, что происходит, когда один член семьи узнает, что смертельно болен. Смерть рядом, ее образ нельзя отстранить, она неотвратимо нарастает, она постепенно побеждает. Подумайте об этой семье, где не только кто-то один знает, что обречен, но где это знает и его окружение! Смерть может прийти внезапно, и отныне произнесенное вами слово

может быть последнее, что услышит больной. Может быть, на вашем поступке упадет занавес, на нем окончится для больного «человеческой жизни празднество», как поется в Покаянном каноне. Времени исправить что-либо не остается, нельзя сказать себе: пока что я пишу черновик жизни, позднее я перепишу ее начисто. Времени нет, смерть может унести одного из нас, и останется только сожаление, отчаяние, которое, правда, может быть превзойдено верой, опытом Бога, молитвенным общением со святыми и безграничным взаимным снисхождением грешников, когда они признают свою общую слабость. Но для того, у кого нет веры, остается лишь отчаяние, остается только прошлое. Потому-то лишь сознание смерти дает всему и всем подлинную ценность. Один из наших православных священников, теперь покойный, сказал как-то в проповеди: «Лишь Дух Святой в Своем Божественном величии может усмотреть бесконечную ценность вещей слишком мелких для того, чтобы быть замеченными людьми». Да, то, как вы ставите чашку чая на поднос; то, что вы не забудете салфетку, цветок; движение, которым вы все это поднесете, слово, которое вы скажете; то, что вы найдете время присесть возле человека, которого ждет смерть, когда он одинок, – все, вплоть до самого незначительного жеста, может стать символом и выражением глубины человеческих отношений, общения в Боге, которое может быть между двумя людьми. Все это возможно только перед лицом смерти. Только она может подсказать: это слово, этот жест должны быть вершиной, полнотой ваших отношений, должны стать тем последним словом, последним жестом, который даст вам вырасти в меру величия жизни и величия смерти. Столько людей не умеют жить, не могут жить, потому что не достигают этого сознания смерти: они не то что боятся, а все время как бы отодвигают смерть в далекое будущее, вне досягаемости, так что никогда не осознают всей меры своего человечества. Этой полной меры мы можем достичь, только если обнаружим величие нашего человечества, сопоставив его с вопросами столь же глубокими, каковы человеческие глубины. Тогда обнаруживаешь, что эти глубины – не только в меру человека, но в меру Бога. «Я столь же велик,

как Бог, Бог так же мал, как я», – сказал Ангелус Силезиус в одном из своих двустий. Во Христе они соединены. Через Воплощение мы знаем, что человек достаточно велик, чтобы вместить полноту Божества не только в духе и в душе, но и во плоти. Вот – мера человека.

Я позволю себе еще один пример, который вам, несомненно, покажется ниже того, о чем я говорю, но который, вероятно, **в мою** меру.

Однажды при бомбардировке во время войны я был с матерью в нашей квартире на четвертом этаже дома. Мы не обращали внимания на бомбежку, мы предпочитали рухнуть с четвертого этажа, нежели быть погребенными под весьма ненадежными сводами нашего подвала. В какой-то момент моя мать предложила приготовить странную бурду, которая тогда называлась чаем, и отправилась на кухню. Я услышал грохот и страшный крик. Я бросился на кухню, ожидая худшего, и нашел свою мать на четвереньках на столе; она с ужасом смотрела в угол и говорила: «Вот, вот, она там!» А «там» действительно был предмет ее ужаса: мышь.

Так вот, большая часть нашей жизни проходит в схватках с мышами. Мы не умеем встать во весь рост перед этими мышами, мы делаемся маленькими, в их рост... пока нас не съест кошка.

Итак, сознание смерти несет с собой острое чувство жизни, особенную чуткость к динамике жизни. Только «память смертная» делает нас вполне человеческими, мы вырастаем «в меру смерти», а значит, в меру жизни. Вне этого мы бываем «в мышиный рост», и есть опасность, что никогда не вырастем. Напротив, через смерть, через осознание смерти мы обнаруживаем, что Христос – конец и завершение, полнота и исполнение – уже пришел; и что мы уже теперь – внутри Его победы, а не в ожидании будущей, недостоверной победы. И мы видим, как эта уверенность, что Царство уже пришло в силе, в некоторых ситуациях может выражаться чрезвычайно конкретно.

Вспомните слова апостола Павла в шестой главе Послания к Римлянам, – отрывок, который Церковь читает при крещении: в крещении мы умираем со Христом и встаем, обновленные

Его воскресением, к новой жизни; это уже не прежняя жизнь, но жизнь, разделенная со Христом: мы привиты к Нему, мы получаем живительный сок; более того, мы становимся **одно** с Ним на такой глубине, с такой силой, что святой Ириней Лионский мог сказать: в единстве с Ним мы будем когда-то «единородным сыном», а не просто собранием, сообществом. Потому что мы не только имеем отношения с Богом, но находимся в онтологическом единстве с Богочеловеком. В этом смысле крещение есть семя вечности. Поэтому-то и говорят о крещении, о миропомазании и о причастии Телу и Крови Христа, к которому Он впервые позволяет нам приступить, как о «посвящении»: это начало нашей жизни во Христе, в Боге, – то есть не просто высшей жизни, но жизни в корне новой, самое качество и существо которой – **иные**. Покаяние, обращение составляют, таким образом, полный поворот, «живительную смерть», благодаря которой мы говорим: теперь я стал чужд греху, которому поклонялся и служил, который любил, которому я отдался. Я стал ему чужд, я больше его не желаю, я хочу принадлежать одному Богу... Это – «живительная смерть» потому, что это – смерть для ложной жизни греха, это – смерть для смерти; нам предлагается и предстоит подлинное обновление. То же самое содержится в монашеских обетах, когда мы отбрасываем тьму, – временное, относительное, – для того чтобы радикальным подвигом прилепиться только высшему, совершенному.

Я говорил о смерти несоразмерно долго относительно предложенной мне темы. Но об этом никогда не говорится, а тема смерти важна для понимания жизни. Я хотел бы теперь сказать несколько слов о реальности, которая присутствовала во всем, что я говорил о смерти, но чего я хотел бы коснуться непосредственно: **связь Христа и смерти**. То, что я скажу, – быть может, слишком лично. Я это пережил, это покоится в самой сердцевине моего понимания жизни, и я хотел бы поделиться этим с вами, – а вы вольны отбросить это или продумать лучше.

Когда я читаю Евангелие, меня поражает полная, предельная солидарность между Христом и нами.

Христос родился в тварный мир, со всеми ограничениями тварности. Он родился в падшем мире, в его ограниченности и ужасе. Он взял на Себя, принял в Себя все последствия греха: голод, жажду, усталость, тоску, боль. Он был отвержен. Он умер. И, поскольку Он вошел в этот наш мир, где жизнь и смерть нераздельны, нам кажется почти естественным, что Он, будучи человеком, тоже умирает. И, однако, это совершенно непостижимо. Непостижимо не то, что Христос воскрес, а то, что Он умер. В самом деле: смерть можно рассматривать только как результат – ужасный, уродливый, невозможный – нашей отделенности от Бога. Об этом говорят и апостол Павел, и Ветхий Завет; тема смерти связана с темой греха, который есть отделенность от Бога и, следовательно, от людей. Но Христос – Бог, ставший человеком. Следовательно, Он – сама жизнь. С самого момента Своего зачатия Он бессмертен, поскольку в Нем человечество нераздельно и навсегда соединено с Божеством. Когда мы поем в службе Страстной недели: «О, Жизнь вечная, как Ты умираешь? О, Свет вечный, как Ты заходишь?», – это не поэзия церковная: мы говорим нечто богословски абсолютно точное. Бессмертный в самом Своем человечестве, Христос – среди нас. Как же может Он умереть?

Он умирает свободно, «вольной волей» принимая смерть, – не потому, что она была естественным следствием Его воплощения, а добровольно, из любви к нам отдавая Свое человечество, которое за пределом умирания, во власть невозможной, чудовищной смерти. Христос умирает. Мучительство смерти раздирает Его тело, пронизанное Божеством, от Его души, также пронизанной Богом. Его тело нетленно во гробе: Он за пределами тления, которое познаем мы, потому что Он – неразлучен от Божества. И Христос сходит в глубины ада в блистании Своего Божества, которое вмещает Его человеческая душа. Как же может смерть коснуться Христа? – Это возможно, потому что непостижимым действием, превосходящим всякое воображение, перед которым мы можем только умолкнуть и пасть к ногам Божиим, Христос хочет разделить с нами не только наше человечество, но и все последствия греха, тяготеющие на нас. А умереть можно, только

потеряв Бога, – иначе смерти нет. Умереть можно, став в своей природе безбожным, в этимологическом смысле слова. И, значит, Христос умирает, разделяя наше состояние обезбоженности, нашу потерю Бога. Он соглашается на полную солидарность с нами, – не только всей Своей жизнью, но и всей Своей смертью. Он стоит перед Богом **вместе** с нами, а не только **за** нас. Он – один из нас. Он соглашается стать не только Мужем скорбей, но принимает и осуждение, ибо «проклят всякий повешенный на дереве» (Втор. 21:23), то есть на кресте. Он отвергнут Богом, потому что захотел быть единым с теми, кто через грех потерял Бога; и Он отвергнут людьми, потому что пожелал быть и был един с Богом, – единственный совершенный Свидетель, свидетель Божий среди рода, который отвернулся от Бога и не признавал иного царя, кроме кесаря. Он умирает нашей смертью. И поэтому-то Его смерть может стать нашей жизнью. На кресте Он умерщвляет нашу смерть. Он берет на Себя тяжесть всего проклятия, всего ада человеческого, и постольку, поскольку Он все разделил с нами, Он может нас исцелить; поскольку Он все победил, Он может даровать нам свободу детей Божиих. Сошествие во ад, которое мы видим на иконах Воскресения, о котором говорит апостольский Символ веры, – не только литературный образ, это – реальность. Христос умирает, потеряв Бога: «Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты Меня оставил?» – и сходит туда, куда сходят все, кто умер от разлуки с Богом, в «шеол» – в место вечного, радикального Его отсутствия. Но здесь-то просиявает слава Его Божества, потому что согласившийся на разлуку от Бога был Богом! Ад побежден, нет больше «шеола», – нет больше места, где бы не было Бога. Фраза псалма: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там: сойду ли в преисподнюю – и там Ты» (Пс 138:7–8), – до прихода Христа это выражение было, вероятно, неразрешимым парадоксом, поскольку ад тем и определялся, что это – место, где Бога нет. Теперь мы знаем, что выражали эти слова: Бог сошел в самые глубины не только нашего падения, но и нашей потери Бога и нашей оставленности Богом;

Христос оказался там, куда мы никогда больше не попадем, потому что ад, которого Он вкусил, больше не существует.

Но как мы соединены с Ним? В силу чего-то, что относится ко Христу, относится и к нам? Эта онтологическая солидарность – следствие прямого Божественного решения в соответствии с тайной любви, милосердия, а в любви есть одновременно и радостное, и жертвенное измерение. Некоторые из нас, несомненно, уже теряли дорогого человека, кого они любили больше всех. В такие моменты мы знаем, что пока этот человек, его боль, его мука жгут нам сердце, – мы больше не принадлежим полностью окружающему нас миру. Мы убегаем от того поверхностного смеха, который принимали ранее; мы не можем продолжать жить поверхностно; мы хотим жить глубоко, в сознании величия смерти и жизни. Да, тогда оказывается, что мы не принадлежим полностью этому миру, мы уже причастны будущему веку. Мы отчасти находимся там, где теперь человек, которого мы любим. Все, что, как мы знаем, было причиной его смерти, – становится нам чуждым, и мы отворачиваемся от этого. Но, если подумать о Христе, – мы знаем, что Он умер от нашего греха, и если бы мы умели любить Христа, мы стали бы чуждыми убившему Его греху. Мы действительно пустились бы в поиск высшего, стали бы странниками на том пути, на который прежде нас вступил Тот, Кого мы любим больше всего, – Христос, – куда вступили все те, кто нам действительно дорог и уже ушел от нас. Вы, вероятно, помните место из «Спящего Вооза» Виктора Гюго:

: Но, разлученные, мы с нею слиты все же:

: Она во мне жива, а я почти мертвец¹⁰

Вот куда приводит нас смерть каждого человека, который нам дорог. Мы все меньше привязаны к временному, то есть, в конечном итоге, к призрачному, и все больше должны укореняться в вечном и незыблемом. И когда имя любимого – Иисус Христос, если Он – Муж скорбей, Тот, Который нас так возлюбил, что умер за нас и захотел – Он, сама Жизнь, – умереть нашей смертью, чтобы влить в нее Свою жизнь, – может быть, тогда мы начинаем понимать, хотя бы отдаленным чутьем, как святые могли забыть все, отрешиться от всего,

оторваться, освободиться и жить дальше на этой земле свидетелями вечной Жизни, уже опытно им известной, с полнотой, которая нам недоступна.

Конечно, слово «любовь» мы употребляем на тысячу ладов и большей частью неуместно. Мы произносим: «Я люблю клубнику со сливками» так же легко, как говорим: «Я люблю тебя» – Богу или той, которую мы избрали. Однако во всех этих случаях значение слова «люблю» совершенно различно. Оставим пока клубнику со сливками, оставим и Бога: подумаем о человеческих отношениях. Как часто, когда мы говорим «я тебя люблю», «я» – огромно, «тебя» – совсем маленькое, а в «люблю» нет ничего динамичного. Можно было бы, вопреки грамматике, сказать, что это простой союз, или, вернее, крючок, который позволяет огромному «я» подцепить и держать в плену то малюсенькое «тебя», которое имеет несчастье «быть любимым». Как часто в семьях, в человеческих отношениях, – в порыве честности или при вспышке досады, – мы бываем готовы сказать: «Люби меня поменьше! Дай мне свободу, дай мне покой, дай мне быть самим собой, я хочу дышать, я – пленник твоей любви». Начиная с этого малого, убогого уровня, мы можем расти, мы можем через все углубляющиеся, утончающиеся, расцветающие отношения постепенно обнаруживать, что «тебя» тоже имеет личность; что у него есть лицо, взгляд, душа, чувства, что глубже того, что нас привлекло поначалу, в этом «ты» есть вся человеческая тайна, где обитает Бог. Тогда «я» начинает умаляться, а «ты» расти, – между ними устанавливается своего рода равенство, равновесие, подлинные отношения: слово «любить» вместо того, чтобы означать простое обладание, выражает живое отношение, обмен, где и даешь, и получаешь. И если это отношение углубляется, если наш опыт любви становится тоньше и возвышеннее, тогда постепенно совершается чудо: тот, кто сначала думал только о себе самом и о обладании другим, – все больше забывает о себе. Он забывает о себе до такой степени, что в конечном итоге даже не может вспомнить о своем собственном существовании, потому что существует только любимый. Это мы находим в отношении Бога к нам, Христа по

отношению к нам. Христос стал рабом среди рабов, мертвецом среди мертвецов, осужденным среди осужденных, Он Себя забыл до конца, Он отдал Свою жизнь, истощил Свое величие и великолепие, лишь бы мы – мы-то! – смогли вырасти в Его меру.

Мы, при всех наших взаимоотношениях, стараемся самоутвердиться. Мы настойчиво ищем признания, хотим, чтобы наше существование было принято, хотим места под солнцем – и тем самым встречаем отвержение, потому что наш ближний тоже хочет своего места, – а часто и нашего! Так что большинство отношений содержат напор, утверждение, настояние: «Я хочу, чтобы ты меня видел, я хочу, чтобы ты меня принял». В отношениях любви это требование излишне, потому что меня утверждает другой; следовательно, мне нет нужды утверждаться самому. Я существую, потому что я любим, – а не потому, что требую признания. Пшеничное зерно – твердое, ограниченное, окруженное оболочкой – образец целостности, где невозможны **отношения**. Это зерно должно умереть, раствориться, чтобы стать способным на существование, которое Христос описывает в Евангелии Своим словом и Своим Образом. Утверждаемые Богом, мы можем жить. Утверждаемые взаимной любовью, мы можем не сомневаться в вечном бытии. Габриэль Марсель писал: «Сказать кому-нибудь: «Я тебя люблю» – то же самое, что сказать: «Ты никогда не умрешь»". Это **отношение** – через крещение, причастие, общинную жизнь, общение святых и трагическую, мучительную солидарность грешников, сознающих себя таковыми – это-то **отношение** и составляет наше единство, выражает нашу жизнь во Христе и позволяет нам жить в Нем. Христос, соединивший нас в Себе, призывает нас жить Его жизнью. Он предлагает нам полноту вечности, – но, вместе с тем, пока мы живем на земле, – наша судьба может быть лишь судьбой Христа: «Как Меня послал Отец, так Я вас посылаю, – как овец среди волков» (Мф. 10:16). Христос уже пришел, все уже завершено, – но это завершение должно проявиться через нас динамически, через борьбу, устремленность, которая престанет лишь с пришествием Христовым. Мы тоже должны принять слово Христа,

обращенное к Иоанну и Иакову, когда они просили у Него сесть по правую и левую руку от Него в Его Царствие: «Можете ли пить чашу, которую Я буду пить?» (Мф. 20:22) – то есть, готовы ли вы погрузиться в тот ужас, который отныне принадлежит Мне, Страсть, крест, смерть, сошествие во ад?.. Эти вопросы Он ставит всем нам: готовы ли мы отозваться? Мы не можем принять все это, если не прикоснемся хотя бы края, грани вечной жизни. Потому что погрузиться в смерть, не имея предвкушения вечной жизни, нам страшно; мы не сумели бы этого сделать...

Если мы – христиане, мы должны **опытно** знать, что жизнь победила смерть, что мы воскресли, что мы разделяем со Христом все, что Он есть, потому что Он разделил с нами все, чем являемся мы. Мы, христиане, – люди Незаходящего Дня, Восьмого Дня. Мы уже принадлежим грядущему Царству. В Литургии есть абсурдное как будто выражение, которым мы просим у Бога дать нам участвовать **сегодня** в Его **грядущем** Царстве. Грамматически – это безумие. Но это – безумие Креста, безумие Евангелия, безумие христианского опыта. Мы **знаем**, мы **уже** знаем, мы не могли бы совершать Евхаристию без этого знания, мы не могли бы благодарить Бога за всю человеческую историю перед лицом ее ужаса и трагизма. Не актом доверчивости, но в таинстве веры мы знаем, что победа **уже** одержана, что всякое страдание **уже** побеждено, что всякая смерть имеет смысл, что всякая трагедия не то что превзойдена, а включена в богочеловеческое становление, где она обретет вечный смысл. Мы уже можем сказать с мучениками, которых упоминает Апокалипсис: «Ты был прав, Господи, во всех путях Твоих...» (Откр.15:3). Только при этом условии мы можем во всей правде совершать Евхаристию, высший акт благодарения. Иначе – берегись! Как бы Евхаристия не стала действием, которым мы благодарим Бога за то, что сами не выстрадали того, что выстрадали другие. Как бы не оказалось, что мы в состоянии благодарить Бога за человеческую историю, лишь забыв о ней.

В Евангелии мы не раз видим, как Христос совершает чудеса в субботний день. Поступает ли Он так, чтобы вызвать

соблазн, чтобы создать неприемлемую ситуацию? Или – в целях Божественного научения? – Думаю, нет. Мне кажется, седьмой день – суббота является тем, что один католический богослов назвал «днем человека». В седьмой день Бог почил от всех дел Своих; но Он поручил человеку завершить Его дело творения, привести весь тварный мир к полноте Восьмого Дня, то есть грядущего Царства. И Иисус, истинный Человек, становится «Господином и субботы» и призывает нас войти в этот «день человека» людьми Восьмого Дня. Он призывает нас **знать** среди этого исторического времени, которое многим кажется полумраком, где идут ощупью, Он призывает нас **быть** – и не в прошлом, и даже не в настоящем, – а в будущем. Наше дело, дело христиан, – завершить субботу. Ради этого Сын Человеческий и становится Господином и субботы. Это наше делание, это наше призвание подразумевает ответственность на всех уровнях: свершение нашего призвания по отношению к Богу – человеческого, личного и коллективного, совершение по отношению к миру человеческому, – за который мы ответственны (кажется, Ламенне сказал, что христианин – это человек, которому Бог поручил заботу о других людях), свершение по отношению ко всему земному космосу, всему громадному творению. **Бог вручил нам Свою субботу.** В этой-то перспективе мы призваны быть живыми, воскресшими из мертвых; мертвыми мы были и отчасти такими остаемся; воскресшими мы должны быть не в том смысле, что смерть нас не коснется, а в том, что мы уже – за пределом разлуки от Бога, за пределом разделения от людей, и что мы на земле, как община любви, – эсхатологические свидетели, свидетели Царства, которое будет, которое уже есть тайна Бога, ставшего всем во всем и во всех.

Ответы на вопросы

– Слушая вас, представляется, что отсутствие Бога есть отсутствие бытия. Можно ли сказать, что одни войдут в вечное блаженство, а другие будут вечно страдать от отсутствия Бога?

– На первую половину вопроса я отвечу, заменив слово «бытие» словом «жизнь»: отсутствие Бога – это отсутствие жизни. Можно существовать вещественно, физически, – но быть мертвым среди мертвецов, погаснуть душой, быть в числе тех, кто никогда не ощутил биение жизни, ее творческий напор, в конечном итоге – тех, кто никогда не заметил, что полнота жизни называется любовь и что любить – это отдать свою жизнь. Я не хотел бы возвращаться к тому, о чем уже говорил, но думаю, что важно понять: на языке Писания и в опыте Церкви любовь – не чувство, не эмоция, – это степень жизни, полнота, которая способна отдаваться бесстрашно.

Что касается вечного блаженства и ада (вопрос об этом ставят часто), то, я думаю, на него нет абсолютно исчерпывающего ответа. Мы скорее имеем право **на все надеяться**, чем высказывать непоколебимые **убеждения** по этому поводу. Существует мнение, что все спасутся; я думаю, об этом нельзя говорить как об «уверенности веры»: можно лишь считать это «уверенностью надежды». Мы можем с надеждой ожидать всего от бесконечной и неисследимой Премудрости Божией; мы не знаем путей Божиих. Мы не знаем, как Он, взявший на Свои плечи бремя, тяготу всего мира, – сумеет в конечном итоге привести нас к вечности.

Тема последнего Суда представляет определенные трудности. Часто мы воображаем его как повторение частного суда. Каждый из нас вновь предстанет перед Богом, и в напряженной, драматической ситуации будет произнесен окончательный приговор. Но обязательна ли такая картина? Нет ли коренной разницы между частным судом и Страшным судом? Не предстанут ли на последний Суд перед лицом Божиим целые страны и народы – в своей славе, но и, вероятно, несомненно, в своем позоре?.. С другой стороны, когда все человечество

встанет перед Богом, – один из нас, людей, будет Человек по имени Иисус из Назарета. Он называет Себя – Братом нашим, Он – один из нас. Если Он – наш Судья, то Он же – и наш Защитник. Его крест не есть ли, по слову одного из Отцов, «суд над судом»?

Тема Страшного суда ставит множество вопросов, углубиться в которые сейчас у нас нет возможности. Новый ад? – Что мы имеем в виду? Место мучения? Или все тот же ад разлуки от Бога, отсутствия Его познания? – Не знаю. Мне кажется, что нам следует сохранять равновесие, колеблясь между правдой («ничто нечистое, ничто недостойное Бога и человека не войдет в Царствие Божие») (Откр. 21:27) и надеждой, – потому что зло должно быть побеждено и может быть побеждено Богом, Христом, Христом в нас, в Его единстве с верными Ему людьми. Рай не может быть водворен насильственно, ибо любовь – это свобода, и Рай – полнота любви-свободы. Премудрость Божия глубока, как и Его любовь к людям, и мы имеем право (я бы даже сказал: **мы обязаны**) **на все надеяться**. Перечитайте гимн любви у апостола Павла (1Кор. 13:4–8).

– Бог внес жизнь в ад. Но тот, кто заслужил ад, кто уже познал ад, – как может он после телесной смерти познать Жизнь?

– Мне кажется, нам следует научиться воздерживаться и не произносить суждения – ни о других, ни о самих себе. Сказав: «тот, кто заслуживает ад», – мы кого-то осуждаем (порой, самих себя), и нам представляется, будто такое суждение благородно и справедливо: будто мы знаем достаточно, чтобы вынести такое суждение. Это – не так. Мы, может быть, достаточно знаем собственное достоинство, но недостаточно знаем пути Божии, Его мудрость и Его милосердие. «Я заслуживаю ад» – фраза, которую я считаю богословски ложной; она предполагает право судить – право, принадлежащее Одному Богу. Что касается знания ада, – нам известно, что некоторые святые пережили этот опыт; но кто из нас посмел бы сказать подобное о себе? Когда мы говорим об «аде» человеческой жизни, об «аде» в обществе, о «кругах ада» на земле, – мы говорим все-

таки не об аде. Ад – даже оставляя в стороне образ полного, радикального отсутствия Бога, – момент, за которым **нет ничего**; это предел пути, который можно бы обозначить словом Достоевского: «Слишком поздно! Теперь я все понял, я прозрел, я бы сделал все, что надо, – и я обнаруживаю, что слишком поздно: поздно любить, поздно понимать, поздно действовать». В этом и будет трагедия ада; но этого мы не знаем в жизни; в жизни не бывает «слишком поздно». Пока мы живы телом, пока есть дыхание жизни в нас, пока смерть не пожалала нас, – есть и будущее: один жест, одна мысль могут изменить и преобразить жизнь. Мне вспоминается случай из жизни Cure d'Ars¹¹: к нему однажды пришла женщина в отчаянии, так как ее муж покончил с собой, бросившись в реку. Он попросил подождать, пока он помолится, затем подозвал ее и сказал: «Утешься, между мостом и водой он пожалел о своем поступке»... Порой достаточно «мгновения ока»: один вздох может все изменить.

– Если смерть – единственная подлинная мера жизни, то есть нечто благое для человека, – почему Библия говорит, что она – проклятие, следствие греха? Разве Адам и Ева не должны были умереть?

– Я не сказал так прямо, что смерть – единственная и подлинная мера жизни, так же как не утверждал, что она – благо для человека. Я попытался сказать – но, может быть, не сумел сделать это ясно, – что вырасти в полную меру жизни можно, только если мы готовы встретить смерть, свободно посмотреть ей в лицо, противостоять ей со всем мужеством, всей верой, всей надеждой. «Благо» – не в смертности, не в самой смерти, когда она настигает нас; положительный момент, как уже было сказано, – в том, что единственная возможность вырасти в меру жизни – это неколебимо стать перед лицом смерти, быть готовым к ней – без страха и без самоутверждения. «Быть готовым» не означает какое-то особенное состояние; это означает, что все в жизни, – каждое слово, каждое движение, все самое малое, – должно быть так совершенно, что, если смерть застанет в этот миг, можно было бы сказать: это последнее действие было самым прекрасным, что сумел сделать этот человек... Только зная, что смерть может нас

остановить, может оборвать жизнь, – мы можем постараться сделать из ничтожного поступка, из слова как будто совсем мелкого, – нечто прекрасное, совершенное. Если бы мы жили все время, стараясь, чтобы каждый миг был прекрасен и полон, вся наша жизнь в целом была бы прекрасна и полна. В этом смысле смерть – благо; смерть напоминала бы нам, что надо жить со всем напором, надо спешить жить. Нам некогда писать черновик жизни: времени хватит лишь на то, чтобы жить с полнотой, напряженно, жить всем своим существом, творя и создавая совершенство, красоту. Смерть – да, следствие греха, следствие падения, следствие нашей потери Бога; она знак и печать катастрофы, признак нашей отделенности от Бога.

– Что в таком случае изменила смерть Христа?

– Да, мы все умираем; но отныне смерть для христианина означает **успение**, означает – упокоиться в Боге, родиться в вечность. Это не гибель, не конец пути, после которого «ничего нет», – только тление тела, распад всего нашего существа. «Умереть» означает войти в вечную жизнь, – где лицом к лицу живой душой мы встанем перед лицом Живого Бога. Больше того: этот переход в вечность, предстояние лицом к лицу, даже оно – только ожидание, с надеждой, в уверенности веры – Воскресения. В Символе веры мы провозглашаем свою веру не в бессмертие души, а в воскресение мертвых. Мы несомненно верим в это воскресение, мы **чаем** его. Можно бы сказать, что мы – единственные на свете материалисты, потому что мы верим в материю, в ее способность возродиться к вечной жизни в Боге.

– Как знать, что надо совершить, как знать, что мы это совершили и теперь можем умереть? Кто может это знать, это сказать?

– Ваше «можем умереть» дает мне лазейку, иначе у меня не было бы ответа на этот вопрос. Чтобы умереть, вовсе не нужно знать, что надо совершить, или что уже совершено. Мы не **выбираем** смерть, – она приходит к нам, **дается**, мы не выбираем ни сроки, ни то, как именно мы вступим в ее тайну. Можно сказать, что наш путь никогда не бывает завершен. Завершение означало бы, что мы достигли такой совершенной,

всецелой любви, что она охватывает всех, что нет ни одного человека, кого мы не полюбили полностью, до предела, что во всех случаях наша любовь достигла своей полноты. Так вот, можно заранее сказать (об этом пишет и святой Иоанн Златоуст), что мы всегда должники в любви, в милосердии. Так что нечего задаваться вопросом: совершил ли я?.. Мы можем заранее ответить: **нет!** Или вопросом: что мне остается совершить?.. Можно сразу ответить: **все!** Тем не менее приходит момент, когда Бог в Своей премудрости, по Своей воле, вступает и пожинает нас. Достаточно знать, что наше дело – постоянно возрастать к полноте любви, учиться любить всем умом, всей чуткостью, – творчески, как только мы способны, – любить деятельно, любить не только тех, к кому наше сердце обращено естественно, но и других; любить не «вообще» людей, а каждого лично, потому что каждый – единственен и заслуживает, чтобы его любили **лично**. Это мы можем помнить; вот – наша роль, наше призвание. А Бог заберет нас, когда Сам определит.

– Вы говорите, что Христос Сам пожелал умереть нашей смертью. Если так, откуда Его молитва: «Мимонеси эту чашу...»?

– Христос – совершенный человек и совершенный Бог. Его воля находится в гармонии, в единстве с волей Отца, – но тем не менее в Своем человечестве Он ощущает мучительную тоску и ужас смерти, как любой из нас. Я бы сказал больше: Христос, бессмертный и в Своем человечестве, – единственный, Кто мог ощутить всю чудовищность, ужас, невозможность смерти. Христос, бессмертный в Своем единстве с Отцом, соглашается стать смертным и предает Себя смерти по солидарности с нами. Он, измерив до глубин ужас смерти, как человек, – в Своем подлинном совершенном человечестве обращается к Отцу и умоляет: «Мимонеси от Мене чашу», затем добавляет: «Да будет воля Твоя» (Лк. 22:42). В этом принятии Божественной воли человечество Христа проявляет свое совершенство, свою совершенную гармонию с Живым Богом.

– Не можете ли сказать несколько слов о самоубийстве? Как можно переносить, вернее, любить жизнь? Разве смерть –

не самое желанное, что может произойти?

– Христианское отношение к самоубийству, радикальное отвержение самоубийства как попытки вырваться из жизни, которую мы находим невыносимо тяжелой, – основывается, думаю, на чувстве, что покончить с собой означает отрицать возможность иного будущего, отвергать надежду. И я не говорю о какой-то далекой надежде, а о конкретной надежде в настоящем. Самоубийство означает также отвержение глубокой веры, то есть полного доверия к Богу. С одной стороны, мы проявляем недоверие к Богу, мы бросаем Ему в лицо, что наши страдания, обстоятельства нашей жизни, толкающие нас на самоубийство, – акт безумия с Его стороны, и что это безумие мы беремся исправить собственными силами. С другой стороны, мы утверждаем, что нет надежды, нет будущего, что от Бога ждать нечего. Мне кажется, духовная проблема самоубийства – в этом. Конечно, в ситуации отчаяния, толкающей нас покончить с собой, смерть представляется нам самым желанным и простым решением.

Но это – близорукость. Разумеется, если вечной жизни не существует, смерть может показаться самым простым и самым быстрым решением, хотя самоубийца редко думает о тех, кого покидает и кому придется столкнуться с ужасом этой насильственной, вольно избранной смерти, которая осуждает **их**. Я видел сколько-то самоубийств: всякий раз целый круг людей рассматривает это самоубийство как **свое осуждение**: они проглядели трагедию, не сумели с ней справиться...

Как переносить жизнь? Думаю, когда у нас нет жизненного порыва, когда под внешним давлением или от охватившей нас внутренней тоски мы не в состоянии любить жизнь, – единственное, что можно сделать, это **жить из послушания**. «Послушание» не означает положение раба, который покоряется, послушание – отношение того, кто признает Божественную премудрость и соглашается действовать и поступать, не понимая; жить, принимая за критерий жизни, деятельности, бытия, – иную, нежели собственную, волю: волю Божию. «Слушаться» в первую очередь означает «слушать», «**прислушиваться**»: начинается это с признания, что пути

Божии – не наши пути, и Его мысли – не наши мысли. Если бы послушание было только «рабством», – оно лишь усугубило бы наше отчаяние; мы все больше ощущали бы себя пленниками, погрузились бы в безнадежность. Но если мы осознали, что Тот, к Кому мы **прислушиваемся** – Живой Бог, что мы принуждаем себя исполнять непонятную нам волю Бога Живаго, – то постепенно через это **послушание** мы начинаем прозревать **замысел** Божий, Его мудрость, Его пути, и тогда-то примем их уже менее тяжелым сердцем, затем даже с возрастающей радостью, – и, наконец, войдем в полноту жизни.

В проблеме самоубийства есть личная ответственность, – но, с другой стороны, как я уже сказал, есть ответственность, так сказать, коллективная. В своем докладе я заметил, что можно умереть прежде времени, – чувствуя, зная, что ты отброшен, лишний, ненужный, ты отвержен. Так вот, многие самоубийства происходят оттого, что рядом с человеком не оказалось никого, кто бы его утвердил. Никто не сказал: «Твое существование **важно** для меня, твое существование имеет ценность, потому что без тебя будет пустота, которой не заполнить ничем...» Мне кажется, тут есть наша ответственность, в первую очередь как христиан, потому что у нас есть видение вещей, которое нам дает Бог в Своем Слове, в Своем Откровении, в жизни Церкви, потому что Дух Святой говорит в наших глубинах; и есть ответственность общественная, в самом широком смысле слова.

В период, когда послушание выполняется без всякого воодушевления, – я думаю, можно жить так, как это излагает Диккенс. В начале приключений мистера Пиквика он описывает, как его герой нанимает фиакр; и так как этот человек полон интереса ко всему, что никакого интереса не представляет, он задает своему вознице бесконечные вопросы и, между прочим, спрашивает: каким образом такая худая, жалкая лошада может везти такой тяжелый фиакр? И кучер отвечает: «Ах, сударь, дело не в лошади, а в колесах! Видите ли, колеса-то огромные, хорошо смазанные; стоит лошади тронуться, как колеса начинают вращаться; что же остается лошади? Ей **приходится бежать**, спасая свою жизнь...». Так вот, в моменты

отчаяния, когда не хочется тянуть свою ношу, можно жить по этому образу: надо отдавать себе отчет, что повозка все равно висит на нас и что необходимо бежать, устремляться вперед, чтобы повозка, которую мы тянем, нас не раздавила. И вдруг в какой-то момент мы замечаем, что повозка не только заставила нас бежать, но что мы бежим легко, сами по себе, что мы научились динамике жизни.

– Что вы думаете о мнении, будто страх смерти порожден психологией человека, обусловленного обществом и религией? Животные не боятся смерти...

– У меня впечатление, что такое мнение отражает оптимизм, которого нет у животных. Когда животные чувствуют, что их ведут на бойню, несут утопить или как-то уничтожить, – они испытывают глубокий ужас. Сходите проверить на бойню, понаблюдайте кошку, у которой отняли котят, чтобы утопить их: вы не будете так уверены, что животные (которые не обусловлены обществом и религией) не боятся смерти. Смерть – реальность **настолько** противоестественная, что все в мире, любая тварь трепещет перед ней.

Что касается обусловленности, – я думаю, смерть нам предстает по-разному в зависимости от возраста и положения. Мне кажется, что обычно мы начинаем задумываться о смерти несколько запоздало. Мы думаем о ней, когда она начинает разрушать наше тело, когда нас настигает старость или болезнь, когда мы начинаем рассыпаться, когда угасает в нас жизненная сила. Тогда мы задумываемся о смерти – и думаем о ней ложно. Чувствуя в себе силы распада, мы думаем, будто смерть – не что иное, как последний этап этого распада, ничего больше. Разумеется, наше тело будет разлагаться и обратится в прах. Но смерть несет не только распад. Часто можно видеть, что по мере того, как слабеет тело, внутренняя **жизнь**, настоящая жизнь нарастает до такой степени, какой человек не знал раньше.

Когда мы молоды, мы не думаем о смерти, потому что она нам чужда, – разве что она отняла у нас близких, родителей. Но в других отношениях она нам не чужда; и вот тогда-то и нужно думать о смерти, потому что тогда мы можем рассматривать ее

самые различные аспекты. Я уже много распространялся на эту тему, но сказал гораздо меньше, чем надо бы. Страх смерти охватывает нас в первую очередь изнутри. Страх поддерживается обществом, – не потому, что оно **хочет**, чтобы мы боялись смерти, а именно из-за нашего нелепого к ней подхода. Долгое время смерть окружали всякой жутью. Не знаю, существует ли это еще, но вспомните «похороны по первому разряду» – черные драпировки и т. п.; и все это здесь, во Франции. Смерть окружали мрачной атрибутикой – и не только общество в целом, но и Церковь. В этом смысле ответственность лежит и на религии. Смерти надо вернуть ее значение рождения в вечную жизнь. В Православной Церкви похороны совершаются не в черных, а в цветных облачениях, потому что в действительности тут – радость. Мы стоим на отпевании с возжженными свечами; служба подобна воскресной утрени и т. д. Нам следует вернуться к такому отношению. Разумеется, в измельчавшем обществе, где окружающие гроб видят в нем только разрушение, – это невозможно. Мне кажется, однако, что обусловленность лишь развивается на основе уже наличествующего страха. Мне некогда распространяться о подоплеке этого страха, но она совершенно основоположна: смерти не должно быть, и все живое реагирует на смерть одним: «НЕТ!»

– Почему у Серафима Саровского в келье был гроб? Откуда такая как будто нездоровая черта у человека, который так сиял светом? Почему подвижник призван все время смотреть в лицо смерти? Как смерть может стать другом, сестрой, почему она должна стать близкой?

– Я не думаю, что здесь – «нездоровое отношение». Святой Серафим Саровский смотрел в лицо смерти в **надежде воскресения**. Это – напоминание, что, засыпая, мы вступаем в опыт смерти. По сути, у нас огромный опыт смерти. Ведь подумайте: мы засыпаем каждый вечер и погружаемся в полную бессознательность, из которой воскресаем утром. Это нас не пугает. То же самое с верующим, который усыпает в вечность. Есть молитва в этом направлении в англиканском молитвослове и в наших вечерних молитвах: «Неужели мне одр

сей гроб будет?» – молитва Иоанна Дамаскина. И не сна следует страшиться, потому что он похож на смерть, – а смерть должна для нас стать родной и привычной, как сон, потому что мы так хорошо ее знаем через наш опыт засыпания, ухода как бы в небытие сна. Так что Серафим Саровский – пример того, кто каждый вечер погружается в сон, от которого, может быть, восстанет пред лице Божие, а может, вернется к земной обыденности. Это – не нездорово, не мрачно, это – просто, радостно, привычно; конечно, это напоминание – но с надеждой на вечную жизнь.

Да, подвижник призван постоянно смотреть в лицо смерти, и причины этому я уже изложил и возвращаться к ним не буду: смерть – дверь, открывающаяся в вечность, смерть – высвобождение из порочного круга жизни в падшем мире, откуда нет пути к Богу; смерть позволяет вырасти в полную меру человека, то есть в меру Бога. Смерть – подруга, сестра? Это – поэтические выражения, а я не поэт. Франциск Ассизский называл смерть сестрой. Быть может, позволительно сказать (но боюсь, это неудачная шутка), что, поскольку мы полны жизни, постольку и смерть становится близкой, дружеской, становится не врагом, а именно как вторая сестра, в свое время возьмет нас нежно в свои руки и унесет в Царство Божие.

– Как стать живым, «ожить из мертвых», когда нет хороших корней, родители бросили, когда знаешь только человеческую злобу? Как стать живым, обрести снова жизнь вместо распада? Как найти любовь Божию, когда не знал материнской любви и место матери занимала личность скорее отрицательная?

– Я хотел бы сказать две вещи. Первая – повторюсь: подобная ситуация как раз – предмет коллективной ответственности. Да, возможно, отца, матери не доставало, и те, кто был призван их заменить лаской и любовью, возможно, были жестоки и неспособны **давать**. Но куда смотрели окружающие? Что делали соседи, друзья, школа, приход, что делала Церковь? – Вот где наша коллективная ответственность. И эту ответственность **можно** пронести: есть множество случаев, когда оставленные близкими люди находили любящее

сердце, которое открыло им, что можно встретить любовь и, значит, можно жить.

Но есть и личная сторона – и тут, думаю, я обращаюсь к человеку с призывом вырасти в героическую меру. Принять свое прошлое, принять бросивших нас родителей и тех, кто их недостойно заменил, не сумев полюбить нас, – можно через прощение. Но прощение надо понимать несколько иначе, чем это делается обычно. Слишком часто мы считаем, что «простить» означает «забыть», «зачеркнуть», «навсегда изгладить» какое-то событие. Мне думается, это не так. Прощение начинается гораздо раньше, оно не устояло бы, если бы речь шла просто о том, чтобы «зачеркнуть» нечто. Прощение начинается в момент, когда человеку, который всей своей тяготой, своей жестокостью, своей безответственностью раздавил нас, мы говорим: «Я тебя принимаю». Я тебя принимаю, я тебя беру на свои плечи, как Христос взял крест. Я тебя принимаю, **каков ты есть**, как крест, на котором я, быть может, умру, но тогда получу право сказать: Отче, прости ему, он не знает, что делает»... Прощение начинается в момент, когда я принимаю виновного, ничего не требуя, не говоря ему: я тебя отброшу, если ты не переменишься, не спрашивая его: переменился ли ты достаточно, чтобы заслужить мое прощение?.. Мы можем взять на себя – словно крест, который несли Христос и два разбойника – тяготу тех, кто раздавил нас, и на этом пути к Голгофе, через наше соучастие в страстях Христовых, через наше собственное крестоношение, – наше прощение получает преображающую силу. Жан Даниелу¹² как-то сказал, что страдание – единственная точка соприкосновения между злом и его невинной жертвой. Когда зло, словно нож, врезается в душу или тело человека, – жертва, страдая, приобретает подлинную Божественную власть **простить**, сказав Богу: «Господи, по Твоему примеру, по Твоему учению я простил. Тебе нечего взыскать с него...» В этом – сила прощения, которое принадлежит нам, когда мы являемся жертвой, и сила возрождения для тех, кто виновен перед нами. Если они живы, их может коснуться благодать; если они умерли, – их может покрыть прощение от Бога. Примирение – дело

Божественное; но и нам оно доступно. Я знаю, мои слова звучат призывом к подвигу. Но христианская жизнь, христианское обновление, воскресение, восстанавливающее нас к жизни от смерти, – не просто дар от Бога: оно требует от нас предельного усилия, вседушной, **всецелой** отдачи себя, стремления стать, во Христе, искупительной жертвой, если придется – стать, по Его образу, – «Мужем скорбей» (Ис. 53:3).

Перевод с французского

III. ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

«БЫТЬ ПРАВОСЛАВНЫМ В АНГЛИИ...» (О Сурожской епархии)

От редакции

Имя митрополита Антония в представлении не нуждается. Вопросы порой вызывает его титул – Сурожский, и интерес – конкретные условия бытия его епархии¹³.

Владыке случалось отвечать на вопросы об этом собеседникам в Москве. Мы по возможности собрали эти непринужденные, не всегда хронологически-стройные рассказы о разных сторонах жизни «сурожан» и их пастыря.

Это не исчерпывающий формальный «отчет о деятельности»; читатель получит лишь некоторое представление о проблемах, на фоне которых вот уже более 50-ти лет тому назад начиналось пастырское служение Владыки в Великобритании, и о новых всходах Православия на ее почве.

В основу текста положен рассказ Владыки, записанный в 1993 году. В некоторых местах мы сочли уместным указать (в скобках) год, к которому относится упоминаемое событие.

О Сурожской епархии известно из русской истории. Город Сурож (Сугдея, теперешний Судак) был основан в Византийской империи в виде миссионерского центра для Крыма и, как предполагалось, впоследствии для распространения православной веры на соседние племена. Одним из ранних его епископов был исповедник святитель Стефан¹⁴.

А мне досталось это звание по следующей причине. Когда я стал правящим епископом Великобритании и Ирландии (1962), мне сначала был дан титул Лондонского и Великобританского. Я обратился с вопросом к Архиепископу Кентерберийскому Михаилу Рамзею, которого я знал очень хорошо и близко: не создаст ли это каких-нибудь затруднений в отношениях с Англиканской Церковью, поскольку у англикан есть свой Лондонский епископ. Он мне ответил, что если я хочу, чтобы мое назначение правящим епископом было положительным делом для взаимоотношений между англиканами и Русской

Церковью, лучше бы мне не иметь английского титула. Я тогда обратился в Патриархию с просьбой дать мне титул, который был бы русский. Причем тут два соображения играли роль. Во-первых, то, что мне сказал Архиепископ Кентерберийский, и, во-вторых, – **мне** очень хотелось иметь русский титул. Я сам русский, русской культуры, русских убеждений, я чувствую, что Россия – моя Родина; и, кроме того, громадное большинство наших прихожан в то время были русские. Мне очень не хотелось иметь иностранный титул. Мой первый титул, когда я стал (1957) викарием, то есть помощником нашего архиепископа в Париже, был Сергиевский. Но вообще в Русской Церкви принято, когда создается новая зарубежная епархия, давать титул по епархии, которая существовала в древности и вымерла. Ввиду этого мне и дали титул Сурожского. Мне было отрадно иметь титул чисто русской, древней, но, кроме того, миссионерской епархии, потому что я рассматривал нашу роль на Западе как миссионерскую. Не в том смысле, чтобы я думал об обращении всех англикан в православную веру: это, во-первых, немыслимо, и, во-вторых, я бы сказал, нежелательно, потому что такой быстрый переход из одной веры к другой обыкновенно не держится. Миссию я, а теперь и мои сотрудники понимаем так: мы здесь голос Православной Церкви русской традиции. Мы не обязательно должны обращать людей в Православие, но должны дать людям знание о Православии, любовь к Православию и должны передать верующим различных вероисповеданий те частицы, осколки православной истины, которые они сейчас могут впитать, понять и пережить.

Кроме того, в Англии сейчас около полумиллиона греков-киприотов. У них много храмов, но живут они замкнутыми общинами, не открываются на Запад вовсе, поэтому играют небольшую роль. И в результате *мы* стали Православной Церковью в Англии, несмотря на то, что представляем небольшую группу.

Теперь наша епархия представляет собой реальность. В тот момент, когда я был назначен епископом, у нас было всего два прихода. Был лондонский приход, который рос, и оксфордский приход, который держался и постепенно вырастал, но больше в

тот момент ничего не было. За последние 30 с небольшим лет лондонский приход вырос с трехсот до тысячи – тысячи душ, не взрослых людей: есть и дети малые, и очень ветхие старики. Самый старший человек у нас был – старушка, которая скончалась ста семи лет. Я помню, как я ее навестил, когда ей было 104 года, и сказал: «Ну что такое сто четыре года, давайте праздновать сто пять лет!». Она ответила: «Ах, отец Антоний, я до ста пяти боюсь не дожить: за последние три месяца я начала чувствовать, что старею»... Я подумал, что она, вероятно, еще поживет, и она действительно еще три года прожила.

Постепенно, конечно, это поколение начало вымирать, и это потеря непоправимая, не только для более молодого поколения, которое теперь выросло и уже стало взрослым, а для России, потому что эти люди были бы свидетелями того, чего современная Россия не испытала и не знает. Я не говорю сейчас об опыте эмиграции, об опыте тех людей, которые были **чужими** в чужой стране, и пустили корни, создали сотни храмов, создали русские школы, провозгласили Православие так, что неизвестная на Западе вера стала верой всем известной. Я думаю о том, что они могли бы рассказать о дореволюционной России и каким опытом поделиться; причем и политическим, но главным образом культурным: о том, что было жизнью духа, жизнью и духом русского народа до революции. Это поколение сейчас вымерло. Остались люди моего поколения, но мы за границей оказались уже детьми; я попал в эмиграцию, когда мне было семь лет. Я был воспитан в русском духе до глубин души, но, конечно, я могу говорить только о том, что я унаследовал, а не о том, что я мог бы пережить, еще будучи в России взрослым человеком.

Сурожская епархия очень своеобразна. Сейчас она стала многоязычной и многонародной. Началась она здесь в 1919 году в виде одного прихода и состояла исключительно из русских эмигрантов. Создался приход сначала в домовый церкви, а потом (1922) англикане дали русским на пользование храм во имя св. Филиппа недалеко от станции Виктория. Мы делили его с приходом Зарубежной церкви. Настоятелем того прихода был теперешний митрополит Виталий; после каждой моей службы он

храм освящал по чину освящения храма, оскверненного еретиками. В течение очень многих лет это был просто русский приход. Может, один-другой англичанин или англичанка переходили в Православие ввиду того, что выходили замуж или женились на русских, но в основе это был чисто русский приход. Но в результате этого постепенно среднее и младшее поколение выпали из Церкви. Когда я приехал сюда (1948), меня поразило, что были бабушки, и были дети младше 14-ти лет, то есть моложе того возраста, когда мальчик или девочка может сказать: «Не иду в церковь – и баста!» А среднего поколения не было. И я решил, что так невозможно: важнее Православие, чем русскость. Потому что русскость может передаваться в самом Православии, русское Православие не идентично с греческим или сербским. И я решил сделать все возможное, чтобы это среднее пропадающее поколение вернулось в Церковь; а для этого надо было начать служить и беседы вести на английском языке.

Проблема была более сложная, чем может показаться, потому что я приехал в Англию без знания английского языка вообще. Мой приезд был очень дерзким поступком. Мне предложили приехать сюда настоятелем православного храма православно-англиканского Содружества преподобного Сергия и святого Албания и лектором. И я согласился на том основании, что если 50 миллионов англичан могут говорить на своем языке, то почему еще один человек не может ему научиться? Я рассчитывал, что хорошее знание немецкого и французского мне поможет, и засел за учение. Я читал со словарем, слушал, как люди говорят на английском языке, пробовал всячески – иногда до комичности, а иногда впопад – произносить те звуки, которые они произносили, и так учился. И как только я начал знать английский достаточно, чтобы произносить слова богослужения, хотя говорить еще совсем не мог, я начал служить по-английски.

Потом мы открыли школу для детей с преподаванием на русском языке. Тогда мы по-английски совсем не работали, и эти дети нам вернули своих родителей. Это было очень интересно. Вот с чего все началось.

Ну, а потом пошло дальше естественным образом. Когда стало больше людей английского языка, мы начали служить для них отдельно, потом стали прибавлять немножко английского в службу, потом стали чередовать службы. И в результате у нас получился приход, где есть и чисто русские, но все меньше, конечно, потому что первое поколение уже вымерло, ходят их уже стареющие дети. И сейчас мы в пятом поколении смешанных браков. После третьего поколения русский язык пропадает, он делается пассивным, а потом его вообще нет. Но мы теперь в значительной мере употребляем английский. В Лондоне у нас одно воскресенье в месяц английская служба, одно – славянская, и два – смешанные, пестрые. Всенощные все пестрые: в зависимости от того, кто в церкви, бывает больше или меньше английского. Требы мы совершаем на самых различных языках, потому что иногда бывает, что наш прихожанин или прихожанка женится или выходит замуж за человека иного языка. Мы венчали по-славянски, по-английски, по-французски, по-немецки, по-гречески, по-испански, по-итальянски. Слава Богу, нас четверо священников, которые «вскладчину» могут служить на этих языках. И постепенно наш приход стал многоязычным и многонациональным, потому что к нам начали приходить люди, которые в сербской или греческой церкви не могут молиться на понятном им языке.

Православие у нас начало расти также тем, что различные исповедания, в частности англикане, стали приглашать читать лекции и проповеди. Было время, когда я пять раз в неделю где-нибудь проповедовал или читал лекции. И я никогда не проповедовал Православие. Я проповедовал Евангелие с православной точки зрения. Я говорил о Русской Церкви и говорил о ней правду, ту правду, которую в России в то время сказать было нельзя – о гонениях, о состоянии верующих и т. д. И постепенно люди стали узнавать Православие. Они и до меня слышали о нем, конечно, – очень много, в частности, от Николая Михайловича Зернова, от его жены, через православно-англиканское Содружество. И был какой-то момент, когда англичане очень заинтересовались, и я прочитал несколько тысяч лекций, по-моему. Причем в начале это был позор,

потому что, как я уже говорил, мой английский язык был ниже всякого уровня. После одной из ранних лекций ко мне подошел священник и сказал: «Отец Антоний, я ничего более скучного не слышал, чем то, что вы сегодня говорили». Я ответил: «Что же я мог сделать, – я читал свою лекцию по листу. Я написал ее по-русски, мне ее перевели, я научился, как произносить, и вот я ее прочел»... Он посоветовал: «А вы перестаньте читать. Говорите без записок». Я возразил: «Слушайте, я же не говорю на английском языке. Как только я начну говорить, я буду делать комичные ошибки». Он просиял и ответил: «Именно! Тогда мы сможем смеяться вместо того, чтобы тосковать»... И я решил: хорошо! – и начал говорить. Причем говорил и делал ошибки, люди смеялись и я смеялся, и постепенно сколько-то научился говорить на языке.

Интересно одно свойство Православия: то, что мы не занимаемся прозелитизмом. Мы не гонимся ни за кем и не стараемся никого, как я всегда говорю, «совратить» в Православие или даже «обратить» каким-нибудь собственным действием. Но, как апостол Павел говорил, сердце наше всем открыто. Поэтому двери храма открыты, священники наши, включая меня, принимают всех, кто приходит с каким бы то ни было вопросом или духовной нуждой. И к нам приходят очень разные люди по разным побуждениям. Это можно почти что проследить по поколениям. Первые обращенцы были люди среднего поколения, изверившиеся в том вероисповедании, в котором они были крещены. Многие из них просто были крещены когда-то. И больше в церковь не приходили. Некоторые из них были богословски образованы и не могли больше принимать ни католичество, ни англиканство, ни различные протестантские верования. Они к нам приходили с вопросом: кто вы? что вы можете сказать? И мы отвечали им. Мы им говорили, что православная вера, по нашему убеждению, это основная вера евангельская в чистоте, в полноте своей, которая передается нами, конечно, как Апостол говорит, в глиняных сосудах. Мы не воплощаем эту веру, но мы ее несем и проповедуем, скорее даже – исповедуем. И эти люди стали изучать Православие. Тогда книг о Православии на

английском языке было относительно мало, поэтому с каждым человеком мы занимались отдельно. В течение первых тридцати лет каждого человека, который ко мне приходил с вопросом, я принимал, узнавал как можно подробнее, что он собой представляет, почему он заинтересовался Православием, и давал ему тридцать часов уроков. То есть мы проходили с ним православную веру, православное богослужение, православную духовность, и он жил под молитвенным правилом и периодически исповедовался.

Люди, приходившие в начале, были в основном люди образованные, для которых вопросы интеллектуальные играли громадную роль. И приходилось учить их тому, что надо перенести центр внимания из головы в сердце, – не в эмоции, а в живое, глубокое, честное переживание вещей. И это иногда занимало – и занимает – очень долгое время, потому что люди на Западе, особенно воспитанные философски и богословски, привыкли думать и стараться найти логические выражения тому или другому. А мы им говорим: да, логическое выражение вы найдете, но вы должны искать его в другом месте, не в мозгах... Я помню, философ Франк мне как-то сказал, что ум – это слуга, он должен прислушиваться к тому, что говорит сердце, и исполнять. И мне кажется, что это очень важно. Семен Людвигович был философ умный, тонкий, образованный, он не стал бы делать какие-то мозговые выкладки, не соответствующие внутреннему опыту. Вот к этому мы старались приучить людей, которые приходили к нам в начале с большим умственным багажом. И некоторые из них довольно трудно переходили из ума в сердце, а потом вдруг чувствовали, что они свободны. Последующему поколению было проще в каком-то отношении, потому что когда появились в приходе англичане, люди английского языка, то другим стало менее страшно приходить. Они не должны были вливаться в чисто русскую среду, где все чуждо. Они приходили, и многие мне говорили: «Пришедши к вам в храм, мы просто пришли домой, тут что-то родное». Это они переживали и в порядке богослужения, и в порядке обстановки храма, и в порядке взаимных отношений прихожан.

Причем не воображайте, что наши прихожане ангелы, прихожане наши бывают очень и очень трудны. Я помню, как в начале мне некоторые англичане говорили: «Ах, мы пришли к вам в храм, и мы даже не знали, что такое русское радушие. **Как** нас принимают! **Как** нам здесь хорошо! Вот Церковь, в которой мы должны жить!» Я всегда отвечал: «Вы три месяца проживите, а потом посмотрите...» Не проходило и трех месяцев, как они приходили, говоря: «Мы уходим! Русские с такой резкостью нас одергивают, когда мы делаем ошибки, так нас поправляют, что это просто невыносимо!» Я отвечал: «Я же вам говорил! Уходите, уходите...» И они уходили, а потом возвращались уже без иллюзий о нас, но зная, что Православие того стоит, что даже с русскими можно жить. И мне кажется, что это важно. Потому что в Англии люди привыкли к гладким отношениям: никого не обижать, обтекаемость такая. А русские общались с ними, как с людьми. Когда англичане делали ошибки, их исправляли, когда что-нибудь было не то, высказывали это, и это очень много им помогало.

То, что люди пережили, приходя к нам в храм, я выражу словами одного из них: «Здесь что-то или Кто-то есть».

Как я сказал, мы не принимаем людей легко. Опыт показывает, что они сначала приходят и прислушиваются, приглядываются, «принюхиваются». Потом в какой-то момент они загораются очень пламенным желанием принять Православие и отталкиваются от той веры, которая была их верой; и вот в этот период я их никогда не принимаю: я не принимаю человека, который отрекается от своего прошлого. Потом начинается период, когда человек входит глубже в Православие и начинает чувствовать, как он должен быть благодарен той Церкви, которая его сделала вообще христианином, когда у него нет уже романтики такого чрезвычайного подъема. Он может спокойно войти в Православие, как блудный сын, который домой пришел, именно *домой*, а не в какое-то исключительное место. И когда он может обернуться и сказать: да, моя Церковь – католическая, англиканская, протестантская, секта какая-нибудь – мне все-таки открыла Христа, и я глубоко благодарен ей, – то мы их

принимаем. Причем большей частью (хотя не везде это возможно) мы заботимся о том, чтобы познакомиться с семьей, чтобы они поняли этот его поступок, и они почти всегда присутствуют и участвуют в принятии; часто даже их священник приходит.

Конечно, не везде может быть подготовка такого рода. У нас есть возможность видеть человека, давать ему час-полтора в неделю, давать ему молитвенное правило, следить за тем, чтобы он его выполнял, спрашивать подробно о его внутреннем как бы созревании. Во всяком случае, какая-то подготовка должна быть, – конечно, не умственная. Речь не идет о том, чтобы человек выучил все, а о том, чтобы он включился в веру церковную, то есть верил в основные истины, в сокращенном виде – в Символ веры. Потому что есть вещи в Символе веры, которые человек будет понимать по мере того, как он будет жить в Церкви. Мы стараемся ему объяснить богослужение, чтобы он мог черпать из богослужения все, что можно почерпнуть, весь его смысл, ритм и т. д. Мы ожидаем от него, что он будет читать утренние, вечерние молитвы, что он будет читать их спокойно, без спешки, что он будет отдавать какое-то количество времени на размышление над этими молитвами, чтобы войти в понимание и мыслей, и чувств, и опыта духовного, который заключен в них.

В течение всего этого периода оглашения мы его исповедуем. Устав требует, чтобы мы исповедовали человека перед его принятием в Православие (я сейчас говорю о переходящих в Православие), но опыт показывает, что если вы его исповедуете в последнюю минуту, вот-вот перед тем как присоединить к Церкви, вы можете обнаружить – не то, что он грешник, а вы не думали, не знали об этом, – а вы вдруг обнаруживаете в этой исповеди незрелость, его духовную неготовность в какой-то области. Но тогда уже поздно ему говорить: «Нет, я не могу тебя принять». Пришла семья, пришли друзья; если ты скажешь: «Нет, я его не буду принимать сегодня», – их реакция: что же он за человек, что в последнюю минуту его отвергли?! Мы исповедуем их в течение всего этого периода, чтобы постепенно все прошлое было исповедано и

чтобы иметь возможность как бы ощутить, если не взвесить духовную зрелость человека. Но опять-таки, это не обязательно делать через исповедь, это может быть сделано через искреннюю, прямую беседу с мирянином или священником. Мы ожидаем, что он будет читать Евангелие, вдумываться, искать совета; во всяком случае, читая Евангелие, не только будет искать, в чем Евангелие его обличает, а искать еще, может быть, больше, что его в Евангелии так глубоко трогает, что он чувствует свое как бы сродство, свою близость с Богом. Чтобы отношения с Богом были личные, а не строились на общих положениях; чтобы можно было говорить с Богом, начиная с того, что **ты сам** понимаешь и что **Он** понимает – если можно так выразиться.

Богослужебно у нас жизнь гораздо беднее вашей, потому что у нас один храм на Лондон; в Лондоне сейчас больше ста километров в поперечине, и если служить утром и вечером, то не удалось бы посетить никаких больных, никаких стариков, и никто в церковь не мог бы прийти, потому что никто не живет ближе полутора часов пути; каждый день приходил бы один какой-нибудь человек. Поэтому мы служим около двухсот служб в год, так что многих служб мы не совершаем, но зато мы ездим, и вместо того, чтобы, скажем, причащать больных запасными Святыми Дарами, мы часто служим литургию в комнате больного или в доме какого-нибудь старика; и тогда собираются другие православные, которые живут вокруг. Едешь с полным облачением, с антиминомом, с сосудами, и в зависимости от того, кто едет, можешь прихватить кого-нибудь попеть, или не прихватить. Я люблю служить один, и тогда я читаю тайные молитвы вслух, и этот человек участвует в литургии, иногда после того как он несколько лет не мог в церковь ходить; и православные соседи могут приехать и участвовать. Это очень плодотворно. В больнице, конечно, этого сделать нельзя; в тюрьме это разрешается. У меня есть пропуск тюремного священника, поэтому я могу посещать все тюрьмы в Англии, и когда там бывает несколько православных, можно отслужить литургию.

В соборе у нас есть практика внебогослужебных бесед. Первые годы, что я был здесь, у нас была довольно большая русская группа, и тогда у нас бывали беседы еженедельно. Потом стали появляться люди английского языка; к тому времени я научился немножко английскому, и мы начали вести беседы по-английски. А потом был долгий период, когда русских бесед не было, потому что все русские, жившие здесь, говорили по-английски лучше меня, для них специальные беседы не нужны были. И мы стали вести беседы на английском языке, сначала еженедельные, а потом, когда я стал подуставать, два раза в месяц. Когда открылся путь из России на Запад (то есть с 1989 г.) и стали приезжать русские из Советского Союза, не говорящие на английском языке, или такие, которые хоть говорят, но, конечно, не живут им, мы возобновили русские беседы, и теперь они происходят раз в месяц. Если окажется, что русская группа окрепнет, если участники будут приходить регулярно, тогда, может быть, мы устроим и вторую беседу в месяц; но в данное время посещаемость такая неопределенная, что устроить две беседы мне кажется неразумно. Сейчас число приходящих колеблется между 35-ю и четырьмя, тогда разобьются еще больше, и вместо четырех будет два.

Четыре раза в год у нас бывает одна суббота, которая называется «говение»: два раза в год на английском языке, два раза в год на русском языке. Происходит это так: мы начинаем с молитвы, затем я провожу беседу, которая длится минут сорок, после этого период приблизительно три четверти часа или час, когда все обязаны молчать. Кто не в состоянии молчать – идет в ризницу¹⁵, но в храме никто не говорит, не мешает другим «вмолчаться» в тишину и внутреннюю и церковную, потому что в церкви есть своя тишина. Один французский писатель так описывал переживания одного из своих героев: этот человек услышал тишину и вдруг понял, что эта тишина – живое Божие присутствие... Так что я беспощадно требую, чтобы люди не мешали другим вмалчиваться в свои глубины. Затем мы вместе питаемся, то есть каждый приносит что-то свое, и мы вскладчину едим то, что принесено, пьем чай. Потом вторая беседа и второе молчание, а затем общая исповедь, которую я

провожу не так, как в России проводят общие исповеди. Она проходит так: я читаю ряд молитв из службы подготовительной к причастию, но опять-таки не все; затем я произношу вслух исповедь, которая – **моя** исповедь перед Богом, в контексте тех двух бесед, которые я проводил; они тематичны и исповедь тоже тематична в этом смысле. Она длится обычно минут двадцать-тридцать-сорок. Это зависит не от моей греховности, а от содержания бесед, от содержания молитв, – чем они меня вдохновили. Затем мы снова коротко молимся, и затем все получают разрешительную молитву. Если почему-либо кто-то хочет исповедоваться отдельно, это возможно, но большей частью никто не приходит, потому что такая исповедь объемлет достаточное поле греховности или внутренней жизни. И после этого в воскресный день все, кто был на этом говении, могут причащаться.

Наши обращенцы жаждут причащения и идут к причащению чаще и больше, чем наши коренные русские православные. Но я заметил процесс: после нескольких лет православной жизни они начинают причащаться немного реже, исповедоваться глубже, и начинается процесс нового соотношения исповеди, причащения и их внутренней жизни.

Конечно, некоторые переживают богослужение более естественно, чем другие, в зависимости от «даровитости» своей в этом отношении и от того, к чему они привыкли раньше. Потому что наше богослужение, конечно, очень непохоже на протестантское или англиканское, или католическое богослужение.

Я помню одну теперешнюю прихожанку. Она ко мне пришла неверующей и говорит: «Вы мне должны объяснить, что такое Бог». Я ей ответил: «Бог – наш Отец». Она с ужасом вскочила со стула: «Что угодно, но не это!» Я спросил: «А в чем дело?» И оказалось, что ее отец был тираном, мучителем всей семьи, он измучил и жену и детей, и для нее слово «отец» значило самое страшное, что может быть в жизни. Мы после этого с ней говорили, постепенно она пришла к православной вере, но говорила: «Я не могу стать православной. Я никогда не смогу поступать так, как русские поступают. Я слишком скована, я

никогда не смогу купить свечу, стать на колени, поцеловать икону, поставить свечу; как же я буду православной?..» Я посоветовал: «А вы будьте православной в душе и ничем этого не выражайте»... Прошло несколько лет; она приходит, покупает свечу, кладет земные поклоны, ставит свечи, целует иконы. Все это постепенно выросло в ней как внутренний опыт. А если бы я ее дрессировал, сказав: «Вот, поступай так, поступай сяк», – то эта «дрессировка» – я нарочно употребляю это слово – ей помешала бы вырасти внутренне, хотя внешне она все делала бы, как следует.

В этом смысле меня пугает то, что сейчас часто бывает в Русской Церкви: людей стараются научить, как себя вести, тогда как надо было бы им говорить: «Веди себя, как хочешь (ну, в пределах разума или приличия) и жди, чтобы в тебе родились такие чувства, которые сделают для тебя естественным то, чего Церковь от тебя ожидает и что верующие делают». Святой Августин в своих писаниях говорит: «научись любить, и делай, что хочешь...» Это не значит, конечно, произвол, это не значит бесчинство, разврат, но это значит: не заковывайся с начала в формы, потому что форма тебя задушит, если это не естественная **ТВОЯ** форма.

Наши верующие гораздо живее (я говорю, конечно, в среднем), чем верующие других вероисповеданий, потому что быть православным среди моря инославных требует выбора и решимости. Прихожане едут два-три часа в церковь и столько же обратно. Самое простое – пойти в соседний англиканский или католический или протестантский храм, – нет, приходят. И поэтому люди, которые встречаются в церкви, все знают, что у них одна вера, одна духовная традиция, что они пришли в **ЭТОТ** храм, не потому что он самый близкий или удобный, а по убеждению. И у нас бывает очень много посетителей, которые приходят молиться, просто молиться среди людей, представляющих собой живую верующую семью единой веры, единого религиозного опыта. Благодаря тому, что мы небольшая община, мы друг друга хорошо знаем. Я почти сорок лет на одном месте, я знаю каждого человека по имени, я знаю его родителей, знаю бабушку и дедушку, знаю близких и дальних, и

потому отношения удивительно глубокие и близкие. Нет ни одного человека, кто у меня не исповедовался; крестил я всех, кто теперь уже отцы семейств, я – или если не я лично, то мы – теперь венчаю их детей; поэтому есть сознание общины, личной дружбы. Многие со мной на «ты», потому что мы друг друга знали Бог весть сколько лет; конечно, отношения от этого рождаются семейные. У нас нет такого чувства величия епископа или какой-то его отдаленности: живем вместе. И потом, я живу гораздо проще – слава Богу! – чем приходится жить архиерею в России, где у него большая административная работа и вообще сложная жизнь. У нас собор, в соборе сторожка, я в этой сторожке живу, я на себя готовлю, я свою комнату чищу, я на себя секретарствую – и блаженствую, потому что это единственное, что у меня остается от монашества, говоря о внешней стороне. В десять часов вечера я закрываю церковь и до следующего утра я **один**; это дает мне возможность иметь вот эти две жизни – свою монашескую жизнь, где я могу молиться: если ничего не стрясется за ночь, то никого нет; и с другой стороны – пастырская работа.

Православные в провинции всегда были, конечно. Поскольку я одиннадцать лет был единственным священником на всю Великобританию и Ирландию, то что бы ни случилось, где бы ни случилось, – надо было ехать, и это было не так просто, в общем. А потом стали появляться маленькие общинки, и нужно было находить им священников. И мальчики моей воскресной школы начали подрастать и становиться священниками. А затем начали появляться священники, именно – появляться, я их не искал, я их не создавал. Они появлялись каким-то Божиим мановением, чудом прямо.

По обстоятельствам двух родов мы заняли в Англии очень особое положение. Первое обстоятельство то, что у нас было очень много рассеянного люда и относительно мало компактных групп; а второе – поскольку в Англии очень мало русской эмиграции, чисто житейски она не может содержать священников в том числе, которое нужно было бы иметь ввиду рассеянности. И вот я предложил – и это было принято одним за другим нашими священниками – что каждый, кто будет

посвящаться, будет сам себя содержать работой, а приходской, пастырской работе отдавать все – в пределах разума – свое свободное время. И это мы рассматриваем не как несчастье. Тот факт, что он священник в какой-то среде, делает его священником данной среды; эта среда является его паствой. Например, отец Иоанн на западе Англии преподает драматическое искусство, и в результате все его студенты сталкиваются с верующим убежденным православным священником, который, конечно, им не навязывает Православие, но открывает им его. А те люди, которые к Православию не приближаются, идут к нашему священнику со своими духовными или семейными или душевными проблемами. Поэтому я всем нашим священникам объяснял в свое время, что их паства – не только православные, которые уже нашли себе родной дом в православном храме, их паства – те люди, которым нужен Христос, которым нужно Евангелие в его чистоте, которым нужна пастырская забота. А эти люди – **вне** храма, их надо искать, надо идти к пропавшим овцам, а не к тем овцам, которые уже находятся в ограде. И в этом отношении наши священники рассматривают необходимость заработка не как несчастье, а как замечательную возможность расширять свою пастырскую деятельность. Причем не «обращать» в Православие, а давать изнутри Православия все богатство, какое люди могут воспринять, до момента, когда они воспримут самое Православие. Или, если не воспримут, они во всяком случае уходят обогащенными тем, чего раньше у них не было.

Вот принцип, на котором мы живем; и вот почему я думаю, что можно жить в миру и делать определенное дело. Я совсем не хочу сказать, что это возможно в России; разумеется, если у священника приход в десять тысяч человек, не может быть речи о том, чтобы он занимался чем-то другим; тогда у него настолько много работы, что оправдывается его существование. Но что совсем не оправдывается, по-моему, это положение священников, у которых не хватает работы, а они все-таки живут за чужой счет, – это ужасно разрушительно. Для более старого человека это ничего, но для молодого это нехорошо.

Мы стараемся иметь священника для целой области или расположить наших священников так, чтобы они могли быть на одной линии железной дороги куда-нибудь. Поэтому наши приходы разделены очень странно, они несколько неопределенной формы. Но епархия постепенно, медленно растет. Растет, в сущности, на духовничестве и на личной работе.

У нас сейчас из 16-ти священников всего четверо русской крови или русского языка, все остальные – англичане, которые могут служить на славянском языке, могут сколько-то понимать русскую речь, но сами – укорененные члены той нации и того места, где они служат. Они стали православными по личному убеждению и благодаря личному внутреннему перевороту. Я считаю, что это хорошо. Когда первые англичане пришли, они должны были приспособиться, привиться к чисто русскому приходу, и это нелегко: тут и культура, и менталитет, и язык... Хотя, с другой стороны, первое поколение было счастливее, чем теперешнее, потому что первое поколение привилось к стволу тех людей, которые, может быть, ничего особенного не знали, но которые, как рыба в воде, плавали в Православии. Некоторые из них были удивительно простые люди. Я помню одну неграмотную женщину, которая была как бы воплощением русского деревенского Православия, она в начале даже не понимала моих проповедей. Она меня научила говорить не птичьим языком, а нормальным. Я помню, раз после проповеди она ко мне подошла и говорит: «Ах, отец Антоний, как же вы хорошо проповедуете! Я стою и плачу, плачу – потому что ни слова не понимаю». После этого я понял, что надо говорить так, чтобы люди понимали.

Подготовка священнослужителей в нашей епархии обстоит так. Мы готовим одиночек, одного после другого; когда у нас появляется молодой человек, о котором мы думаем, что он может стать священником, мы его берем, если можно так сказать, в оборот. Один из нас его обучает уставу и литургике, я его обучаю пастырскому богословию, другой священник занимается с ним догматикой... И в течение неопределенного времени, в зависимости от того, как он развивается, мы его

готовим, и в свое время ставим, когда люди в нем видят возможного священника.

Рукоположение во священника или в дьякона у нас происходит, конечно, как в каждой православной Церкви, но с одной разницей: я всегда все тайные молитвы рукоположения читаю вслух, чтобы весь народ их слышал и рукополагаемый тоже слышал. Иначе, когда он стоит на коленях и молится, и слышит только протяжное «Господи, помилуй» и слова ектеньи, которые произносит в свое время дьякон, пока епископ про себя или шепотом читает основоположные молитвы, он теряет большую часть таинства рукоположения. Конечно, он может все это знать по книгам, но по книгам знать – одно, а пережить активно – совершенно другое дело. И еще: **"аксиос"**, то есть «достоин» произносит народ по окончании рукоположения, когда одевают человека в дьяконские или священнические одежды. Но тогда, если можно так выразиться, поздно кому-нибудь сказать **"анаксиос"**, «недостоин», все уже сделано. И поэтому когда подводят человека к рукоположению, я трижды провозглашаю от имени народа, который его избрал и послал на рукоположение, и от имени всего духовенства (а когда архиерейская хиротония – и от имени сослужащих архиереев) «аксиос» так, что слышат все участники. Потом идут молитвы, которые я читаю вслух, так, чтобы весь народ знал.

И это очень важно, потому что мы здесь завели за правило никогда не рукополагать человека иначе как по народному выбору. Мне кажется очень несчастным явлением, хотя большей частью неизбежным, что человека готовят в семинарии или академии и потом посылают на приход, о котором он не имеет понятия, к людям, которые его не просили и не выбирали. А здесь, когда человек хочет священства или дьяконства, думает об этом и ко мне приходит и говорит об этом, я ему ставлю первый и основной вопрос: если бы ты стоял перед Христом, как Иаков и Иоанн на пути в Иерусалим, и Христос поставил бы вопрос: «Готов ли ты пить Мою чашу, готов ли ты погрузиться в тот ужас, в который Я буду погружен?» (Мф. 20:22) – смог ли бы ты от всей души, серьезно ответить: «Да, я готов!»? «Могу» ты не можешь сказать, хотя бы: «готов»;

сказать милостью и силой Божией, которая «в немощи совершается» (2Кор.12:9). Если так, то можно думать о рукоположении, иначе нельзя вообще этот вопрос ставить. Поэтому иди домой и переживи это, пока ты не сможешь серьезно, из глубин сказать: «Да, я знаю свою немощь, но я знаю силу Божию, я знаю, что Бог меня действительно зовет». Следующий вопрос: слышал ли этот зов народ или нет?.. И я предлагаю приходу вопрос о возможном рукоположении. И не ставлю никого в приход, где его не хотят, не выбрали и не готовы принять.

Потому что возьмите, скажем, дьякона. Дьякон технически является мирянином, в том смысле, что его хоронят как мирянина. Что это значит? Это не только значит, что он не полностью священник, это значит, что он в алтаре будет представителем всего народа, он, если можно так выразиться, «мирянин в священном сане». А «мирянин» это не человек как бы низшего сословия. "Мирянин", "лаик" (от греческого слова **laos**) – это человек из Божиего народа. В этом смысле и священник и епископ остаются мирянами, – не мирскими людьми, а именно мирянами. И когда человек выбран, он посылается в алтарь (где еще нет места всем, поскольку мы в становлении) от имени всего народа, потому что хотя мы все в становлении, однако Богом мы уже приняты. И как бы в знак того, что весь народ принят Богом, один или несколько его членов участвуют в богослужении в алтаре. Когда дьякон выходит говорить ектенью, он молится от себя, но он зовет весь народ молиться церковной молитвой, и потому что он принадлежит этому народу, он не извне его зовет, он из недр говорит «Помолимся», а не «помолитесь». Это мне кажется очень важным.

А дальше мы ставим вопрос перед духовенством. У нас два-три раза в год бывают собрания духовенства; и возможный кандидат приводится на это собрание и участвует в этих собраниях раза два-три, в зависимости от того, насколько он всем известен или неизвестен. Потому что есть такие люди, которые, в общем, светочи – и никому не заметны, никем не замечены, а есть такие, которых все знают, и все удивляются:

«Почему, собственно, ты еще не рукоположил его?». И только если священники, священническое собрание говорит: «Да, мы готовы его включить в свои ряды», я считаю возможным его рукоположить. А идея вот в чем: случись с ним духовная катастрофа, какая-нибудь беда житейская или духовная – кто его будет выносить? Не епископ, потому что епископ может быть для него не самым близким человеком, это может быть не тот епископ, который его от души выбирал и ставил. Должны его выносить на своих плечах собратья. И только тогда можно человека рукоположить, если священническое братство говорит: «Да, мы этому человеку верим, мы готовы его поддержать в любых обстоятельствах». И тогда я принимаю решение о самом рукоположении. И это мне кажется очень, очень важным моментом.

Кроме того, я настаивал здесь из года в год на том, что стать священником – это не честь и не преимущество, это служение. То есть ты делаешься слугой, а не начальником или главой. Христос об этом ясно говорит: «Если кто хочет быть первым, будь... всем слугой» (Мк.9:35); «Я среди вас, как служащий» (Лк.22:27) Поэтому если человек хочет уподобиться Христу в Его служении, то должен действительно считать, что он на дне и будет делать – если можно так сказать – всю грязную работу. Он не будет в чести, он будет заботиться о грехах, о несчастьях, о бедноте, о горе и т. д. На этом уровне и служить.

И это относится в значительной мере не только к священнику, но к епископу. У нас в течение столетий получился сдвиг. Епископ и священник заняли высокое положение в иерархии, тогда как на самом деле, как отец Софроний мне раз сказал, Церковь – это пирамида вверх дном. То есть тот, кто является епископом или священником, должен быть на самом низу, на нем как бы строится Церковь. И мы в какой-то мере потеряли это сознание народа Божия, то есть мирян как людей **не** священного сана, а как тела Христова. У апостола Петра сказано: вы «царственное священство, вы – народ избранный» (1Пет. 2:9). А на что и почему избранный? Не потому, что мы такие замечательные, а – потому что мы Ему поверили, Он нам

доверил спасение мира. Он нас посылает в мир с вестью о спасении, а это делается иногда очень большой ценой. Мученики – не только те, которые физически были распяты и сожжены или обезглавлены, но люди, которые забыли о себе совершенно, для того только, чтобы помнить о других. Поэтому очень важно, что миряне являются **священством**, то есть людьми, которые посланы в мир его освящать. А «царственное священство», мне думается, объясняется тем, что, кажется, святой Василий Великий говорит: всякий может управлять, но только царь может умереть за свой народ.

И вот этот момент очень важный, потому что всякий человек рукоположенный, будь он дьякон, будь он священник или епископ, это человек, которому поручено освящать мир, если нужно, ценой своей жизни, не только словом и не только примером, но тем, как он относится к своей смерти и как он свою жизнь отдает. И в этом смысле мы народ святой, то есть народ, взятый в удел, Божий удел, то, что мой духовник, отец Афанасий как-то мне перевел: войско неубываемое. Потому что каждый, кто падает на поле битвы на земле, восстает бессмертным, непобедимым в вечности. И поэтому связь между народом, прислужником, иподиаконом, дьяконом, священником, епископом должна быть очень тесная. Это тело, в котором каждый исполняет свою какую-то задачу, но задача всех – весь мир освятить, то есть вырвать из плена зла и отдать Богу.

Для детей мы создали 38 лет тому назад приходскую школу, которая растет. Сначала было шесть человек детей, потом две дюжины, а теперь их очень много. Два раза в месяц после литургии у них бывает урок, потом их водят в соседний парк играть, чтобы они друг с другом знакомились, – это очень важно, чтобы они составили семью, которая в будущем станет приходской общиной; а летом мы устраиваем для них летний лагерь. Мы начали с небольшой группы, а теперь, вот в этом году (1987), у нас будет сто человек. Опять-таки, по вашему это капля в море, но по нашему это важно. Они две недели будут жить вместе, утром и вечером будет молитва, по утрам у них групповые занятия по предметам веры и др., потом спорт, походы. И это создает между детьми отношения, которые им

позволяют, когда они подрастут и дойдут до возраста, когда дети бунтуют против родителей, вместо того, чтобы делиться своими впечатлениями или искать совета и помощи в школе или на улице, идти к своим товарищам по лагерю, по школе, то есть по Церкви, в конечном итоге, и получать, конечно, совершенно иного рода ответы.

И так Сурожская епархия растет и молодеет. Кроме того, у нас есть теперь большая и интересная группа молодых руководителей, с которыми я занимаюсь отдельно именно как с группой лидеров для лагерей и для церковной работы в настоящем и будущем. А раз в год все желающие члены епархии собираются на епархиальный съезд, где в течение нескольких дней обсуждают свои личные и наши православные проблемы, – проблемы веры, проблемы жизни.

И сейчас, глядя на епархию, которая в других отношениях – ни количеством, ни блеском – не величественна, одно мне кажется очень положительным: это постепенное созревание. После многих лет совместной работы нам постепенно удастся создать в нашем малом масштабе истинную православную соборность. Во всех случаях жизни епархия ищет «ум Христов» (1Кор. 2:16), прислушивается к тому, что говорит Святой Дух в ней, и основывается в своих решениях не на автократическом постановлении епископа и не на большинстве голосов, а по каждому вопросу жизни ищет в соборном напряжении волю Божию.

Покупка Лондонского собора началась с того, что храм святого Филиппа решили сносить, потому что Англиканская Церковь ту площадь продала автобусной станции. И после целого ряда перипетий нам предложили этот храм. А можно и про перипетии рассказать.

Этот храм предложили так называемой Синодальной, то есть Зарубежной церкви, которая отделена от Московской Патриархии и тогда была настроена очень яростно-враждебно. А нам предложили маленькую часовню в центре Лондона. Я указал англиканам, что это невозможно. Они ответили: «Хорошо. Тогда, если хотите, вы можете делить храм (вот этот, где мы сейчас находимся) с Синодальной церковью. Вы

согласны?» – «Да, согласен». Англикане вызвали настоятеля Синодальной церкви и ему поставили вопрос, согласится ли он с нами делить храм. Он ответил: «Ни в коем случае!» И англичане вынесли столь типичное для них решение: они решили отдать храм той общине, которая проявила более христианское отношение к другим. И мы получили этот храм¹⁶.

Для начала (1956) нам его предоставили бесплатно, но с условием, что мы будем его полностью ремонтировать и за ним следить под надзором епархиального англиканского архитектора. Это, конечно, было не так дешево, но все-таки не аренда. Прошло 20 с лишним лет, меня вызвали и говорят: «Вот что. Вы должны или купить этот храм, или уходить из него, потому что китайский ресторан хочет его купить, чтобы внизу устроить танцульку, а на галереях и под галереями поставить столики». Я обомлел. Наша община за это время начала расти, крепнуть, это была уже не умирающая община. И я сказал: «Никакой речи нет, покупаю!» Мне говорят: «Помилуйте, мы же вам не сказали, за сколько...» – «Это неважно. У меня все равно медной полушки на покупку нет...». Они не вдохновились таким ответом и спросили: «А как же вы поступите?» – Я ответил: «Это мое дело. Я этот храм покупаю».

Мы созвали собрание прихожан, и я сказал: «В этом храме мы молимся уже 23 или 24 года. В этом храме мы хоронили своих родителей (я свою маму и бабушку здесь хоронил), мы венчали вас, мы крестили вас, мы ваших детей крестили, многие из вас стали православными здесь. Неужели мы этот храм отдадим под ресторан и танцульку?» – «Нет, покупаем!» Я говорю: «Да, только имейте в виду, что этот храм мы будем покупать на **свои** деньги, своим трудом. Ни у кого не будем просить денег или помощи, пока мы сами не сделаем всего, что только можем сделать. Поэтому давайте, сколько можете, денег на этот храм, продавайте все, что у вас есть стоящего, делайте, или стройте, или мастерите, что умеете мастерить, и собирайте деньги».

И мы начали собирать деньги. Например, одна старушка англичанка написала историю Русской Церкви в Англии. Правды в ней было относительно мало, фантазии очень много, но она

эту историю отпечатала и стала продавать по книжным лавкам, и собрала больше трехсот фунтов на этом. Другие люди стали приносить деньги – кто мало, кто много... Так, уговорами и сердечным влечением прихожане в течение приблизительно полутора лет собрали 50 тысяч фунтов. Но с нас требовали сначала сто тысяч. Мне Патриархия поставила вопрос: «А что если мы вам этот храм купим?» Я наотрез отказался, сказав: «Если вы дадите хоть полушку, этот храм будет на бумаге принадлежать вам, а реально – советскому правительству. Мы этого не хотим, мы хотим оставаться свободными, какими до сих пор были...» Тут нам еще Бог помог. Англикане, запросив сто тысяч фунтов, пожалели, что продешевили, и назначили архитектора, который должен был оценить храм, в надежде, что он оценит его выше. Он его оценил в 80 тысяч. В результате мы выгадали двадцать тысяч. К тому времени мы действительно истощили все свои возможности, больше собрать мы не могли; и то мы собирали с большой натугой. Я помню, вдова профессора Семена Людвиговича Франка, когда я взял этот храм, мне по телефону говорила: «Отец Антоний, я всегда знала, что вы сумасшедший, но не предполагала, что вы можете быть сумасшедшим в такой мере! Как мы можем содержать этот храм? для чего? мы же умирающая община в двести человек...» Я ответил ей: «Да, мы этот храм будем содержать, и на наших костях мы этот храм подыдем, потому что Православие нужно тысячам людей, и мы его дадим этим людям».

К тому времени обо всем этом узнала одна очень едкая журналистка и написала в Times: «Какой позор! Англиканская Церковь повсеместно закрывает свои храмы, потому что никто в них не ходит; здесь община, которая все растет и крепнет, и ее хотят выгнать ради того, чтобы китайский ресторан этим зданием воспользовался...» В результате Times и Church Times мне предложили написать воззвание. И когда я написал воззвание, случилось чудо. Я не знал, что у нас столько доброжелателей и друзей. Мы стали получать деньги: маленькими суммами – два фунта, три фунта, десять фунтов; некоторые вклады были большие, но в основе маленькие

суммы денег от бесчисленного количества людей. И некоторые из них мне запомнились.

Один старик мне написал из средней Англии: «Мне теперь 86 лет. Я живу в старческом доме, средств у меня нет. Я католик, но вы мне так помогли своими книгами, что я хотел бы вам чем-нибудь помочь. Я вам посылаю теперь три фунта, – это все, что я могу дать; но еще вдобавок посылаю свое обручальное кольцо. Оно золотое – продайте на храм».

Другой случай. Русский старичок (Владимир такой) пришел ко мне: «Я вам принес тысячу фунтов». Я поразился: «Откуда вы их можете взять?» – «Это мои сбережения за всю жизнь». – «Но почему?» – «А вы знаете, – говорит он, – я стоял в храме, поднял глаза и вижу, как шелушится потолок. И я в этом потолке увидел свои руки, какими они были, когда я в концентрационном лагере был. Руки до плеч у меня гнили. Я пошел к врачу, тот сказал: «Обе руки отрубить надо!» Я попросил отсрочки на две недели и стал молиться Божией Матери – и выздоровел. И когда я увидел этот потолок, то словно Божия Мать мне говорила: «Ты помнишь, что Я сделала для тебя, когда ты должен был потерять обе свои руки? Что **ты** сделаешь для Моего храма?..» И я решил **все** вам отдать, что у меня было». Это второй такой случай, который у меня запал в сердце и, я надеюсь, никогда не забудется.

А третий случай, о котором я хочу упомянуть, анекдотического рода. Мы здесь записывали наше богослужение на кассетки, и они попали в Швейцарии одной старушке. В то время в этих кассетках всегда было мое воззвание; она вдохновилась и периодически, нерегулярно стала нам посылать фунт-другой. Прошло несколько лет, ей было уже около 98-и, я получаю от нее посылочку: легонький пакет. Я развернул, там какой-то твердый предмет в бумаге и письмецо, где она пишет: «Владыко, я только что потеряла последние зубы. Они золотые, я вам посылаю их на покупку храма»... Это, конечно, анекдот, но глубоко трогательный, хотя можно от души рассмеяться. Но вот на сбережениях этого старика, на зубах этой старушки (обручальное кольцо я сберег и отдал одной чете, которая была слишком бедна, чтобы купить

кольцо) мы приобретали этот храм. И мы собрали достаточно денег, чтобы чистоганом выплатить 80 тысяч, которые с нас требовали, сделать полный ремонт храма и еще сберечь немножко денег (1979 г.). И это – милостью Божией и любовью прихожан, жертвенностью их, готовностью ради Православия, ради веры своей, ради Русской Церкви, которую мы здесь представляем этим храмом, пожертвовать всем, что у них было.

Как я раньше говорил, большинство наших священников и дьяконов не русские, а люди, которые нашли Православие, выбрали Православие, и которые знают его очень глубоко и сердцем и умом. И мне кажется, что это большая милость Божия, когда человек, сам ставший православным, делается священником и может передавать Православие другим людям, которые тоже не родились православными. Он их понимает, как не понимает человек, родившийся в нашей вере; но кроме того, у него есть такая сила и глубина убеждения, которая очень умирительна.

Один из примеров – это наш отец Александр. Он чистый грек, родился в Греции, получил там образование в университете, стал архитектором, приехал сюда доучиваться, чтобы получить звание архитектора уже английского. Он приехал формально православным, без особой любви к Церкви или к Православию. Знаете, как Лесков сказал: «Русь была крещена, но никогда не была просвещена...» Вот он таким приехал. Встретился он по каким-то обстоятельствам с отцом Михаилом, они подружились, и отец Михаил ему «раскрыл» Православие. То есть он ему показал, что Православие это не формальная религия данного государства, не государственная религия, это религия сердца и жизни каждого отдельного человека. И о. Александр постепенно вырос в Православии и стал убежденным, живым, думающим православным человеком. Он стал молиться, стал приходить на богослужение, он пел в хоре; его внутренняя жизнь стала расти и расцветать замечательным образом. В какой-то момент он ко мне пришел и сказал: «Вы мне несколько раз говорили, что хотели бы, чтобы я стал дьяконом. Можно ли это сделать теперь? Потому что я сейчас как архитектор начинаю делать карьеру. Если я сделаю

карьеру, я буду пленником своей работы и уйти с нее не смогу. Разрешите мне бросить работу и стать дьяконом...» К тому времени он был уже женат, потому вопрос был не такой простой: ведь у нас нет никаких средств на содержание духовенства. В Лондоне мы платим отцу Михаилу и отцу Иоанну мизерный оклад; машинистка в любой конторе получает приблизительно в 2,5–3 раза больше, чем любой из наших священников. Я получаю действительно гроши. Тут я подумал о том, что в Лондоне в Университете около ста двадцати православных преподавателей и около трех тысяч православных студентов (конечно, не русских, а греков, сербов, румын и т. д.), но у них нет пастыря. И я обратился к греческому архиепископу с предложением сообщать найти для отца Александра оклад, с тем, чтобы он стал пастырем православных преподавателей и студентов Университета. Греческий архиепископ обещал денег, мы сняли нашего отца Александра с его светской работы, я предпринял нужные шаги, и его приняли православным «капелланом», духовником Лондонского университета. Тут, конечно, случилось несчастье: греки свое обещание не выполнили. Мы никогда медной полушки от них не увидели, и поэтому нам пришлось из наших приходских денег определить оклад для отца Александра – что мы и сделали. И мы начали постепенно собирать специальный фонд на, так сказать, настоятеля университетской православной миссии. Собирается это медленно, лет через пять или десять у нас будет достаточно денег, чтобы оплатить очередного священника, потому что, конечно, отец Александр не до конца своей жизни останется там. Его преимущество в том, что он по-русски говорит достаточно, по-гречески говорит свободно и понятен грекам, поскольку он из той же среды, и, конечно, говорит свободно и по-английски.

Он женат на такой Патси (это сокращение от имени Патриция). Ее я встретил уж не знаю, сколько лет тому назад, ей было лет 17–18, она принимала участие в какой-то группе, которая интересовалась Православием, сама по себе сблизилась с Православием. Я ее готовил и принимал в Православие. Она несколько лет жила в Париже; там научилась

французскому языку, но, кроме того, начала учиться иконописи у Леонида Александровича Успенского, одного из лучших иконописцев, какие были у нас на Западе (он и в России известен).

Сейчас я попросил Патси написать нижний ряд для нашего иконостаса, то есть каждую икону этого ряда заменить иконой того же святого, написанной в русском православном стиле. Наш иконостас был «пестрый», в том смысле, что верхние ряды – классического русского письма: праздники написаны женой отца Михаила Марьямной, которая училась у Успенского, ряд святых написан другой его ученицей. Но нижний ряд никак не подходит под стиль верхних. Объясняется это тем, что эти иконы стояли в иконостасе дореволюционной посольской церкви. Ими очень дорожили наши старики: они перед этими иконами молились до революции и в трагические годы ранней эмиграции, и иконы намоленные. Люди, приезжающие из России, часто мне говорят: «Как вы можете молиться перед этими иконами? Это же западные картинки!» А я отвечаю: «Знаете, друзей выбирают не по уму, не по образованности, не по даровитости, а потому, что между вами что-то происходит». Первый раз, когда я пришел в храм в Лондоне, я посмотрел на эти иконы и подумал: «Боже, какой ужас!». А помолившись перед ними 45 лет, я с ними так сросся, что они для меня стали родными и друзьями. Это иконы, через которые я молился Божией Матери, Спасителю, святому Василию, святому Пантелеимону, Александру Невскому, Георгию Победоносцу и другим. Для меня они святые иконы, и потому я не могу к ним относиться, как искусствовед, который сказал бы: «Это неудачные копии западного письма».

Но тем не менее мы хотим здесь иметь иконостас, который был бы образцом русской православной иконописи. Иконы готовы; я их видел – они прекрасны. Они очень хороши, они будут действительно – не украшением храма, а явлением православной духовности¹⁷.

Мы помогаем семье о. Александра, сколько можем. Нам удалось собрать денег и купить для них дом. У них сейчас четверо детей, которые, естественно, православные, любят

Православие. Отец Александр, хотя был крещен православным, православным «стал» по убеждению, и Патси стала православной по убеждению. Поэтому дети могут воспринимать Православие не как формальную веру родителей, а как ту веру, которая дает **жизнь** и родителям, и их дому. Благодаря тому, что отец Александр работает в Университете, у них ежемесячно бывают собрания университетской молодежи, и к ним присоединяются молодые люди и девушки нашего прихода. Это такие непосредственные встречи; они собираются, пьют чай, разговаривают, сидят несколько часов и узнают о Православии все больше и больше. Вот в чем заключается его работа.

Что дальше будет из нашей епархии – нам совершенно «безразлично» в том смысле, что это – дело Божие. Наше дело – **сеять**. Как земля воспримет семя, как Бог взрастит его – не наша ответственность. Есть такое слово, которое мне очень дорого, латинская поговорка «Fructuat dat pereat»: пусть он приносит плоды, с тем чтобы в свое время самому исчезнуть... Я не знаю, что будет с нашей епархией. Я думаю, что в какой-то момент она послужит семенем будущего Православия здесь, что тогда все здешние православные сольются в одно, и будет, возможно, не Сурожская епархия, и не греческая Фиатирская епархия, и не Сербская епархия, а нечто новое, может быть – Православная Церковь Великобритании и Ирландии.

ЦАРСТВЕННОЕ СВЯЩЕНСТВО МИРЯН

За последние годы у меня накопились некоторые мысли о Церкви, и у себя в приходе я провел целый курс бесед о том, насколько эмпирическая, реальная церковь, в которой мы живем, отличается от той более реальной, совершенной Церкви, в которую мы верим. Для того, чтобы жить в эмпирической, современной нам церкви, надо, с одной стороны, понимать, во что мы верим, в какую Церковь мы верим, а с другой стороны – принимать в учет, как историческая церковь развивалась, как она дошла до того состояния, в котором находится, и какова наша роль в том, чтобы эту церковь, похожую как бы на червячка, сделать светлячком. Это очень, мне кажется, современная задача, потому что возвращение к прошлому, к традициям, к путям дореволюционной России и т. д. – **не** решение вопроса.

Одно слово сначала о Церкви. Церковь мы понимаем как Богочеловеческое общество, которое одновременно полностью и Божественно и человечно. Человечество в Церкви представлено двояко. С одной стороны – совершенный Человек, идеальный, но реальный, исторически реальный, Господь Иисус Христос. А с другой стороны – **мы**, которые тоже люди, тоже, если можно выразиться так не по-русски, «человеки», но – во грехе. Человечество мы должны воспринимать в Церкви именно так: мы видим, какими мы призваны быть, глядя на Христа. И чем глубже мы это воспринимаем, тем больше видим, как мы далеки от этого образа; но видим тоже, как к этому образу устремляться, потому что Христос нам сказал: «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14:6). Он не только говорит нам: «Ищите, как умеете», Он говорит: «Я – путь. Если вы будете идти Моим путем, то станете подлинными людьми, детьми Божиими...».

Божественное присутствие в Церкви ощущается даром Святого Духа, исполнившим ее в день Пятидесятницы, когда Святой Дух сошел на Апостолов и в их соборе заполнил всю Церковь. И никакой человеческий грех, никакая человеческая

греховность не может удалить Святого Духа из Церкви. Каждый из нас призван быть сосудом, в котором находится эта святость; мы призваны быть храмами Святого Духа. И в этом отношении мы являемся храмами, но часто оскверненными. Апостол Павел говорит, что мы святость носим в глиняных сосудах, а они должны бы быть золотые, а не глиняные, и без трещин; а мы все с трещинами, греховны. Мы можем терять сознание Святого Духа в себе; как бы Он в нас ни действовал, мы можем заглушить Его голос. Опять-таки, апостол Павел пишет, что иногда Дух Святой говорит в нас ясно, называя Бога Отцом нашим. Это значит, что в такой момент мы должны бы быть детьми Божиими, так же как Иисус Христос является Сыном Божиим; то есть через укорененность во Христе, приобщенность Ему, соединение с Ним мы должны стать уже не приемными детьми Божиими, а, как очень смело говорит святой Ириней Лионский, во Христе и силой Святого Духа стать единокровным сыном Божиим и коллективно, все вместе, и каждый из нас.

И третье: во Христе и Духе мы все в Боге. И в этом отношении Церковь – нечто непостижимо великое, потому что это уже Царство Божие, пришедшее в силу, то есть оно как бы тут, но оно должно еще осуществиться в нас; оно тут в своей полноте, но каждый из нас должен осуществить его в себе или войти в его полноту. Именно это отец Георгий Флоровский имел в виду, когда говорил, что Церковь и дома и на пути одновременно. Она дома, потому что мы уже дети Божии, она на пути в каждом из нас, потому что мы все в становлении. И вот это мы должны помнить: меньше этого Церковь не может быть. Но с другой стороны, как ясно из того, что я уже сказал, каждый из нас вносит в историческую, эмпирическую Церковь свое несовершенство, свою греховность, свою неполноту еще.

А кроме того, коллективно Церковь как историческое явление приняла на себя формы, которые ей не присущи. И это, мне кажется, сейчас проблема, которую Церковь должна глубоко рассмотреть и на которую она должна творчески отозваться. Если мы посмотрим на церковные структуры, то увидим, что они являются как бы копией тех структур, которые были в Византийской империи, то есть строго иерархической

системы с величием, с торжеством, с грандиозностью; это одно. Второе: в древней Церкви, в самый ранний ее период, когда еще проповедовали Апостолы и их прямые ученики, христианами становились люди, которые лично пережили встречу со Христом – или непосредственно, как апостол Павел, как другие ученики Христовы, или потому что они встретили таких людей, которые были живыми иконами Христа, людей, которые могли свидетельствовать о Христе и о спасении, как то определяет апостол Иоанн: мы говорим о том, «что мы слышали, что видели своими очами, и что осязали руки наши» (1Ин. 1:1). Такой человек говорит, конечно, совершенно иначе, нежели тот, который понаслышке повторяет сказанное кем-то другим двадцать поколений тому назад. Поэтому ранняя Церковь была немногочисленна, она была укоренена в опыте о Христе, она за этот опыт платила мученичеством, смертью, пытками, изгнанием – и это в течение трех-четырех веков; не только первое поколение так пострадало, а в дальнейшем тоже.

Когда император Константин признал Церковь не как враждебное явление, а как явление сначала приемлемое, а потом и желанное, она переменилась глубочайшим образом. Те люди, которые ни за что в Церковь не пришли бы, когда это могло стоить им жизни, влились в нее, потому что этой Церкви покровительствовал император. И она разжижилась, в нее вошли элементы, которые никоим образом не хотели бы мученичества, а хотели человеческой славы, человеческой обеспеченности, хотели быть как бы по правую руку императора. И вдобавок церковные структуры начали делаться похожими, по воле императора и с согласия самой Церкви, на структуры империи. То есть патриарх был параллелью, стоял как бы параллельно с императором, архиепископы и епископы тоже имели свое иерархическое положение и т. д.

И еще одно: в этом поколении, где христианская вера не зависела исключительно от огненного опыта Святого Духа и Христа, где люди в значительной мере делались верующими понаслышке, появилось расслоение между людьми образованными, знающими, что такое христианская вера как

вероучение, а не только как опыт, и людьми, которые не имели доступа ни к какой письменности и поэтому могли только понаслышке узнавать о христианской вере. И в результате епископат, духовенство приобрело положение учительное, но не потому, что из них как бы изливался свет святости, а потому что они знали, что передать следующему поколению или своим современникам. И получилось постепенное расслоение между духовенством и мирянами. В ранней Церкви этого разделения не было в том смысле, что было одно живое тело, в котором разные члены (апостол Павел об этом подробно говорит) имели различные функции. Но функция – это одно, а сан и возвышенность – это совершенно другое. А если уж говорить о сани и о его высоте, то надо помнить слова Христа о том, что никто большей любви не имеет, как тот, кто жизнь свою отдаст за ближнего своего (Ин. 15:13). Своим ученикам Он говорил: «Кто из вас хочет быть первым» (то есть быть самым истинным Моим учеником), «должен стать всем слугой» (Мк. 9:35). И на Тайной вечери Он снова говорит: «Смотрите, вы Меня называете Учителем, а Я среди вас, как служащий..» (Лк. 22:27). Это у нас пропало в значительной мере, если не совершенно, потому что мы влились в светские структуры. В результате этого, как мне кажется, получилось расслоение между мирянами, которые не чувствуют ответственности за Церковь и которым как будто даже говорят: «Ты только делай то, что тебе сказано, и все будет хорошо», и духовенством, которое в результате – я скажу прямо – возомнило, что оно имеет право «руководить стадом Христовым». А миряне – это не стадо, это живое тело Христа, и духовенство – это не вожди и не начальники, а слуги. И к этому нам надо как-то вернуться, сначала вернуться сознанием. Надо учить людей, и начать с себя самого. То есть священник или епископ поставлен вести народ в эту тайну освящения мира, но каждый на своем месте должен быть готовым отдать свою жизнь. И когда я говорю «жизнь отдать», я не говорю романтически о том, чтобы умереть в пытках и т. д., но отдать каждый день, каждый час своей жизни на то, чтобы все вокруг было освящено. Я не говорю, что нет таких священников или епископов, но в целом такой подход к

Церкви встречается редко. И миряне, которых апостол Петр определяет как «царственное священство, народ святой, храм Святого Духа» (1Пет. 2:9), оказываются просто подвластным «стадом», которому говорится: «Поступай так-то, делай то-то, учись этому, верь в то или другое».

А что такое «царственное священство»? У нас в епархии был в этом году съезд на эту тему, о мирянах, о царственном священстве в частности. Если прислушаться к преподобному Максиму Исповеднику, то он говорит, что человек был создан для того, чтобы всю тварь привести к Богу, что он создан как участник двух миров: вещественного и духовного, он в себе совмещает эти два полюса. И в этом смысле всякий верующий в Церкви является священником, то есть человеком, который освящает тварь, который делает ее святой, что значит – Богу посвященной и пронизанной Божественной благодатью. Это призвание каждого христианина, не только священника; у священника есть своя задача, о чем я еще скажу. И мирянин – это не только человек, который живет «в миру», это человек, который Христом послан в мир для того, чтобы все, к чему он прикоснется, сделать святыней: он «священник» в этом отношении. То, как мы относимся к предметам, которые вокруг нас, то, как мы относимся к людям, то, как мы относимся ко всей природе... Если мы думали бы о том, что все это создано Богом в любви с тем, чтобы все вошло в тайну приобщенности Ему, как благоговейно мы бы относились ко всему тому, к чему мы прикасаемся – словом ли, взглядом ли, прикосновением ли руки... И я думаю, что мирянин вступает на этот путь в момент, когда его готовят к принятию крещения, потому что через крещение человек соединяется со Христом и в этом таинстве погружения в воды смерти и жизни, выходя из них новым существом, делается уже как бы носителем Христа. Когда совершается миропомазание, Святой Дух сходит на человека, и он уже – в малой мере, конечно, не в той мере, в какой Христос действовал – является присутствием Божественной благодати, ему поручено это таиносовершение. Это своего рода рукоположение; человек делается частью тела Христова.

Теперь: почему «царственное» священство? Мне кажется, ответ можно найти у святителя Василия Великого, который говорит: всякий может управлять и властвовать, только царь может умереть за свой народ... И вот это роль всякого христианина – и мирянина, и священника, потому что если мы называем народ Божий таким словом, как *laos*, оно включает всех: и новорожденного младенца, и Патриарха. Это народ Божий, и в этом отношении мы все являемся царственным священством через то, что мы должны быть готовы жизнь свою положить за каждого человека, который находится в Церкви и особенно вне Церкви: «Я вас посылаю, как овец среди волков» (Мф. 10:16). Мы овцы не в том смысле, что должны быть блеющим стадом, которому нечего говорить или нечего давать. Нет, мы – общество людей, которые должны идти в мир, идти туда, где не слышали о Христе, туда, где не верят в Бога, идти туда, где разврат, где неправда, где нет веры, где нет надежды, где нет радости, где нет любви, и все это приносить туда в себе и давать ценой своей жизни. А «ценой своей жизни» не значит умереть: умирать можно каждый Божий день, отдавая свою жизнь другим людям. Умереть на плахе – это одно мгновение, умирать изо дня в день – это другое дело. Я вам могу дать пример.

Я встретил в России одного монаха, священника, который провел в концентрационном лагере 26 лет. Он сидел передо мной на койке с сияющими, светящимися глазами и говорил: «Вы понимаете, Владыко, как Бог был добр ко мне! Меня, неопытного священника, Он избрал, на пять лет в одиночку посадил, в тюрьму, а потом на 26 лет в лагерь, для того чтобы я был священником там, где он больше всего нужен был и куда свободного священника не пускали...». Все, что он вынес из этого ужаса, это благодарность за то, что он принес свет туда, где была тьма, надежду – туда, где не было надежды, любовь – и какую любовь он мог проявить! – туда, где любовь колебалась от ужаса, страха и страдания. И вот это является царственным священством. Да, как царь, он отдал свою жизнь. И предельное проявление этого царственного священства, если можно так выразиться (и я надеюсь, что меня не поймут вкривь и вкось),

крайний пример его – Господь Иисус Христос, первый Мирянин. Он, технически говоря, не священнического рода, Он не священник, Он Мирянин, первый член царственного священства. Но Он одновременно Первосвященник всея твари. И вот к этому мы должны стремиться и возвращаться.

В связи с этим меня волнует, что так часто молодые священники (да и священники среднего возраста, которых жизнь, может быть, не ломала внутренне) считают, будто они могут всякого наставить и привести ко спасению. Я думаю, что это очень страшное искушение для священника. Роль священника, духовника или просто близкого друга – не ступать «обутыми ногами» на священную землю. Не всякий священник имеет дар духовничества. Священнику дано исполнять таинства, он может именем Христовым разрешить грехи человека, который каялся, причем не просто разрешить все грехи, которые были названы. В одной из древних разрешительных молитв сказано, что разрешаются те грехи, в которых ты каялся, и постольку, поскольку ты в них каялся, а не потому что ты по списку прочел грехи, они все смыты с тебя. Священнику дано читать разрешительную молитву; благодатью Божией, поскольку ты исповедался Самому Христу, он был свидетелем твоего покаяния. Но это не значит, что всякий священник получает другие дары. Рукоположение не делает человека умным, красноречивым, ученым, святым. Он делается тайносовершителем. Это колоссального размера вещь, но это не все.

Одна из вещей, чему должен священник научиться, это – быть при человеке и молчать, и вглядываться, пока или Господь Бог ему не откроет нечто, или из собственной опытности он не уловит что-то и не сможет тогда внести какой-то небольшой вклад. Но именно вклад этой минуты. Не «теперь я тебя понимаю и буду тебя вести», а «теперь я, кажется, понял что-то, что тебе нужно, я с тобой поделюсь тем, что знаю или думаю, будто знаю, а ты бери или не бери». Конечно, в зависимости от того, кто говорит, мы примем его слово с большей или меньшей готовностью исполнять его совет, но в сущности очень важно, чтобы священник не думал, будто он может заменить собой

Святого Духа. Духовность мы описываем большей частью внешними проявлениями: молитвенностью, теми или другими добродетелями, смирением и т. д. Но в сущности своей духовность – это воздействие Святого Духа на душу человека и отклик с его стороны. Но к сожалению, чем моложе священник, тем больше он «знает», потому что его учили в богословской школе «всему» и он «все знает». Это только потом начинаешь понимать, что ты ничегошеньки не знаешь, так как до тебя не дошло опытно то, о чем ты говоришь.

Молодого священника надо воспитывать так: Да, ты получил образование в богословской школе, будь то семинария, будь то академия, но все равно это умственное образование тебя святым не могло сделать; не воображай, что можешь людей вести от земли на небо... Знаете, когда люди берут проводника в горы, они выбирают человека, который там бывал, знает дорогу, уже проходил ею. А молодой священник, который говорит: «Я получил полное богословское образование, я могу взять человека за руку и привести в Царство Божие», – неправ, потому что он там никогда не бывал. На дискуссии в Троицкой Лавре молодой студент мне сказал: «Но разве священник не икона Христа?». Я ему ответил (может быть, грубо, но я подумал: ему нужна встряска): «А ты когда-нибудь задумывался над тем, что такое икона?». – «Да, – говорит, – задумывался». – «А я тебе скажу: икона делается **иконой**, когда она освящена, до того она – дерево и краски. Так пока ты не станешь сосудом Святого Духа, ты дубина, на которой намазана краска...». Он, конечно, меня за это не поблагодарил, но это правда. Это, может быть, неприглядная правда, но я по себе знаю (я тоже священник и знаю, где мои границы), что никто не имеет права просто так, потому что он понаслышке что-то знает, «вещать» и думать, что другой ниже его.

Я сейчас не имею в виду старчество, разумеется, потому что старчество – совершенно другое дело, это благодатное состояние отдельных избранников; и никто из нас не имеет никакого права воображать себя старцем на том основании, что он может дать умный совет при случае. Сказанное мной относится к явлению, которое в древности и в средние века

называли младостарчеством. Это подход молодого, неопытного священника, который из того, чего он начитался, или потому, что его так учили, думает, будто он все вопросы может разрешить без личного опыта о Боге и без личного возрастания в святость. Это совсем не значит, что я отношусь к современной нам Церкви, которой сам я являюсь живой частью (может быть, вымирающей, но пока живой еще) или к другим священникам с презрением. Я сознаю, что не в состоянии решать вопросы каждого человека. Даже у апостола Павла есть места, где он указывает: это я вам говорю именем Божиим, а это я вам говорю от себя... Этот момент мне кажется очень важным в жизни приходов, потому что архиерея вы видите на службе, иногда можете иметь с ним дело, но общаетесь редко, а приходской священник – он-то может действительно скривить вашу духовную жизнь. Я знаю случаи, когда священник с уверенностью говорил то или другое, но с уверенностью, которая происходила от его **самоуверенности**, а вовсе не от того, что Господь Дух Святой ему открыл глаза на ту или иную нужду человека. Иногда священник должен уметь выслушать человека и сказать: «Мне нечего тебе говорить. Я буду о тебе молиться...». И это не унизительно. В жизни преподобного Амвросия Оптинского есть два случая, когда к нему приходили с вопросами, он в течение двух-трех дней не давал ответа, и вопрошавшие торопили: «Нам же надо домой, у нас промысел, работа, семья, что же ты молчишь?» И он отвечал с грустью: «Три дня я молю Матерь Божию об ответе, – Она молчит; как же я могу тебе ответить?»

Если бы каждый из нас с такой бережностью относился к тому, что он говорит! Можно сказать: «Знаешь, у меня нет ответа, который из моей глубины шел бы к тебе, но я буду о тебе молиться, думать; если что-нибудь придет мне на мысль или на сердце, я тебе скажу...» Или можно сказать: «Знаешь, я именем Божиим тебе ничего не могу сказать, но вот что я вычитал в житиях святых, в Священном Писании. Я повторю, а ты посмотри, пригодно ли это...»

А иногда бывает, что даже неопытный священник, потому что человеку нужен ответ, вдруг скажет нечаянно то, что нужно

сказать. Я помню, кто-то мне раз сказал: «Ну да, и еретик может правдой обмолвиться».

Если мы посмотрим на историю Церкви – кто были святые? Не только епископы и не только члены духовенства. Некоторые святые были в сани, а некоторые и не были, масса святых были просто миряне – и достигли такой духовной высоты и святости, что из них лился свет фаворский, они были убедительны тем, что они собой представляли. Есть рассказ из житий святых египетской пустыни о том, как пришли трое к одному старцу в пустыню, и двое ставили ему вопросы, на которые он отвечал, а третий сидел и молчал. И когда беседа кончилась, старец-подвижник ему говорит: «А ты ничего не спросишь?» И тот ответил: «Мне достаточно смотреть на тебя, авва...» Вот если бы наши священники, включая меня и кого угодно, могли быть такие, что – встретил его, посмотрел и подумал: О! В этом человеке есть что-то, чего у меня нет!.. Западный писатель К. С. Льюис в одной передаче, которые он вел во время войны, говорил: Разница между верующим и неверующим та же самая, что между статуей и живым человеком. Статуя может быть в тысячу раз прекраснее данного человека, но она каменная, она не движется, молчит. Человек может быть уродливым и ничем не выдающимся, но он полон жизни... И вот такими мы должны стать.

Я думаю, что надо принять все это в учет. С другой стороны, судить о священнике только по его жизни или по тому, что ты видишь в его жизни, нельзя, потому что ты видишь внешность. Скажем, ты видишь, что он грешный человек, а разве ты видишь, как он плачется перед Богом, как он страдает о своем падении или о своей слабости? И у меня есть тому очень поразивший меня пример.

У нас был в Париже священник, который отчаянно пил – не все время, но когда запивал, то запивал крепко. Я тогда был старостой, он приходил в храм на службы в таком виде, что качался на ногах, я его ставил в угол и становился перед ним, чтобы он не упал. Мне тогда было лет двадцать с небольшим, у меня понимания было очень мало; мне его было жаль как человека, потому что я его любил, вот и все. Потом случилось

так, что нашего приходского священника немцы взяли в тюрьму, и этого пившего священника попросили его заменять. Он тогда бросил пить; он служил, я к нему пошел на исповедь сразу после того, как его назначили, потому что не к кому было идти. Я шел к нему с мыслью, что я исповедуюсь Богу. Священник, как говорится в увещании перед исповедью, только свидетель, значит, он будет свидетельствовать перед Богом в день суда о том, что я сделал все, что мог, чтобы сказать правду о своем недостойнстве, о своих грехах. Я начал исповедоваться, и я никогда не переживал исповедь, как в тот день. Он стоял рядом со мной и плакал – не пьяными слезами, а слезами сострадания, в самом сильном смысле со-страдания. Он со мной страдал о моей греховности больше, чем я умел страдать, он страдал всем страданием собственной жизни за мою греховность, и он плакал всю исповедь. И когда я кончил, он мне сказал: «Ты знаешь, кто я такой. Я не имею никакого права тебя учить, но вот что я тебе скажу: ты еще молод, в тебе есть еще вся сила жизни, ты все можешь осуществить, если только будешь верен Богу и верен себе. Вот что я тебе должен сказать...». И он мне сказал многое истинное. На этом кончилась исповедь, но я никогда не забывал этого человека и то, как он смог надо мной плакать, будто над мертвецом, будто над человеком, который заслуживает вечного осуждения, если только не исправится.

А впоследствии я совсем иначе стал о нем думать. Он был молодым офицером во время гражданской войны. Во время отступления войск из Крыма он на военном судне уходил в Константинополь. На другом корабле были его жена и дети, и он видел, как этот корабль потонул. Перед его глазами утонули его дети и жена... Разумеется, люди, ничего не испытывавшие подобного, но святоши, могут сказать: «А Иов? Он еще хуже пострадал. Почему этот священник не стал подобен Иову?». Я одному человеку на это ответил: «Ты сначала испытай его горе, а потом будешь о нем судить». С тех пор как я узнал о его трагедии, у меня никогда язык не повернулся осудить его за то, что он запил. Да, горе было такое, ужас был такой, что он не выдержал. Но он остался верен Богу. Он остался священником,

вернее, он стал священником для того, чтобы разделить с другими людьми их трагедию, их греховность и покаяние. Дай нам Бог больше таких священников.

И тут, я думаю, и миряне должны играть свою роль. Не надо ставить священника, особенно молодого, на такой пьедестал, чтобы он думал, будто он духовный гений. И надо его поддерживать, чтобы ему не было страшно быть обыкновенным, «полубездарным» священником, если он таков. От священника вы имеете право ожидать, чтобы он благоговейно совершал службы, чтобы он молился за вас и с вами, но рукоположение не дает священнику ни богословского знания, ни «различения духов», ни понимания того, что другой человек переживает, ни способности проповедовать. Это все иное, это может иметь любой человек. Но священнику дана благодать совершать таинства; от него можно их принимать. В остальном, мне кажется, надо больше развивать сотрудничество между мирянами и священниками, чтобы священник не имел тенденции и желания властвовать над уделом Божиим. Потому что миряне могут сделать из священника какого-то псевдостарца: он будет воображать, что он духовник, что он «ведет» и все знает. Я думаю, что должно быть сотрудничество, соработничество. Этому я научился за свою жизнь; я не хочу сказать, что я лучше кого бы то ни было, просто – я это знаю, и все это мне в суд и в осуждение больше, чем кому-то, кто не знает.

Ответы на вопросы

Вы как-то упоминали о Русском студенческом движении. Как Вам кажется – такая форма оживления отношений реальна? Мы ведь очень многое возлагаем на священников, на наших епископов, мы постоянно от них чего-то требуем, забывая, что и мы что-то можем. Возможны ли такие формы работы?

Я думаю, что незачем спрашивать разрешения каких-нибудь властей для того, чтобы делать самые простые вещи. К примеру, в Лондоне, кроме проповедей, мы читаем доклады: по-английски два раза в месяц, по-русски один раз. И у нас есть пять тематических групп, которые ведут миряне. Есть группа славянского языка, группа изучения Евангелия, группа о духовной жизни и т. д. И сейчас мы стараемся их умножить. Каждая группа должна быть достаточно маленькой, чтобы мог быть настоящий обмен между людьми, коллективное обсуждение какой-нибудь темы, в котором все бы участвовали; важно, чтобы все участвовали. Конечно, есть люди молчаливые, которые не будут активно высказываться, но они все равно будут участвовать своим молчанием, своей вдумчивостью, своей молитвой. И мне кажется, что очень важно везде создавать такие ячейки; причем не по линии беспоповщины, не то, что «мы не хотим священника, мы хотим думать сами», а просто потому что священник не может всего делать. И не нужно быть гением, чтобы руководить такой группой. Пусть руководящий не считает, что он должен поучать всех; пусть он приготовит текст, будет знать, что этот текст значит, найдет параллели с другими местами Священного Писания, продумает, что этот текст ему говорит, что он другим говорит. Если возникают недоуменные вопросы, можно кого-нибудь еще спросить. Но мне кажется, очень важно, чтобы христианские общины, вместо того чтобы быть громадными анонимными массами, по возможности состояли из небольших, сливающихся групп. Все начинается с малого. Соберите вокруг себя несколько человек и живите этим. Если другие люди увидят какие-то

плоды, они сделают то же самое; может быть, даже священник или епископ вдохновится.

Я очень много занимался молодежной работой, и поэтому мне это естественно и легко, но многие не имеют опыта такого рода работы. Если они увидят, что это осмысленно, плодотворно, что это дает какой-то результат, не ведет ни к каким диким измышлениям, это будет воспринято. Но следует принять в учет, что Русская Церковь на тысячу лет моложе Западной. За тысячу лет Русская Церковь прошла весь путь, который Запад проходил за две тысячи лет; кроме того, культура Запада, греко-римская культура и до того была гораздо более богата и разработана, чем славянская культура в момент обращения, так что очень многое было уже готово и начало давать плоды.

Все-таки в Православии очень развита практика, требование духовного руководства...

Да; но мне кажется, что порой это становится одним из наших недостатков: миряне ждут «руководства», а личного чувства ответственности очень мало. Бытие под духовным руководством заключается в том, чтобы стоять перед своей совестью, перед словом Евангельским, принести на исповедь свои грехи и в них каяться, делать усилие исправиться и на этом пути искать совета, но не обязательно указки, приказания.

Когда я попал в Лондон, я хотел наших стариков втянуть в какую-то ответственную работу. Они отвечали: «Зачем, отец Антоний? Вы нам говорите – мы будем делать...» Для практических вещей это неважно, а в целом Церковь так не строят, потому что Церковь – нечто более богатое, чем просто стадо и пастырь.

В Шанхае один русский священник издал книжку своих проповедей (за свой счет, и я понимаю, почему); я их читал в момент, когда хотел найти вдохновение какое-то. Там была проповедь об овцах и козлищах. Начиналась она так: «Я вам читал евангельский отрывок и видел, как вы все с удовольствием слушали и думали: Вот мы – овцы стада Христова... И видно, что вы никогда в деревне не жили. Овца – самое глупое, жадное, грязное животное, какое я могу себе

представить; и поэтому я поставлен над вами пастырем...» В смягченном виде этот подход часто встречается в православном мире: «Надо спросить...» Почему?! Если это не безнравственно, не идет против учения Церкви и против Евангелия, почему этого не сделать?.. Нет, надо, чтобы кто-то сказал. А этот «кто-то» в результате будет воображать, что он в чем-то особенный. Ничего особенного в нем нет, такая же жадная, грязная овца... И когда священник говорит вам: «Сделайте то-то», вы должны это принять с рассмотрением; не то что думая: «А может быть, он ничего не понимает?», а – «Могу ли я это сделать?». Если хотите мнение более авторитетное, чем мое, возьмите святителя Феофана Затворника. Он говорит: если у тебя есть ряд грехов, возьми и борись с самыми мелкими. К тому времени, как ты научишься побеждать мелкие грехи, у тебя разовьется сила и умение бороться с грехом, и тогда приступай к следующему. А мы хотим сразу броситься на самое великое и делаем нелепые ошибки. Скажем, сколько людей говорит: Я согрешаю гордостью или тщеславием... – и сколько священников учит: Ищи смирения... Отцы Церкви нам говорят, что смирение – вещь таинственная и Божественная, которую определить нельзя. Смирения с фонарем ищи – не найдешь. Оно может родиться в вас, но нельзя просто переметнуться от тщеславия или гордыни прямо в смирение. Но по дороге можно найти что-то, скажем, благодарность.

Я вам пример дам. Ко мне пришла девушка лет двадцати, села с несчастным выражением лица, опустила голову и говорит: «Я такая грешная, не знаю, что мне делать!» Я ответил: «Ну да, конечно, грешная, как все, но чем так особенно? почему такую рожу строить?» – «Когда я смотрю на себя в зеркало, то нахожу, что я хорошенькая...» Я ей посоветовал: «Становись перед зеркалом и вглядывайся. Посмотри на свои красивые глаза, хороший рот, хороший нос и т. д. И каждый раз, как ты в себе обнаружишь что-то, что тебе нравится, остановись и скажи: Господи, спасибо, что Ты мне это дал! – потому что это тебе дал Бог. А когда кончишь разбор и поблаговаришь Бога за уши, за лоб и все прочее, скажи: Господи, прости меня, что я на это красивое, милое лицо

приделала такое кислое выражение...» И это можно применить не только к внешности, но ко многому другому.

Сейчас многие крестятся во взрослом состоянии и почти без всякой подготовки. Со стороны не заметно, чтобы от этого они становились лучше, но сами-то эти люди именно считают, что стали лучше...

Если человек себя считает лучше других ввиду того, что над ним было совершено, будто некое действие, таинство крещения, он просто не понимает, что с ним случилось. Потому что самая сущность христианской веры в первую очередь – смирение. Не то что признание себя хуже всех, – до такой меры могут дойти святые, но реалистическое отношение к себе. Вот я крестился или меня приняли в православную Церковь, и этим мне представлен идеал, к которому я должен стремиться. Давай-ка я себя буду сравнивать с этим идеалом, сличать, и на каждом шагу видеть, насколько я от него далек... Знаете, когда читаешь жития святых, поражаешься: мы, в общем, никчемные, а вместе с тем чувствуем, что мы совсем не так уж плохи. Они – потрясающие люди, а видят себя греховными. Почему? Потому что они себя сравнивают с Богом, Каким они Его все больше и больше видят. Они видят свет все более яркий, и видят, какие они сами темненькие, в лучшем случае – полусветящиеся. А если человек превозносится над другими, потому что он христианин или православный, он просто чего-то очень основного не понял. Преподобного Серафима Саровского раз спросили, какие признаки того, что человек укоренен в Боге, воспринимает что-то от Бога – или от силы зла; и он сказал: дьявол холоден, он темен, горделив, он ненавистник. Если в твоей душе холод, если ты видишь все во мраке, если ты гордишься и превозносишься над другими людьми, если ты себя считаешь праведником, а других грешниками, то твои религиозные переживания не от Бога... А Бог (продолжает Серафим Саровский) – свет, Бог смирен. Когда у тебя сердце горит, когда у тебя ум светел, когда ты чувствуешь, что ты хуже всех – и однако любим Богом и приемлем людьми, тогда можешь думать: Да, это от Бога... Я думаю, что надо помнить: то, что нам дает Бог, не значит, что мы этим обладаем. То есть,

мы должны усвоить то, что нам дает Бог, иначе нам дается как бы запечатанный пакет, что-то за семью печатями.

Не считаете ли Вы, что Церкви нужно покаяние за то, что она делала в свое время? я имею в виду инквизицию и т. д. – покаяние именно земной Церкви?

Я думаю, что до сих пор никогда не было как бы всецерковного покаяния о том, каковыми христианами оказались в истории; но все больше растет сознание нашей ответственности за весь ужас истории. Если подумать, что за неполные две тысячи лет христианства в Западной Европе было более двух тысяч войн между христианами, это ясно говорит, какие мы христиане... И кроме того, мы несем огромную ответственность за неверующих, потому что когда мы говорим о Евангелии, оно, может быть, звучит хорошо, а когда посмотрят, как мы живем и что мы собой представляем, мы доказываем обратное. В Евангелии Христос говорит о фарисеях, что они связывают тяжелые ноши для людей, а сами их не трогают (Мф 23:4). Так что на нас огромная ответственность. Некоторые протестантские группы давно уже начали вводить на разных службах покаянные молитвы за то, что они оказались индивидуально или как общины неверными Евангелию и соблазном для окружающих. В Православной Церкви есть это сознание, но нет службы или какого-нибудь действия в этом отношении. Но я думаю, что нам надо это сознавать. Еще апостол Павел говорил: «Имя Божие хулится из-за вас» (Рим 2:24). Люди, глядя на нас, думают: нет, не стоит быть христианином...

Мне кажется, раньше чем ожидать, что Церковь, или приход, или община, или группа это сделает, каждый из нас должен это осознать: «Какой я христианин?..» и немножечко умерить свою рьяность, когда чувствует и утверждает: «Да, я христианин, я православный...»

Я имел в виду скорее – как бы сказать? – сторону официальную, политическую, чтобы Церковь как-то сказала, что она понимает свои ошибки чисто как организация...

Такого рода вещи говорятся, но я не думаю, что они достаточно доходят даже до того, кто говорит. Это очень

насушная проблема по отношению к безбожному миру. Мы ответственны в значительной мере за то, что люди не могут верить. Если бы они в нас видели таких людей, на каких хотелось бы быть похожими, они сделали бы что-нибудь. Я говорю не о вас, я о себе говорю. Глядя на меня – кому захочется быть христианином? Мой духовник мне говорил, что никто не может отказаться от мира и выбрать Бога, если не увидит на лице или в глазах хоть одного человека сияние вечной жизни. Я встречал таких людей, но, конечно, не всякий прихожанин, не каждый человек в нашей среде таков. И вот тут ответственность каждого из нас, потому что коллективная ответственность складывается из индивидуальных ответственностей. Группа людей не может каяться, если каждый человек не кается. Можно создать такую службу, но это будет только служба, слова.

Должны ли Церковь и государство быть совершенно независимыми друг от друга, или Церковь как организация может вмешиваться в политические дела, а государство – в церковные?

Я думаю, во-первых, что Церковь и государство не могут просто игнорировать друг друга, потому что Церковь не только живет в пределах государства, внутри его границ, но она состоит из граждан, и на этих граждан государство имеет какие-то права. Люди, живущие в определенном государстве, должны подчиняться законам государства, делать какой-то свой взнос в общественную жизнь, так что в этом смысле нельзя просто отмежеваться: «Мы не знаем, что вы существуете, а вы забудьте, что мы существуем». Верующий еще может это попробовать, и то с оговоркой, а государство, конечно, на это не пойдет, ему нужна рабочая сила.

Один мой старший товарищ, помню, попытался придерживаться такой линии: он стал монахом, теперь он от мира ничего не берет... Поселился в страшно холодной комнате. Ему понадобился свет – зажег электричество; ему нужна была вода – пустил воду, и так далее. Потом сообразил: если я говорю, что ничего не беру от государства и от светского общества, то должен прожить без электричества, без воды, без

тепла, без метро, без марок для письма, без бумаги и карандашей и т. д. Конечно, пример очень простенький, но фактически это так.

С другой стороны, я убежден, что Церковь не должна вмешиваться в политику и не должна быть как бы политической партией определенного рода, потому что это сразу снижает ее на тот же уровень, что и государство, будто все дело просто в том, что у нее одна идеология, у государства другая. Но Церковь, на основании своей веры в Бога и в Евангелие, имеет определенные нравственные устои. И вот эти общечеловеческие нравственные устои Церковь имеет право провозглашать, говоря не: «Бог вас накажет, если...», а: «Если ты хочешь быть настоящим человеком, то ты не можешь поступать так, как поступаешь...»

В обществе, в стране, где есть несколько политических партий, опять-таки, Церковь не должна быть частью одной из них. Но Церковь должна на основании Евангелия иметь нравственное суждение о любых действиях государства, парламента или любой властной структуры и высказываться, что так нельзя поступать (кто бы ни поступал: правый, левый, средний). Церковь должна иметь зрячесть и мужество сказать любой партии, любой группе людей: «Это недопустимо!». И не потому что Церковь принадлежит другой группировке, а потому что Церковь – как указатель.

(1988–89), 1993

О ЕДИНЕНИИ ХРИСТИАН

«...и о соединении всех Господу помолимся»

На каждой службе мы молимся «о соединении всех» в Церкви Бога Живого. О каком это единстве мы молимся, и почему нужно именно **молиться** о нем? Мы молимся, потому что единство, которое разрушил человек, восстановить может только Бог: критерии его слишком высоки, мерки его не человеческие, а Божии. Такое единство – тайна по природе, чудо по существу. Христианское единство нельзя определить в категориях содружества, сообщества. Это не «совместность», это «единство»: "Да будут они едины, как и Мы – едино», – обращался Господь в Своей последней молитве к Отцу (Ин. 17:22). Это славный и трепетный призыв и образец, потому что в нем заложено державное повеление для всего рода человеческого: достигнуть подобия Святой Троице, быть Ее образом и Ее откровением; а это и обещание, но также и ответственность. И мы легко забываем и то, и другое. Опыт этого славного и страшно-трепетного единства и есть само бытие, существо Церкви, ее природа: **Церковь есть само это единство; Церковь есть** едина и нераздельна, хотя христианский мир разбит на части нашими грехами. «Просите мира Иерусалиму, граду слитому в одно...» (Пс. 121).

Слишком часто Церковь мыслится как самое наисвященное общество людей, объединенных и связанных между собой общей верой и общей надеждой на одного и того же Бога, их любовью к одному и тому же Господу; многим представляется, что единство Самого Бога, к Которому разделенные и сопротивляющиеся христиане прибегают, – хотя и исключительный, но достаточный якорь их единства. Такой критерий слишком мелок; и также слишком мелок лежащий в его основе опыт о природе и о жизни Церкви. Церковь не есть просто человеческое объединение. Это не объединение, но организм, и его "члены" – не «составные части» коллективного целого, но подлинные, живые члены сложного, но единого тела (1Кор. 12:27): не существует такого явления как христианский

индивид. И тело это, одновременно и равно, человеческое и Божественное. Человеческое – потому что мы – его члены; и не только мы, а также и все почившие верующие, потому что «Бог не есть Бог мертвых, но живых» (Мф. 22:32), и все для Него живы. Но Церковь также и Божественна: Сам Господь, истинный Человек и истинный Бог, есть ее Глава, Первенец среди усопших, один из ее членов; в день Пятидесятницы Дух Святой вселился в нее и пребывает в каждом из ее убежденных членов; и наша «жизнь сокрыта со Христом в Боге» Отце (Кол. 3:3); мы – сыновья и дочери по приобщению.

Церковь есть место и средство, способ соединения Бога с Его тварями. Это – **новое творение**; Царство, уже пришедшее в силу; единство, вос-созданное с Богом и в Боге – в любви и свободе. Слова, которые кажутся такими жесткими: «нет спасения вне Церкви», глубоко справедливы, потому что Церковь и **есть** спасение: место встречи Бога с человеком, но также, по существу, самая тайна их соединения. В Церкви Бог оделяет Свою тварь Своей Божественной жизнью, отдает Себя свободно, в любви; человек становится «причастником Божественной природы» (2Пет. 1:4) и в любви, свободно принимает Бога, становится Богом по приобщению, когда его человеческая природа пронизывается благодатью, Божественной и нетварной, как железо может быть пронизано огнем. Бог, принятый любовью, больше не чужд Своей твари, как и человек больше не чужак в Царстве Божию. И это новое взаимоотношение вырастает в подлинную молитву единства, которая есть поклоняющаяся любовь и преданное служение.

Церковь не "ищет" единства и полноты; она есть полнота и единство уже данные и принятые. И это единство есть образ Святой Троицы, подобие Божественной жизни, славный и страшный и животворящий опыт, переживание для самой Церкви, – и тоже откровение всему творению: «Да будут все едино да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин 17:21), и имели бы жизнь вечную, потому что «сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин 17:3).

Знать Бога – это глубинный и неизъяснимый словами опыт Церкви, ведомый только ей самой. Быть откровением Божиим – ее задача и ответственность; будучи Его откровением, она тем самым есть свидетельница своего Бога, потому что обезбоженный мир видит Бога только в его Церкви и через нее, судит Христа по Его Церкви; и прозревает Троичную тайну и тайну Божественной жизни, познавая истинное призвание человечества по образу и явлению этой новой жизни – которая есть Церковь в единстве ее познания, ее поклонения и ее любви. И это явление должно быть откровением тайны жизни не только на словах, но славной жизнью единства с Богом и в Боге. И мы верим, что все еще существует, несмотря на разделения и среди них, единая, нераздельная Церковь – потому что иначе нет Церкви вообще, нет новой твари, нет Царства, пришедшего в силу, и наш Господь и Бог потерпел провал в Своем деле сотворить все новым и единым: «Се, творю все новое...».

Мы не можем обходить стороной христианские разделения; мы должны сознавать, что расколы являются зачатком скрытого богоотступничества – отречения от воли Божией, разрушением Его дела. Если мы действительно понимаем, что означает и что **есть** единство, мы не можем мириться с нашими разделениями, нашим замаскированным отступничеством в поступках и жизни. Мы должны сделать эту отвергнутую волю Божию **своей заботой** и всем сердцем приступить к делу. Две воли управляют историей: воля Божия, всемогущая, которая может создать все из ничего и обновить обветшавшее, и воля человека, слабая, неспособная создать и обновить, но обладающая страшной силой воспротивиться воле Божией. Она может разрушить, но не может воссоздать. И человек может только переломить себя и молиться. И мы это сделаем: будем молиться Богу, чтобы Его воля восстановила наше вселенское единство. Но, как говорит святой Ефрем Сирин: Не заключай молитву свою в слова, но преврати в молитву всю свою жизнь...

Будем молиться о единстве в тайниках наших сердец, в тесном кругу наших семей, в содружестве наших общин – но и соединимся вместе в молитве, приобщаясь к нашей общей

тоске по единству. Вкусим горечь нашей разделенности – с болью, не стараясь избежать этой горечи, неся крест своего позора. Осознаем свою нужду и свою ответственность – и откроем свои сердца любви и смирению, приходя к нашим разделенным братьям не как господа, а как служители, поистине – как рабы. Мы должны широко распахнуть наш ум, расширить наши познания, углубить наше понимание – научиться различать грешника от его греха, заблуждающегося от заблуждения и все более осознавать наличие подлинной духовной жизни в различных христианских обществах (Ин 14:2).

Мы должны встречаться, учиться и молиться вместе... Но сделаем и нечто большее: «единство» тождественно единению с Богом, и раньше, чем где бы то ни было, единство начинается в глубине наших сердец: «Блаженны чистые сердцем, потому что они узрят Бога» (Мф. 5:8). Путь, ведущий ко всеобщему единству, есть **наша** личная святость; путь этот очень прост: «Сыне, – говорит Господь, – дай Мне твое сердце, и Я сотворю все», – всесердечная, деятельная самоотдача, позволяющая нам взывать к Богу, называя Отцом Небесным Бога. И Он услышит наш зов, как услышал молитву Своего Единородного Сына, и дарует нам это единство, приятное Его воле, ибо сказано: «Блаженны миротворцы, ибо они нарекутся сынами Божиими» (Мф. 5:9).

Выступление русского православного духовного руководителя Содружества святого мученика Албания и преподобного Сергия иеромонаха Антония на собрании, посвященном христианскому единству, 19 января 1950 г. в Какстон Холл, Вестминстер. Пер. с английского

Проповедь по случаю открытия заседаний центрального комитета Всемирного совета Церквей (Берлин, август 1974 г.)

В одной из древних литургий, ранней, неразделенной еще Церкви Вечеря Господня предваряется следующими словами:

«Свят еси и Пресвят, и великолепна слава Твоя; Ты, Который мир Твой так возлюбил, что Сына Твоего Единородного дал, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную; Который пришел, и исполнил все, что было написано, и в ночь, когда был предан, или, скорее, Сам Себя отдал за жизнь мира, взял хлеб в святые Свои и пречистые и непорочные руки, благодарил и благословил, освятил, преломил и дал святым Своим ученикам, сказав: Примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вы ломимое во оставление грехов. Также и чашу, по вечере, сказав: Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Нового Завета, за вас и за многих изливаемая во оставление грехов. Сие творите в Мое воспоминание, ибо каждый раз, как едите Хлеб сей и Чашу сию пиете, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедаете».

И сейчас мы собрались на Вечерю Господню, в послушание заповеди Христа, для того, чтобы исполнить Его волю в воспоминание о Нем.

Он стал человеком по любви к нам; Он жил среди нас; Он вкусил гефсиманское борение и вышел из него победителем; прошел через оставленность на Кресте, понес смерть презренного преступника, сошел в царство смерти для того, чтобы спасти нас; и радость Его – в спасении каждого грешника. И этот путь Господь заповедал Своим ученикам, а через них – каждому из нас.

И однако мы стоим здесь, разделенные именно в минуту самой глубокой и близкой встречи с Господом, разделенные грехом, но также и верностью нашим различным традициям; мы не можем попросту отказаться от этих традиций, не утратив при этом какой-то целостности.

Мы стоим разделенными перед трапезой Господней. Он зовет нас, но мы не решаемся подойти вместе к Его трапезе, потому что это не было бы правдиво; это значило бы, что мы провозглашаем то единство, которое мы должны трудом достигнуть, но которого еще нет. Это единство может быть дано нам как дар Божий, когда мы станем подлинными христианами не только в вере нашей, но и во всех проявлениях нашей жизни.

Так неужели мы ничего не можем сделать, чтобы явить **вместе** послушание заповеди Христовой? Неужели мы навсегда и непоправимо разделены перед трапезой Господней? Разве Христос установил Трапезу Свою только для того, чтобы мы участвовали в торжестве Его воскресения, победы жизни над смертью? И разве эта Священная Трапеза, словами молитвы, которую я произнес, исповедует только воскресение Христа? Она исповедует **также** и Его смерть... Разве приобщение к Господу может быть только прообразом чего-то будущего?

Двое из учеников Его, услышав, что Он воскреснет, стали просить своего Учителя о почетном месте для себя в Царствии Божием, по правую и левую руку от Него. И Христос им ответил: «Можете ли пить чашу, которую Я буду пить?» (Мф. 20:22).

В этом заключено то, что должно характеризовать нашу приобщенность ко Христу: мы должны быть готовы разделить всю судьбу Иисуса; только тогда мы можем надеяться получить часть и в Его вечной славе. И когда вечность водворяется в нашей жизни, пронизывает ее, мы можем разделить и жизнь и святость этой Трапезы. Мы становимся тогда подлинными членами Тела Христова, ломимого во спасение мира.

Суть дела – в этом: если мы преломляем хлеб с Ним, если мы пьем от Его чаши, мы становимся Его соратниками. Мы призваны к трапезе Господней как друзья, имеющие равные с Ним права; разделяя с Ним признаки Его господства, мы тем самым призываемся разделить с Ним и Его страдание. Ибо мы, ветви, **настолько** едины с Ним, Лозой, так тесно, так полно с Ним соединены, что Он может сказать нам, как сказал Своим ученикам после Воскресения: ""Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас"" (Ин. 20:21). Не говорит ли Он каждому из нас: Идите в мир, волей, не по принуждению, а как Я пошел;

примите на себя все ограничения падшего мира; разделите всякое страдание, всякий голод, всякое одиночество, всякую человеческую беду. Но разделите также все, что есть в мире любви, красоты, славы и ликования. Живите среди людей, но оставайтесь людьми свободными: без страха и корысти, без превозношения и без ненависти.

Живите среди них и для них всю свою жизнь. Справедливо сказал апостол Павел: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1:21): легче умереть, сгорев скорой смертью, чем выдерживать долгую борьбу для того, чтобы восторжествовали милосердие и сострадание, справедливость и любовь.

Иисус хочет сказать этим: Сойдите, если нужно, в самые мрачные задворки ада, как Я сошел; с теми, которые были узниками смерти, Я сошел в долину смерти; так же идите и вы в этот человеческий ад... Для многих в наши дни ад – это старческие дома, психиатрические больницы, тюремные камеры, колючая проволока вокруг лагерей... Идите в самые глубины беспросветности, одиночества и отчаяния, страха и мучений совести, горечи и ненависти.

Сойдите в этот ад и оставайтесь там, живые, как Я это сделал, живые той жизнью, которой никто не может у вас отнять. Дайте мертвым возможность приобщиться этой жизни, разделить ее. Раскройтесь, чтобы мир Божественный излился на вас, потому что он – Божий. Светитесь радостью, которой не одолеть ни аду, ни мучению. Иисус говорит нам: Я родился незаметным, незамеченным в Палестине, маленькой стране, оккупированной, униженной, которую римляне лишили независимости и свободы; Я был приговорен к смерти как уголовник, был покинут людьми, даже друзьями, отвергнут теми, кто Меня превозносил и поддерживал. Уделом Моим было умереть вне стен града человеческого, потому что не нашлось Мне места в нем. Уделом Моим было умереть одиноким, оставленным Самим Богом, потому что Я до конца захотел быть солидарным с людьми, которых Я пришел отпустить на свободу. Я захотел раскрыть перед ними любовь, которая не знает пределов, любовь, которая сильнее смерти.

Ничто не было слишком незначительным, слишком малым, чего бы Я не сделал для человека... Не умыл ли Я ноги Своим ученикам? Не сделал ли Я Иуду Своим другом? Не спросил ли Я Петра просто: Любишь ли ты еще Меня?.. Я не спросил его, после того как он трижды отрекся от Меня, стыдно ли ему, раскаивается ли он... Когда Я был покинут и боролся в молитве, Я не стал упрекать Своих учеников, которые слишком устали, чтобы побыть со Мной, и спали... Когда слуга Первосвященника ударил Меня – стал ли Я защищаться? Когда стали Меня пытаться, не молился ли Я: Прости им, Отче, они не знают, что делают?

Сегодня Иисус ставит перед нами вопрос: что все это, если не любовь, сострадание и всеконечная солидарность со всеми людьми? Людьми доброй воли, которые радовали Меня, и людьми злой воли, за которых Я умер? Не предостерег ли Я вас: Не признаю Я Своими учениками всех, которые говорят Мне «Господи, Господи...», не предостерег ли Я вас: Придут многие и скажут: вот, мы были в Доме Господнем, – и Я отвечу им: Не знаю вас...

Хлеб ломимый и изливающаяся кровь Тайной Вечери означают все это и еще многое другое. И пока мы не следуем за Христом таким абсолютным образом и не творим всего этого в Его воспоминание, мы не можем разделить друг с другом эту Святую Вечерю, эту трапезу, в которой провозглашается Его воскресение как прообраз Царства Божия.

Будем делать все, что уже можно сделать сегодня, в верности и послушании. Будем жить и, если нужно, отдадим свою жизнь, как это сделал Христос. Будем поступать так, каждый из нас в отдельности, и как члены великой общины учеников Христовых. И тогда мы обнаружим, что перегородки, разделявшие нас, пали сами собой. Мы встретимся за трапезой Господней, как были собраны Его ученики. Он умоет наши ноги, помажет наши головы; Он посадит нас на почетные места и послужит каждому из нас с лаской и смирением.

Лишь в конце дней наших и в конце мира будут явлены дочери и сыны Божии. Не всегда мир наш будет местом событий трагических и страшных; он станет местом господства Бога

нашего, и мы можем трудиться ради наступления этого господства. Тогда не власть денег, не подавление человека человеком и угроза уничтожения всякой жизни оружием будут в центре мировых событий, но престол Божий и трапеза Вечери Господа нашего. Аминь.

Пер. с английского.

Вестник Русского Западно-Европейского
Патриаршего Экзархата, 1974, № 85–88».

Из бесед

Ответ на вопрос: *Ваше мнение о экуменическом движении?*

Экуменическое движение родилось из сознания относительно небольшой группы людей, что христиане разошлись так давно и так давно перестали общаться, что они перестали вообще друг друга понимать, и что надо создать какую-то организацию, место, где христиане разных вероисповеданий будут встречаться не с тем, чтобы друг друга критиковать или рвать, а чтобы друг перед другом свидетельствовать о том, что они за столетия узнали о Боге, узнали о жизни, узнали о Церкви. Это может быть много или мало – эта тема не поднималась, поднимался вопрос о том, что мы разошлись и больше друг друга не знаем. И был замечательный период между 1948 годом и концом пятидесятых – началом шестидесятых годов, когда христиане разных вероисповеданий встречались в экуменическом движении, зная, что собеседник открыт, а не закрыт, что собеседник будет слушать с искренним желанием **услышать** то, что ему говорят, и понять то, что ему говорят, хотя и не обязательно согласится; что если будет возражение, вопросы или спор, то для того, чтобы **понять** друг друга, а не для того, чтобы друг друга разрушать. Православные тогда очень много свидетельствовали о своей вере; и целый мир католический и протестантский вдруг обнаружил, что Православие существует, что это не просто разновидность, причем «подпорченная» разновидность западных вероисповеданий, а что оно имеет свое лицо, свои глубины, и имеет, что сказать. Затем, когда мы привыкли друг с другом говорить, начали говорить о существующих различиях и о том, что нас разделяет; и был интересный, живой период, когда мы сличали наши разногласия, причем опять-таки не с тем, чтобы друг друга обращать, а с тем, чтобы осведомить друг друга и понять один другого.

А потом экуменическое движение стало (во всяком случае – для меня) гораздо более сложной проблемой, потому что перестали ставить основные вопросы и стали расширять

членство и для этого снижать критерии и допускать двусмысленные формулировки. Сначала в экуменическом движении могли участвовать те, кто верит в Божество Иисуса Христа и воспринимает Его как своего Спасителя. Потом решили внести новую базу, которая была бы богословски «более богата» и которая оказалась на самом деле вроде трясины. Было предложено, что не может участвовать, не может быть членом движения Церковь, которая не верит в Бога Единого в Трех Лицах. И тут случилась беда, потому что некоторые церкви – одна из Голландии и одна из Швейцарии – написали заявление, что они готовы на эту формулировку при условии, что не будет указано ни в какой мере, что мы хотим сказать, когда говорим о Лицах: это могут быть реальные Лица, это может быть иносказание, это может быть понятие – только об этом ничего не должно быть сказано. И, к сожалению, на съезде в Дели это было принято. Сказано было: ну хорошо; соглашайтесь с формулировкой, а мы не будем с вас требовать никаких разъяснений по содержанию... И в тот момент стало гораздо все сложнее, потому что когда было это, количественно очень элементарное, требование о вере в Божество Христа и в то, что Он Спаситель, мы знали, где мы находимся; когда ввели эту Троичную формулу, но расплывчатую, стало гораздо сложнее знать, с кем имеешь дело.

Затем следующая стадия, которая уже началась в Дели, была озабоченность о проблемах современности, – в тот момент о голоде, об обездоленности ряда стран, в частности, Индии, некоторых стран Африки; и было внесено предложение, что экуменическое движение будет всеми силами стараться помогать нуждающимся без всякого различия вероисповедания, политического режима и т. д.; и было сделано предложение такую формулировку ввести, что мы будем делать вместе все то, что по совести можем делать вместе, и отказываться вместе делать только то, что по религиозной нашей совести мы не считаем возможным делать вместе, скажем, приобщаться вместе или некоторые иные вещи такого рода. Эта стадия усложнила все положение тем, что привнесла политические моменты, моменты такого рода как борьба с расизмом, с одной

стороны, борьба с неоколониализмом, борьба с колониализмом вообще. И тут, конечно, от того, что Ассамблея – очень сложное общество и представляет собой бесконечное количество политических и других оттенков, началась поляризация в какую-то сторону. Одних можно было ругать сколько угодно, и даже добродетельно их ругать: скажем, Южную Африку каждый ругал сколько Бог на душу положит; а некоторых других – нет, ругать не надо, потому что они «в становлении»; скажем, террористическое движение в Африке ругать нельзя, потому что это часть борьбы с расизмом. И тут стало очень сложно, очень скользко и, я бы сказал, очень неприглядно, потому что тогда стали выступать на первый план политические интересы, политические симпатии. Помню, я выступал по какому-то поводу, и мне Генеральный секретарь Всеафриканской христианской конференции сказал: Вы бы помолчали, – все равно мы все будем голосовать против вас, потому что мы от этих людей получаем оружие... Этим все сказано было, и тут никакая принципиальность больше не играла роли. Поэтому сейчас экуменическое движение стало очень сложным явлением. Я уже несколько лет не участвую в нем как официальное лицо, но лет двадцать участвовал как представитель Русской Церкви; и первые периоды были очень богаты содержанием; теперь все стало очень политично, социально, и тема о христианском единстве ушла далеко на задний план.

Это – экуменическое движение в официальном его виде. На местах оно сыграло громадную роль тем, что сделало возможным для людей встречаться без ненависти, встречаться с интересом, с какой-то открытостью, даже молиться вместе. На ранних межцерковных собраниях католикам было запрещено молиться с другими; поэтому католики стояли за дверью собрания в ожидании, что собрание кончит молиться, и потом вступали и садились на места для обсуждения темы; а когда в конце предстояла молитва, все католики выходили поспешно, чтобы только не «оскверниться» общей молитвой. Теперь этого нет; теперь они участвуют, порой руководят общей молитвой, порой молятся вместе с другими. Это же в том или ином виде

относится к разным другим группировкам; атмосфера между христианами изменилась колоссально благодаря экуменической работе; но сближение сейчас, в широком масштабе, в экуменическом движении как таковом, уже отошло на второй план, – есть слишком много иных тем. А в некоторых странах (боюсь говорить о всех, но Англию я знаю довольно-таки хорошо) все попытки воссоединения пошли на снижение, то есть на абсолютный минимум: если ты можешь сказать, что веришь во Христа, хватит с нас; веришь ли ты, что Он Бог, веришь ли конкретно в Евангелие, веришь ли в Воскресение Христово и т. д. – мы не будем тебя спрашивать; мы только спросим: «Веришь ли во Христа?» И на этих началах, конечно, не может быть **никакого** воссоединения, которое бы чего-либо стоило.

Сейчас огромный кризис веры на Западе, конкретной веры. Я вам могу дать примеры. Профессор догматики в университете в Оксфорде выпустил книгу, которая называется «Миф о Воплощении», – он просто не верит в Воплощение... Наша православная студентка на богословском факультете в Лондоне участвовала в семинаре и что-то сказала о Воскресении Христовом; профессор-англиканин ей сказал: «Не саботируйте собрание!» Она возразила: «Простите, я верую в Воскресение...» – «Глупости! Если вы будете продолжать об этом говорить, я вас попрошу выйти вон!» – и он ее исключил из семинара. Третий пример: у нас приход в северной Голландии, в городе Гронинген. На наше богослужение ходил местный католический епископ. Я его спросил как-то: «Почему Вы ходите? Мы Вам только рады, но почему Вам хочется молиться с нами?..» Он ответил: «Потому что мне необходимо побывать среди верующих». Я говорю: «А мало ли у Вас своих католиков?» – «Знаете, половина моего духовенства больше не верит в Воскресение и в Божество Иисуса Христа...» Остается образ Христа как человека бесподобного, который нам показывает, каким должен быть человек; Богочеловека нет.

Я вам дал, конечно, очень крайние примеры, но такие взгляды сейчас очень распространены. Скажем, я четыре года не могу выступить на Би-Би-Си по-английски, потому что они не

согласны на проповедь такой веры, какую я бы проповедовал. Я говорил о Божестве Христа и т. д., и мне сказали: «Простите, Вы принадлежите к другому столетию!» – и с тех пор больше не приглашают. Я знаю некоторых епископов Англиканской Церкви, которым туда ход заказан, потому что они веруют, – просто в Евангелие веруют. Так что кризис действительно очень серьезный, и в результате голод по Православию на Западе вообще, и в частности – в Англии, которую я просто больше знаю, очень значительный. К нам обращаются люди всех вероисповеданий для того, чтобы мы поддержали в них веру; не обязательно, чтобы мы приняли их в Православие, а просто: «Поддержите нас, потому что мы погибаем, мы тонем в безверии нашей Церкви». Это очень трагично.

Мы не принимаем людей легко. Переметнуться в другую Церковь, потому что вам перестало быть вмоготу жить в своей, недостаточно; надо становиться православным по положительным причинам, а не по отрицательным. Я помню собрание пятидесяти священников в Шотландии, которые в присутствии их епископа мне сказали, что если Англиканская Церковь пойдет дальше, они будут просить о соединении с Православной Церковью. Я им ответил: Я вас не приму, потому что вы не в Православие идете, вы уходите от англиканства... Один из них спрашивает: «А что за разница?» – «А очень просто: что ты Машу разлюбил – еще не основание для того, чтобы жениться на Паше, вот и все». Надо иметь какие-то положительные данные, чтобы выбрать веру, в которой, в общем, нелегко жить. У нас все-таки слишком мало Православия в Англии, чтобы человеку, делающемуся православным, было легко. Если вы живете в одном из центров, где у вас есть храм или где бывают богослужения, это еще не так плохо, хотя вы можете разорвать свои отношения с семьей и с вашим привычным окружением; но если вы живете где-то, где ничего нет и, вероятно, еще десятилетие-другое ничего не будет, что тогда? Для этого нужно быть очень крепким в вере. Вы это понимаете больше меня, но приходится смотреть очень осторожно.

Сейчас преподавание богословия в Англии стало таким «вещественным». Возьмите Новый Завет: преподается язык, грамматика, разбирается достоверность или недостоверность тех или других рукописей и т. д., и почти ничего не остается от сути (Евангелия). Помню, группа студентов, которые должны были быть рукоположены в Англиканской Церкви, просили меня провести с ними трехдневное говение, то есть беседы о духовной жизни и частные беседы о их собственной духовной жизни; и на заключительном собрании один из студентов от имени других при всех преподавателях поставил мне вопрос: «Как нам вновь найти ту веру, которая нас привела в богословскую школу и которую богословская школа разрушила?..» Вот каково положение.

И конечно, у нас есть свое задание: просто проповедовать Евангелие, не ставя цели «обращать»: кто придет – тот придет, причем приходят многие. В прошлом месяце я принял в Православие семь человек университетской молодежи, после трех- или пятилетней подготовки. Мы не стараемся «завлекать» людей: приходит тот, кто хочет, и мы их выдерживаем долго; но зато они знают, куда пришли и для чего. Наши обстоятельства гораздо проще здешних (то есть в СССР – *Ред.*), поэтому мы можем себе позволить готовить людей без конца, и выдерживать их, и мучить их ожиданием; так у нас жизнь течет, и Православие рождается просто стихийным образом.

Я вам просто дам пример. В одной деревушке на юго-западе Англии молодой человек, который преподавал в соседнем городе драматическое искусство, набрел на какую-то книгу о Православии; прочел, увлекся; прочел другую, третью, пятую, десятую; стал ходить, когда мог, в Православную церковь и решил, что нет для него другого духовного родного дома, отчего дома. У него жена и дочь; и он решил, что никогда его жена не согласится на Православие, поэтому он год-другой ничего ей не говорил; просто, когда мог, ходил, молился. Как-то он взял ее с собой в Православную церковь; когда они вышли, его жена ему говорит: «**Как** ты мог меня раньше сюда не привести? Разве ты не понимаешь, что это – единственная Церковь, к которой я могла бы принадлежать?..» Приняли они

Православие через год-другой и начали молиться, у себя на дому каждое утро совершать утренние молитвы и вычитывать утреню, каждый вечер – вечерню и вечерние молитвы. Некоторые односельчане стали их просить: нельзя ли с вами молиться? И так создалась группа из двадцати пяти человек, которые в течение нескольких лет приняли Православие; потом ко мне обратились, говорят: «Слушайте, у нас вот есть этот Джон; он нам дал Православие, – почему вы его нам не дадите священником?..» Я его рукоположил, и там приход, в какой-то деревне, куда совершенно незачем было Православию залетать – а **есть**. И в целом ряде мест вот так рождается маленькая группа в три человека, пять, десять человек; передвигаются люди, попадает куда-то живой человек и начинает оживлять жизнь, и так постепенно складывается что-то. Тридцать лет тому назад у нас был один священник и один приход Русской Православной Церкви на всю Великобританию и Ирландию; теперь у нас восемь приходов, восемь священников, несколько диаконов и семь или восемь мест, где мы регулярно совершаем богослужение.

Прихожане – смесь. Греки – особая статья; православных греков в Англии почти 150 тысяч, это большей частью выходцы из Кипра, которые переехали в Англию в момент беспорядков, войны там; они живут густыми массами, английскому языку не научились за пятнадцать лет и не научатся за следующие десять, и живут они своими закрытыми общинами. У нас раз в год, в воскресенье Торжества Православия, бывает всеправославное богослужение, толпы собираются, мы друг на друга смотрим и улыбаемся; они говорят: «Благословите!» – я их благословляю, и после этого конец всему нашему разговору.

В русской области у нас есть первое поколение наших эмигрантов. Самой старшей нашей прихожанке сейчас подходит сто первый год. Я, хотя мне теперь под 65, из молодых в этой группе. Это основная чисто русская группа: и русского языка, и русской культуры, и русского воспитания; но затем идут четыре поколения смешанных браков. Наша староста – моя сверстница, старый мой друг, вполне русская по образованию, культуре и т. д.; ее мать вышла замуж за англичанина в России

еще лет за десять до революции. Она, значит, полуангличанка; сама вышла замуж за англичанина, который после пятнадцати лет был принят в Православие. Дочь и сын уже четвертушки, они поженились и вышли замуж за англичан; сейчас я крещу их детей, в которых одна осьмушка русской крови. Как сказать: они русские или нет? Да, в каком-то смысле они русские; но конечно, есть много семей, где два поколения назад уже потеряна всякая связь – с русским языком, во всяком случае... И потом есть у нас англичане, ставшие православными по различным обстоятельствам; очень многие просто потому, что слышали проповеди, слышали лекции, прочли какие-нибудь книги, – и прибились.

Одна группа была очень забавная. Я в 1967 или 1968 году в течение недели проповедовал на улицах в Оксфорде. Просто становился где-нибудь, подбиралось несколько человек, я в течение часа проповедовал Евангелие, а в течение полутора часов отвечал на вопросы. В какой-то день ко мне подошел юноша – мохнатый, лохматый, с длинными волосами, одетый в длинную свитку, и говорит: «Чего Вы на наши собрания не ходите?» Я спрашиваю: «А какие собрания?» – «У нас целая группа хиппи здесь, а чем Вы не хиппи? одеты, как никто, вид у Вас совершенно странный, вокруг шеи какая-то цепь с чем-то: такой же хиппи, только из старых...» Я сказал, что если так, то конечно, приду на собрание; когда следующее? – «Сегодня вечером приходите...» Вот, пришел я на собрание: громадная комната, матрасы по стенам, свечи стоят на голом полу (и для освещения и для прикуривания), и один из молодых людей стоит, свои стихи читает. Я пробрался в какой-то угол, сел на матрас и стал слушать. Первое, что меня поразило, это – как его слушали. Там было человек пятьдесят, и слушали его благоговейно, как слушают человека, который говорит о себе самое сокровенное и которого слушают с вниманием и уважением к тому, что он свою душу открывает. В какой-то момент он кончил, сказал: «Ну, кажется, все», – и пошел сел на свой матрас; потом еще кто-то выступил, и еще кто-то. Я подумал: если я дикий, почему бы мне не выступить? – и на четвереньках выбрался вперед и говорю: я хочу сказать нечто; я

хочу сказать вам, как и почему я стал верующим. Я им рассказал сначала о ранних годах эмиграции, о том, как жилось – потому что им не вредно сообразить, что жилось-то хуже, чем им; мы не были такие мохнатые, кудластые, но ели меньше... Потом рассказал, каким образом я стал верующим; когда кончил, была такая минута молчания, началась драматическая пауза; я подумал: ух, как благоговейно все это звучит! – Но благоговение кончилось, потому что вдруг открылась дверь, огромный барбос ворвался в комнату, промчался вокруг прямо ко мне, ткнулся мордой в лицо и удрал. Этим, конечно, кончилась мистическая атмосфера, драматический эффект был уничтожен; после этого мы еще довольно долго сидели, рассуждали, и кто-то из них ко мне подошел и говорит: «Хорошо, что Вы пришли!» – «А почему?» – «А у Вас глаза добрые...» – «А что?» – «Знаете, Вы на нас смотрите и не презираете...» Такая реакция очень интересна была, потому что, конечно, их принимают и в хвост и в гриву.

Это была первая встреча; потом стали ко мне в церковь ходить хиппи. Наши старушки, я бы сказал, не в телячьем восторге были, – подумайте о своих здешних – когда они стали появляться: «Отец Антоний, неужели они всю церковь собой заполнят?..» – А их только сорок или пятьдесят, и стоят они очень хорошо... В общем, восторга не было. После какого-то богослужения я их словил и пригласил к себе, и потом они год ко мне ходили раз в месяц пить чай и разговаривать; потом стали ходить на лекции, которые у нас устраиваются. А потом в какой-то день они пришли и говорят: «Знаете, мы хотим молиться; не хотите ли Вы провести с нами всенощное бдение и нас учить?..» И мы десять часов промолились. Это совсем неплохо, чтобы группа из человек шестидесяти девчат и молодых людей десять часов сряду молилась – это показывает, что они действительно молиться хотели. Причем мы, конечно, не совершали богослужение; было бы бессмысленно совершать православную всенощную для группы людей, которые вообще не знают, на чем они стоят. Но мы сделали так: нас было трое, мы разделили время на три периода по три часа, и в интервалах после каждого периода из трех часов был кофе и

хлеб (все-таки они пришли с работы или откуда-то, где они уставали). Мы вели так: каждый из нас (было два англичанина) делал вступление на какую-то тему; потом был период с полчаса; а потом такое размышление вслух, то есть эта же тема разбивалась на маленькие предложения, над которыми каждый должен был подумать несколько минут и которые потом собирались в форме короткой молитвы. Так мы десять часов промолились.

Потом они меня пригласили, поставили тему о святости, и мы три дня провели вместе. Мы молились, сидели вместе, я вел беседу с ними, были общие вопросы; потом, кто хотел, приходил ко мне со своими личными вопросами. И сейчас целый ряд из них прибывается к Православной Церкви. Я их спрашивал: почему? Они говорят: Потому что православные знают, во что они веруют, и потому что у вас в Церкви есть молитва; не приходится (как некоторые говорили) «приносить молитву с собой», можно влиться в существующую молитву.

Москва, 12 сентября 1978 г.

Примечания

¹ - Мать Мария (1891–1945) – православная монахиня, героиня французского Сопротивления, погибшая в немецком лагере. См. о ней: Протоиерей Сергей Гаккель. Мать Мария. Изд-во Всецерковного православного молодежного движения. Б. м., б. д. – Ред.

² - Краткое введение к беседам на первые главы Евангелия от Марка «Даниловский благовестник» в 1998 г. – Ред.

³ - Charles Williams . All Hallow's Eve (в названии – обозначение англиканской службы Кануна дня всех святых). – Ред.

⁴ - Henri Bosco.. L'Ane Culotte. – Ред.

⁵ - «О аде и адском огне, рассуждение мистическое» – часть бесед и поучений старца Зосимы. См. «Братья Карамазовы». Ч. 2. Кн. 6. «Русский инок». – Ред.

⁶ - Lent (англ.) «Великий пост», ср. нем. Lenz «весна». – Ред.

⁷ - Доклад на Втором съезде православной молодежи в Западной Европе. Дижон, 2 ноября 1974 г. Опубликовано в журнале «Contacts», 1975, № 89. Перевод впервые опубликован в журнале «Человек». 1996. № 6; 1997. № 1.

⁸ - А. де Виньи. Избранное. М.: Искусство, 1987. – С. 491. Перевод Г. Шенгели.

⁹ - Les fins derni eres (франц.) букв. «последние цели». – Ред.

¹⁰ - Гюго В. Собр. соч. в 15 т. М., 1956. Т. 13. – С. 319. Перевод Н. Рыковой.

¹¹ - «Арсский кюре» – Жан-Мари Вианнэ (1786–1859), популярный приходской священник во Франции.

¹² - Даниелу Жан (1905–1974) – французский католический богослов, историк Церкви.

¹³ - Хорошей иллюстрацией к этим рассказам служит документальный фильм «Встреча» (режиссер В. И. Матвеева,

Леннаучфильм, творческое объединение «Выбор»), снятый по благословию Владыки в 1993 г.

¹⁴ - Память 1528 декабря претерпел пытки и тюремное заключение при иконоборце императоре Льве Исаврянине. Скончался святитель Стефан в сер. VIII в.

¹⁵ - Небольшая комната при храме, до последнего времени служившая местом собрания прихожан; в 1993 г. при соборе был построен приходской зал.

¹⁶ - Собор был построен в 1849 г. по образцу базилики Сан Дзено в Вероне и посвящен Всем святым; как православный храм был освящен в честь Божией Матери и получил двойное посвящение: храм Успения и Всех святых.

¹⁷ - Иконы были освящены и поставлены в иконостас к Рождеству Христову 1994 года.